

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

имени М.В. ЛОМОНОСОВА

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

ЕКАТЕРИНА ИГОРЕВНА КОЛОСОВА

**ТВОРЧЕСТВО ДЖ. РИТСОНА И ОСМЫСЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО
ПРОШЛОГО ВЕЛИКОБРИТАНИИ НА РУБЕЖЕ XVIII–XIX ВВ.**

Специальность 5.9.2 – литературы народов мира.

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Научный руководитель:

кандидат филологических наук
Александра Юрьевна Зиновьева

Москва – 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. В поисках исторической правды: Дж. Ритсон как литературный критик и историк литературы	38
1.1 От антиквариев к текстологам: формирование традиции исследования и издания древних рукописей.....	39
1.2 Рационализм, здравый смысл и чистое воображение. «История английской поэзии» Т. Уортона и реакция на нее Дж. Ритсона	43
1.3 Проблема британской национальной идентичности: ретроспективный взгляд на формирование англосаксонской культуры в период раннего Средневековья	51
1.4 Дж. Ритсон как противник института репутации литературного критика	55
1.5. Дж. Ритсон и Т. Перси: редактирование старинной поэзии и спор о древних английских менестрелях.....	60
1.6. Спор Дж. Ритсона и Дж. Пинкертон о происхождении шотландского народа	77
ГЛАВА 2. Джозеф Ритсон как текстолог и критик изданий У. Шекспира	83
2.1 У истоков издания произведений У. Шекспира в Англии XVII–XVIII вв.	84
2.2 Критические замечания Дж. Ритсона к изданию произведений У. Шекспира под редакцией С. Джонсона и Дж. Стивенса	90
2.3. «Скромная насмешка» Дж. Ритсона и его критика издания произведений У. Шекспира Э. Мэлоуна.....	102
2.4. Несостоявшееся издание произведений У. Шекспира под редакцией Дж. Ритсона; роль последнего в подготовке публикаций произведений драматурга во второй половине XVIII в.	106
ГЛАВА 3. Дж. Ритсон как забытый создатель цельного образа Робина Гуда	112
3.1. Биография «подлинного» Робина Гуда: реконструкция Дж. Ритсона	113
3.2. Социополитический контекст подготовки собрания «Робин Гуд» Дж. Ритсона	117
3.3. Йомен или дворянин? Робин Гуд как враг преступной тирании.....	125

3.4 Преодолевая влияние елизаветинской традиции: радикализация образа Робина Гуда	132
3.5. Судьба ритсоновского Робина Гуда в XIX в.....	138
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	145
БИБЛИОГРАФИЯ	152

ВВЕДЕНИЕ

Диссертация посвящена творчеству английского писателя, собирателя и редактора народных баллад Джозефа Ритсона (Ritson, Joseph, 1752–1803), в трудах которого представлен особый взгляд на развитие британской культуры, истории и литературы. Ритсон, большой знаток истории, примыкал к движению антиквариетов,¹ с которым тесно связано развитие словесности Великобритании XVI–XIX вв. и формирование эстетики британского романтизма. На протяжении практически всей своей литературной карьеры он входил в несколько сообществ антиквариетов, члены которых обменивались профессиональной информацией, книгами, записями устных вариантов фольклорных произведений и пр. Коллективная деятельность таких сообществ ставила своей целью распространение накопленных исторических сведений среди просвещённой части общества. Королевское общество древностей (Society of Antiquaries of London), по образу которого было создано и второе по значимости в Великобритании Общество антикваров Шотландии (Society of Antiquaries of Scotland), Лондонское Королевское общество (Royal Society или Royal Society of London for Improving Natural Knowledge), как и другие многочисленные аналогичные организации Англии, были частью сформировавшейся еще в начале XVIII в. большой сети клубов и сообществ историков, литераторов и журналистов, имеющей связи с Европой, Индией и Америкой. Например, знаменитый клуб Джозефа Аддисона (1672–1719) и Ричарда Стила (1671–

¹ Уточним значение двух близких терминов – «антиквар» (antiquarian) и «антикварий» (antiquary), которые в научной литературе нередко выступают синонимами. На наш взгляд, данные термины необходимо разграничить: первый относится к ученым, которые коллекционировали предметы старины, материальные остатки древней культуры, а антиквариетам уделяли большее внимание старинным текстам. В сущности, научные методы, которыми пользовались антиквары и антиквариетам, не слишком сильно отличались друг от друга: и те, и другие организовывали экспедиции, в ходе которых обнаруживали новые объекты исследований, всесторонне их изучали и распространяли полученные результаты внутри ученого сообщества.

1729), существовавший на страницах журнала «Спектейтор» (The Spectator, 1711–1712), продемонстрировал преимущества свободной дискуссии, в отрыве от политических или религиозных противоречий, все участники которой находились в равном положении. Кофейни и заведения, где собирались интеллектуалы, а также торговцы древностями и произведениями искусства, стали местом постоянного обмена идеями представителей самых разных профессий. Р. Суит, исследователь движения британских антиквариетов, в третьей главе книги «Антиквариет: открытие прошлого Британии XVIII в.», замечает, что клубы и общества были фундаментом культурной, политической и даже экономической жизни Англии XVIII в.² Немногие из них существовали на долговременной основе, хотя именно антиквариет продемонстрировали наиболее высокий уровень организации. Суит связывает это с многовековой историей антикварного движения как такового: ученые XVIII в. чтит историю антикварных сообществ прошлых веков, начиная с круга антикваров сэра Генри Спелмана (Spelman, Henry, 1562–1641), сэра Роберта Коттона (Cotton, Robert Bruce, 1571–1631) и Уильяма Кемдена (Camden, William, 1551–1623). Вдохновившись опытом своих предшественников, антиквариет XVIII в. стремились создать такую научную организацию, которая смогла бы эффективно прояснять белые пятна в прошлом Великобритании.

Великая французская революция (1789–1799 гг.), условно считающаяся переходным периодом между двумя культурными эпохами, постепенно направляла западноевропейскую литературную и философскую мысль в русло романтических идеалов.³ Благодаря философу эпохи шотландского Просвещения Д. Юму (1711–1776), шотландскому историку У. Робертсону (1721–1793) и английскому историку Э. Гиббону (1737–1794) британская культура наконец-то обрела свою «классическую»

² Sweet R. *Antiquarian Societies // Antiquaries: the Discovery of the Past in Eighteenth-Century Britain*. L.: A&C Black, 2004. P. 81–118.

³ Phillips M.S. *Society and Sentiment: Genres of Historical Writing in Britain, 1740-1820*. Princeton: Princeton UP, 2000. P. 342.

историческую литературу. Термин «классический» в данном случае допустим не только потому что эти писатели находились под влиянием античной традиции, но и благодаря тому, что их собственные произведения, в высшей степени «отшлифованные и авторитетные»,⁴ стали образцами для последующих поколений литераторов. По мере того, как ослабевал явный приоритет публичного над частным, менялась и сама история как наука о развитии общества и знание о прошлом. Исследователь М.С. Филлипс отметил, что для Юма и его современников история стала «более широкой в своих вопросах и более гибкой в своих практических методах»,⁵ таким образом, историография XVIII в. начала отходить от «классических» условностей.

Вторая половина восемнадцатого века вывела философию истории на передний план. В этот период поиск исторической правды начал рассматриваться не только как процесс обнаружения фактической информации для ее дальнейшей интерпретации, но также стал ассоциироваться с изучением природы человеческого характера и поиском влияющих на поведение человека мотивов. Философия истории, по выражению Р. Суит, избегала «провиденциалистского взгляда на историю, рассматривающий повествование о прошлом как развертывание [во времени] божественного плана».⁶ Гораздо больше ученых середины и конца XVIII в. интересовались историей как совокупностью знаний, объясняющей общие для всех законы исторического развития. Так, Вольтер (1694–1778), как отметил Э. Гиббон, не пересказывал мысли «устаревших писателей-монахов»,⁷ его целью было не фиксирование достижений прошлого, а постижение принципов функционирования общества, в том числе его политических форм, а также взаимосвязей между торговлей, экономикой и

⁴ Ibid. P. 343.

⁵ Ibid.

⁶ Sweet R. *Antiquarian Societies*. P.4.

⁷ Force P. The “Exasperating Predecessor”: Pocock on Gibbon and Voltaire // *Journal of the History of Ideas*. 2016. V. 77. No. 1. P. 129–145.

политикой. Таким образом, история в XVIII в. стала рассматриваться как воплощение причинно-следственных закономерностей, и для того, чтобы понять ход ее действия, необходимо было изучить как работу экономики, так и нравы, моральные убеждения людей предыдущих веков.⁸

Интерес к истории как способу познания культуры и мира в целом ставил перед британскими историками и антиквариями XVIII–XIX вв. новые задачи, связанные с осмыслением исторического прошлого своей страны, которое подразумевало нечто большее, чем знание отдельных исторических эпизодов, старинных обычаев, апелляцию к национальному чувству и личному опыту. По точному замечанию Дж.Э. Бараша, историческое прошлое «не может стать объектом воспоминания в строгом смысле слова», так как оно предшествует опыту любого ныне живущего индивида.⁹ В этом отношении важно учитывать и результаты разделившего европейское научное сообщество в конце XVII в. «Спора о древних и новых» (фр. *Querelle des Anciens et des Modernes*), в котором историки твердо стояли на стороне «древних». По их мнению, события новой истории не могли бросить вызов авторитету, литературному стилю и риторической силе древних. Антикварии же, несмотря на изучение объектов старины, находились на стороне «новых». И хотя оба лагеря объединяло восхищение дошедшими до потомков образцами классической культуры, антикварии, тем не менее, полагали, что обнаружение и тщательное изучение древних артефактов национальных традиций может открыть современным людям новые перспективы самопонимания. В целом же развитие историко-философской мысли в XVIII в. сближало оба лагеря, что отражено в монументальной работе Э. Гиббона «История упадка и крушения Римской империи» (*The History of the Decline and Fall of the Roman Empire, 1776–1789*), в которой рассматривается история западной цивилизации с расцвета Римской империи до конца XVI в. После Гиббона сохранявшаяся на

⁸ Роскок J.G.A. *Barbarism and Religion*. Cambridge: Cambridge UP, 2003. P. 129.

⁹ Бараш Дж.Э. Историческое прошлое? // *Философский журнал*. 2011. №1(6). С. 10.

протяжении долгого времени дистанция между историческим повествованием и антикварным дискурсом значительно сократилась. Историки все чаще занимались «документальными исследованиями, а антикварию превращали свои систематические труды в исторические реконструкции».¹⁰ Таким образом, исследование исторического прошлого стало возможным не в последнюю очередь благодаря совместным усилиям историков и антиквариев.

В свете политического соперничества Англии и Шотландии, а также социокультурных изменений в Великобритании на рубеже XVIII–XIX вв. интеллектуалы обратились к осмыслению национального исторического прошлого, которое требовало уточнения и даже, как будет показано далее в диссертации, своего рода «отвоевания». Антикварию эпохи Просвещения обратили особое внимание на образцы ранней шотландской и английской поэзии – рукописи баллад. В Национальной библиотеке Шотландии и библиотеке Эдинбургского университета сохранилось множество писем английских антиквариев, разыскивавших древние манускрипты. Исследователь Р. Перри¹¹ приводит в пример письмо Дж. Ритсона от 1792 г. к Александру Фрейзеру Титлеру (Tytler, Alexander Fraser, 1747–1813), профессору истории Эдинбургского университета. В письме английский антикварий просит предоставить ему записи редких шотландских песен для дальнейшей их публикации в его собрании.¹² Перри утверждает, что возрождение шотландских песен было также неотъемлемой частью политической ситуации в Великобритании XVIII в. и подпитывало журнальные споры, в которых участвовали историки-просветители и философы-моралисты. Соперничество Англии и Шотландии за культурное

¹⁰ Phillips M.S. Reconsiderations on History and Antiquarianism: Arnaldo Momigliano and the Historiography of Eighteenth-Century Britain // *Journal of the History of Ideas*. 1996. V. 57. No. 2. P. 301.

¹¹ Perry R. *Balladry and the Scottish Enlightenment* // *The Scottish Enlightenment and Literary Culture* / Ed. by R. McLean, R. Young, K. Simpson. Lewisburg: Lewisburg UP, 2016. P. 77–95.

¹² *Ibid.* P. 87.

первенство отразилось и в отношении к «Фрагментам древней поэзии» (Fragments of Ancient Poetry Collected in the Highlands of Scotland, 1760) Джеймса Макферсона (1736–1796). Среди шотландцев публикации Макферсона пользовались доверием, в то время как в Англии подозревали автора в мистификации. В ответ на «Фрагменты» Сэмюэл Джонсон (1709–1784) и Уильям Шенстон (Shenstone, William, 1714–1763) призвали английского фольклориста и антиквария епископа Томаса Перси (Percy, Thomas, 1729–1811) опубликовать «Памятники старинной английской поэзии» (Reliques of Ancient English Poetry, 1765). Вслед за этим собранием в свет вышла книга шотландского собирателя баллад Дэвида Херда (Herd, David, 1732–1810) «Древние и новые шотландские песни, героические баллады и прочее» (Ancient and Modern Scottish Songs, Heroic Ballads, Etc., 1769). Эти и другие подобные публикации, призванные утвердить культурное первенство либо английских, либо шотландских антиквариев, оказали колоссальное влияние на всю британскую литературу второй половины XVIII в. Поэзия Оссиана-Макферсона и «Памятники» Перси получили общеевропейское признание, хотя с самого начала ученые (большинство из которых были англичанами) поднимали вопросы о подлинности текстов Макферсона.

Споры антиквариев об аутентичности ранних поэтических текстов были связаны с историческими интересами просветителей, размышлявших об эволюции человеческого общества, его потребностях и возможных формах социального устройства. Старинные песни могли служить источником сведений об общественных отношениях в ранние эпохи, так что их публикация вносила определенный вклад в создание экономических и философских теорий. Поэтому и спор о том, поэзия какой нации является более древней, не только отражает соперничество националистического толка, но и затрагивает важные вопросы об устройстве общества.

Интерес антиквариев как XVIII в., так и XIX в. к балладам широко освещён в зарубежном литературоведении. О взаимодействии песенной

культуры с романтической эстетикой пишет Р. Хэнсфорт.¹³ В частности, первая глава его исследования посвящена балладной традиции в англоязычной культуре и влиянию редакторского метода Уолтера Скотта (1771–1832) на форму и содержание старинных поэтических текстов. Д. Аткинсон исследует феномен собирательства баллад в английской и шотландской романтической традиции, а также выявляет основные приемы адаптации старинных текстов, которыми пользовались их редакторы.¹⁴ В подготовленной С. Даннинген книге «Эдинбургский путеводитель по традиционным литературам Шотландии» собран целый ряд исследований шотландской литературы, охватывающий период от позднего Средневековья до современности (Э. Лайл, В. Болд, И. Расселл, Л. Хендерсон, А. Гандерлок и др.).¹⁵ Вошедшие в книгу работы прослеживают развитие шотландской литературы и доказывают, что балладная традиция играла наиважнейшую роль в становлении национального шотландского искусства.

Среди русскоязычных исследований выделим работу Л.С. Клейна «История археологической мысли», в которой подробно разбирается феномен британских антиквариеров.¹⁶ Описывая становление классической археологии, Клейн дал следующее определение «антикварианизма»: «Этим термином в современной историографии принято обозначать активность коллекционеров и знатоков материальных древностей, превышающую обычные интересы образованных людей, но не выходящую за рамки изучения самих этих вещей. При таком изучении вещи трактовались по отдельности, о культурном контексте любители древностей не подозревали, вещи собирались для любования, выставления и публикации. Вещи

¹³ Hansford R. *Figures of the Imagination: Fiction and Song in Britain*. L.: Hansford, 2017.

¹⁴ Atkinson D. *The Anglo-Scottish Ballad and its Imaginary Contexts*. Cambridge: Open Book, 2014.

¹⁵ *The Edinburgh Companion to Scottish Traditional Literatures* / Ed. by S. Dunnigan. Edinburgh: Edinburgh UP, 2013.

¹⁶ Клейн Л. С. *История археологической мысли*. СПб.: СПбГУ, 2011.

описывались, зарисовывались и классифицировались. Ценность их зависела от дороговизны материала, искусности работы, редкости и связи с особо почитаемыми субъектами истории или знаменитыми текстами классических авторов. Знатоки должны были это определить. Памятники были интересны как местные достопримечательности и для подтверждения исторических событий и народов». ¹⁷ Эволюцию антикварианизма исследователь делит на три этапа: первый выпадает на эпоху Реформации (XVI в.), второй связывается с научными открытиями XVII в. и третий – с эпохой Просвещения (XVIII в.). Анализируя первый этап, Клейн отводит особую роль английскому антиквару У. Кэмдену (Camden, William, 1551–1623), чей труд «Британия» (лат. *Britannia, sive Florentissimorum regnorum Angliae, Scotiae, Hiberniae et Insularum adjacentium ex intima antiquitate Chorographica Descriptio*, 1586) является «географическим описанием Британии с подробной реконструкцией истории каждого города, с выяснением англосаксонских, галльских или римских корней местных названий, с описаниями местных памятников прошлого, с выявлением местной монетной чеканки. То есть историко-географическое описание и археологическая карта страны». ¹⁸ Кроме того, данный этап тесно связан с именем английского антиквара и хрониста Дж. Стоу (Stow, John, ок. 1525–1605), автором фундаментального труда «Описание Лондона» (*A Survey of London*, 1598), а также с деятельностью известного собирателя старинных манускриптов Т. Бодли (Bodley, Thomas, 1545–1613), который занимался восстановлением университетской библиотеки в Оксфорде, впоследствии названной в его честь (англ. *Bodleian Library*). Второй этап Клейн ассоциирует с трудами английского антиквара и писателя Дж. Обри (Aubrey, John, 1626–1697) и валлийского антиквара Э. Ллуйда (Llwyd, Edward, 1660–1709). Главным антикваром третьей эпохи, по мнению исследователя, был британский ученый-антиквар и медик У. Стьюкли

¹⁷ Там же. С. 95.

¹⁸ Там же. С. 98.

(Stukeley, William, 1687–1765). Не меньшее значение имела и научная деятельность английского политика, коллекционера книжных раритетов Р. Харли (Robert Harley, 1661–1724), собрание которого легло в основу фондов Британского музея.

Феномену антиквариетов также посвящена статья П.В. Мелиховой.¹⁹ В ней рассматриваются методы, с помощью которых первые английские антиквариеты отражали в своих трудах историю Англии. Автор доказывает наличие определенной традиции антикварного историописания и общей исторической культуры, которая сформировалась к концу XVI в. на почве становления национального самосознания англичан и, как следствие, зарождения особого интереса к истории своей страны. Также следует отметить труды В.В. Зверевой,²⁰ А.А. Паламарчук и С.Е. Федорова,²¹ Е.А. Терентьевой.²² Их исследования в большей степени сконцентрированы на феномене раннего движения антиквариетов, который оказал колоссальное влияние на антиквариетов и историков XVIII–XIX вв.

Для лучшего понимания контекста, в котором формировалось мировоззрение Джозефа Ритсона, следует также обратиться к уникальному культурному движению, названному Кельтским Возрождением (Celtic Revival) или Первым Кельтским Возрождением, зародившемуся в Великобритании в середине XVIII в. Ни в XVII в., ни в первой половине XVIII в. не создавалось такого количества литературных произведений, в которых уделялось бы столь особое внимание мифологии древних народов. Ситуация меняется с 1750 г., когда на литературной арене появляются такие

¹⁹ Мелихова П.В. Историческая культура ранних английских антиквариетов // Изв. Саратовского университета. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2018. Т. 18. Вып. 1. С. 61–69.

²⁰ Зверева В.В. Антикварианизм XVI–XVII веков. Представление прошлого в контексте научной революции // Образы времени и исторические представления: Россия – Восток – Запад / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Кругъ, 2010.

²¹ Паламарчук А.А., Федоров С.Е. Историческая память и технологии антикварного дискурса: Англия раннего Нового времени // Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Кругъ, 2008.

²² Терентьева Е.А. Рассуждение о методе Уильяма Кемдена // Диалог со временем. 2015. Вып. 51. С. 300–309.

поэты как Т. Грэй (1716–1771), Э. Иванс (Evans, Evan, 1731–1788), У. Мэйсон (Mason, William, 1724–1797) и Дж. Макферсон.

Выделяются и особые политические и культурные истоки Кельтского Возрождения. Первые связаны с событиями, предшествующими англо-шотландской унии (1707 г.). Социополитическая ситуация, сложившаяся в Шотландии к началу XVIII в. из-за дискриминационной национальной политики англичан, обеспечила подъем интереса шотландцев к национальному фольклору. Решиться на открытое военное противостояние шотландцы не могли, и протест вылился в общенациональное движение «Шотландского возрождения» (Scottish Revival), в рамках которого осуществлялся возврат к национальной культуре, возрождался интерес к гэльскому языку, фольклору и шотландской истории в целом. Англичане, в свою очередь, активно перенимали данный опыт, вследствие чего возникали споры о том, какая культура – английская или шотландская – по праву должна считаться более древней. В это время активно обсуждался вопрос о происхождении кельтов и праве новейших народов зваться их потомками. Таким образом, Кельтское Возрождение характеризовалось непрекращающейся борьбой представителей народов, населяющих британские острова, за первенство – как политическое, так и культурное.

В культурном аспекте Кельтское Возрождение характеризовалось духом бунта и отказом от классической мифологии в пользу нового, таинственного и романтического. Весомую роль в формировании новых идеалов сыграли антиквары и антиквариаты, благодаря которым было обнаружено множество старинных артефактов и руин древних сооружений. Эти находки служили источником вдохновения для писателей и способствовали их художественному осмыслению исторического прошлого своей родины.

Изучение кельтской истории в XVIII в. только зарождалось, что нередко приводило к фальсификациям исторических фактов в угоду разнообразным концепциям национальной истории, а также

мистификациям: так, творчество Дж. Макферсона привлекло внимание не только британской творческой интеллигенции, но и видных континентальных мыслителей и художников (И.В. Гёте (1749–1832), И.Г. Гердера (1744–1803) и др.). Л. Дэвис рассматривает сочинения Макферсона как наглядное отражение процессов, протекавших в творческой и общественной жизни Великобритании XVIII–XIX вв.²³ В своей работе исследователь выявляет паратекстуальные элементы, которые помещают поэзию Макферсона-Оссиана в самый центр движения Кельтского Возрождения и «побуждают читателей задуматься о политических последствиях 1745–1746 гг.» (т.е. о причинах и итогах Второго якобитского восстания).²⁴

Открытое противостояние Англии и Шотландии длилось на протяжении многих веков. В XIII–XIV вв. велись две войны за шотландскую независимость, которые обеспечили свободное существование страны до 1603 г. Затем начался процесс объединения двух стран, который завершился к 1707 г. Актом об Унии. С точки зрения большинства шотландцев, Англия агрессивно навязывала свою политику соседним территориям, пренебрегая чужими национальными интересами, насаждая свою культуру. Даже после образования единого королевства Великобритания продолжались мелкие военные столкновения на англо-шотландской границе. Вместе с тем шотландцы осознавали экономическую выгоду союза с сильным соседом: в случае продолжения масштабного вооруженного противоборства страна рисковала суверенитетом. Однако положение, вынуждавшее шотландцев частично пренебречь национальными интересами, настраивало страну против англичан. Шотландия предприняла несколько попыток восстановить на престоле династию Стюартов, однако оба восстания якобитов были подавлены, и власть окончательно закрепилась за Ганноверской династией.

²³ Davis L. Transnational Articulations in James Macpherson's «Poems of Ossian» and «The History and Management of the East-India Company» // *The Eighteenth Century*. 2019. V. 60. No. 4. P. 441–460.

²⁴ *Ibid.* P. 442.

Корни британской идентичности и развитие мифологизированных представлений о национальных истоках исследуются Л. Бруклиссом и Д. Иствудом в работе «Объединение нескольких идентичностей: Британские острова (1750–1850)», где делается акцент на трудностях обнаружения общих для Англии, Шотландии и Ирландии ценностей, одновременно сохраняющих особый «культурный код» каждой из земель.²⁵ Среди отечественных исследований в данной области стоит назвать статью Н.Ф. Шестаковой «Кельтское возрождение в Великобритании (середина XVIII–начало XX века): идентичность и память» (2019).²⁶ Основываясь на фактах из истории Ирландии, Уэльса и Шотландии XVIII–XIX вв., исследователь очерчивает временные рамки Кельтского Возрождения, а также выявляет особенности самоидентификации обсуждаемых народов.

В описанном контексте и формировались общественно-политические взгляды Джозефа Ритсона, его воззрения на историю и культуру Великобритании. В немалой степени фигура этого литератора показательна для понимания постепенного «взросления» историко-литературной мысли второй половины восемнадцатого столетия и стремлений народов Великобритании идентифицировать себя посредством изучения исторического прошлого, запечатленного как в материальных свидетельствах, так и – в ещё большей степени – в памятниках словесности предшествующих веков (и письменных, и бытующих в устной традиции).

Существует несколько полных биографий этого незаурядного литератора, в которых подробно прослеживается весь его жизненный путь. Среди самых крупных можно выделить труды Х.А. Бёрда «Джозеф Ритсон: критическая биография»²⁷ и Б. Бронсона «Джозеф Ритсон, ученый-воин».²⁸

²⁵ Brockliss L., Eastwood D.A. *Union of Multiple Identities: The British Isles, C.1750–C.1850*. Manchester: Manchester UP, 1997.

²⁶ Шестакова Н.Ф. Кельтское возрождение в Великобритании (середина XVIII - начало XX века): идентичность и память // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2019. №4. С. 583–591.

²⁷ Burd H.A. *Joseph Ritson: A Critical Biography*. Illinois: University of Illinois Studies, 1916.

²⁸ Bronson B. *Joseph Ritson, Scholar-at-Arms*. Berkeley: California UP, 1938.

Последний остается незаменимым источником, в котором представлены подробности жизни Ритсона и исчерпывающая библиография. В более кратком виде биография писателя изложена в статье Х. Джоунса «Джозеф Ритсон: антикварий-романтик»,²⁹ в которой делается акцент на антикварной деятельности обсуждаемого автора. Здесь же следует упомянуть труд Дж. Хэзелвуда «Некоторые сведения о жизни и поздних публикациях Джозефа Ритсона».³⁰ Также проливает свет на жизнь и творчество Ритсона книга Н.Х. Николоса,³¹ в которой собрано эпистолярное наследие писателя. Несмотря на то, что не во всех случаях удастся определить адресатов писем Ритсона, в его эпистолярном наследии внятно сформулирована суть его идей как критического, так и политического характера, которые анализируются в данной диссертации.

Дж. Ритсон, второй сын Джозефа Ритсона-старшего (Ritson sen., Joseph, ум. 1778) и Джейн Гибсон (Gibson, Jane, ум. 1780), родился в Стоктоне-он-Тизе 2 октября 1752 г. Из девяти детей младенчество пережили только Джозеф и четыре дочери. Младшая сестра Ритсона Энн вышла замуж за Роберта Фрэнка (Frank, Robert) и стала матерью Джозефа Фрэнка (Frank, Joseph, ок. 1770) – горячо любимого племянника писателя и впоследствии его наследника. Благодаря Дж. Фрэнку сохранилось множество подробностей биографии Ритсона, его личная корреспонденция, а также оригинальные рукописи трудов дяди. Несмотря на то, что Ритсон был выдающимся антикварием, свою родословную он смог проследить лишь до прадеда, Кристофера Ритсона (Ritson, Christopher), который умер в 1703 г.

²⁹ Jones H. Joseph Ritson: A Romantic Antiquarian // The Sewanee Review. 1914. No. 22. P. 341–350.

³⁰ Haslewood J. Some Account of the Life and Publications of the Late Joseph Ritson. L.: R. Triphook, 1824.

³¹ The Letters of Joseph Ritson, Esq. / Ed. by N.H. Nicolas. L.: W. Pickering, 1833.

Семья Ритсона принадлежала к бедному сословию землевладельцев с севера Англии. Старший Ритсон, по-видимому, всегда жил очень скромно и довольствовался малым. Положение его сына немного улучшилось, когда в дополнение к семейному поместью в Стоктоне он унаследовал от дяди собственность в портовом городе Хартлпуле на северо-востоке Англии. По свидетельствам биографа Ритсона Х.А. Берда, на протяжении всей жизни писатель испытывал трудности, связанные с распоряжением этим наследством, особенно ближе к концу своих дней, когда неудачная спекуляция привела Ритсона к полной нищете.³² По данным того же биографа, обстановка в доме Ритсонов была самой простой, хотя скромные материальные обстоятельства только укрепляли взаимную любовь всех членов семьи. Нельзя не отметить малую религиозность близких Ритсона, что было необычно для англичан их времени и круга. Ни в письмах Ритсонов-младших, ни в иных документах не осталось никаких свидетельств, указывающих на данное им христианское воспитание, что во многом проливает свет на атеистические убеждения, которые впоследствии сформируются у писателя.

Школьным учителем Ритсона был его земляк, преподобный Джон Томсон (Thompson, John), впоследствии викарий в приходе Уордена в Нортумберленде. Известно, что он считал Ритсона одним из своих лучших учеников и имел обыкновение шутить над его «умственными причудами».³³ Также остались сведения о том, что писатель совершенно не знал греческого языка и, судя по всему, никогда не считал это помехой для своей работы. Зато латынь он освоил самостоятельно, так как считал этот язык наиболее важным для деятельности английского антиквара: «Вам [Дж. Фрэнку] следует уделять должное внимание латыни и письменности... Вам будет

³² Burd H.A. Joseph Ritson: A Critical Biography. P. 2–3.

³³ Ibid. P. 6.

полезна латынь, а не греческий, и я не обращаю внимания на тех, кто утверждает обратное».³⁴

Уже со школьной скамьи Ритсон, избегающий общества сверстников, остро ощущал тоску по настоящему старшему наставнику, который мог бы разделить его интересы и направлять. Неизвестно, стремился ли отец Ритсона обеспечить своему сыну высшее образование, но это в любом случае было бы невозможно в силу материального положения семьи. Поэтому Ритсону довольно скоро пришлось сделать выбор в пользу практической деятельности, чтобы разделить с отцом ответственность за благополучие семьи. В возрасте семнадцати лет он начал работать помощником адвоката Дж.С. Рейсбека (Raisbeck, John Stapylton, ок. 1740–1794) и спустя несколько лет был откомендован барристеру Р. Брэдли (Bradley, Ralph, 1717–1788). Юридическое образование и практику Ритсон получил преимущественно на службе у Брэдли, который специализировался в области наследственных дел и имущественных соглашений.

Ритсон работал усердно и, очевидно, продемонстрировал большие способности к юриспруденции. Брэдли описывал молодого писателя как «слишком выдающимся, чтобы он растрачивал их [свои способности] впустую в таком месте, как Стоктон».³⁵ Поначалу офисные обязанности занимали большую часть времени Ритсона, но ему удавалось уделять внимание и собственным научным интересам. По наблюдению Х.А. Бёрда, северная Англия была подходящим местом для становления юного ученого-антиквара.³⁶ В Дареме и близлежащих графствах сохранилось большое количество остатков британских и римскими древностей: например, Вал Адриана (иначе: стена Адриана; англ. Hadrian's Wall, лат. Vallum Hadriani), Дорога Дьявола (Devil's Causeway), а также руины военных лагерей и каменных пирамид. Ритсон начал заводить знакомства с местными

³⁴ The Letters of Joseph Ritson, Esq. / Ed. by N.H. Nicolas. L.: W. Pickering, 1833. P. 102.

³⁵ The Letters of Joseph Ritson, Esq. / Ed. by N.H. Nicolas. P. iii.

³⁶ Burd H. A. Joseph Ritson: A Critical Biography. P. 10-11.

знатоками древностей в Ньюкасл-апон-Тайне, известном старинными церковными и университетскими зданиями, а в Дареме, куда Ритсон время от времени приезжал по долгу службы, располагался собор, основанный в 1093 г. Вильгельмом де Сен-Кале (de St. Calais, William, ум. 1096). Эти и другие исторические достопримечательности подтолкнули писателя к изучению истории родного графства, и по собственному желанию он начал помогать антикварию Джорджу Алану (Allan, George, 1736–1800) в поиске материала для исследований истории Дарема, а также для подготовки издания «Британской топографии; или исторический отчет о том, что было сделано для иллюстрации топографических древностей Великобритании и Ирландии» (British Topography, Or, An Historical Account of what Has Been Done for Illustrating the Topographical Antiquities of Great Britain and Ireland, 1780) Ричарда Гофа (Gough, Richard, 1735–1809).

Достигнув совершеннолетия, в 1773 г. Ритсон отправился в свою первую поездку в Эдинбург, которая не оставила его равнодушным. Он посетил Юридическую библиотеку (Advocates Library) и многочисленные книжные магазины, в которых потратил практически все свои средства. В это же время он начал заводить важные знакомства, которые впоследствии повлияли на его литературные исследования и связи. Еще в Стоктоне писатель познакомился с драматургом Джозефом Ридом (Reed, Joseph, 1727–1787), для которого хотел подготовить «Альманах Джозефа Рида» (Miscellanies by Joseph Reed), однако этот труд Ритсон завершить не успел. Также известно, что писатель контактировал с поэтом и актером Джоном Каннингемом (Cunningham, John, 1729–1773), хотя по-прежнему остается загадкой, при каких обстоятельствах завязалось их общение.³⁷ Каннингем был хорошо знаком с еще одним из первых друзей Ритсона – Уильямом Шилдом (Shield, William, 1748–1829). Благодаря этому композитору Каннингем получил должность руководителя музыкального театра в

³⁷ Haslewood J. Some Account of the Life and Publications of the Late Joseph Ritson. L.: R. Triphook, 1824. P. 17.

Скарборо и выступал организатором большинства концертов на севере Англии, а позднее влился в круги лондонских музыкантов и интеллектуалов. Можно предположить, что он познакомился с Ритсоном во время одной из своих поездок в Дарем. В 1771 г. к их кругу присоединился английский писатель и драматург Томас Холкрофт (Holcroft, Thomas, 1745–1809), впоследствии прославившийся своими либеральными политическими взглядами. Их дружба также завязалась в Стоктоне и особенно укрепилась после того как оба переехали в Лондон.

Ритсон отправился в Лондон в 1775 г. Там перед ним открылись перспективы для исследовательской работы и творчества: несмотря на то, что в профессиональном плане начинающий литератор и историк продолжал работать нотариусом, параллельно ему удавалось изучать архивы Британского музея, а также посещать библиотеки Оксфорда и Кембриджа. В 1782 г. была опубликована первая критическая работа Ритсона «Примечания к первым трем томам «Истории английской поэзии» Т. Уортона» (*Observations on the Three First Volumes of the History of English Poetry by T. W. In a Letter to the Author, 1782*), которая рассматривается в первой главе диссертации. Еще до переезда в Лондон Ритсон опубликовал «Стихи, адресованные дамам Стоктона» (*Versees Addressed to the Ladies of Stockton, 1772*), однако его поэтические достижения остались незамеченными. Вскоре за первой серьезной критической работой последовала еще одна, также содержащая замечания Ритсона к изданию произведений У. Шекспира под редакцией С. Джонсона и Дж. Стивенса (*Steevens, George, 1736–1800*), «Критические и пояснительные замечания к тексту и примечаниям последнего издания Шекспира» (*Remarks, Critical and Illustrative, on the Text and Notes of the Last Edition of Shakspeare, 1783*). На острую и подчас даже дерзкую критику Ритсон нередко получал острополюемические ответы, что побуждало его к новым размышлениям и, как следствие, новым очеркам. В таких работах как «Скромная насмешка; несколько слов в качестве дополнения к «Критическим и пояснительным

замечаниям к тексту и примечаниям последнего издания Шекспира»; вызванных его переизданием, исправленным и дополненным издателем старых пьес Додсли» (*The Quip Modest; a Few Words by Way of Supplement to Remarks, Critical and Illustrative, on the Text and Notes of the Last Edition of Shakspeare; occasioned by a Republication of that Edition, Revised and Augmented by the Editor of Dodsley's Old Plays, 1788*) или «Беглая критика к изданию Шекспира, опубликованного Эдмондом Мэлоуном» (*Cursory Criticisms on the Edition of Shakespeare Published by Edmond Malone, 1792*) писатель раскрыл свои собственные редакционные принципы, а также сформулировал ряд советов коллегам по работе с древними рукописями. Перечисленные работы подробно обсуждаются в первой и второй главах данной диссертации, которые посвящены полемическим сочинениям Ритсона и его вкладу в развитие шекспировской текстологии.

За всю свою литературную карьеру Ритсон подготовил большое количество собраний старинной поэзии. Первой неполемической работой писателя стало трехтомное «Собрание избранных английских песен» (*A Select Collection of English Songs, 1783*), которое будет рассмотрено в первой главе диссертации. Отдельно отметим стремление Ритсона к сохранению и популяризации северных национальных баллад: в 1784 г. он издал «Собрание тетушкиных песен, или детский Парнас» (*Gammer Gurton's Garland: or, The Nursery Parnassus, 1784*).³⁸ В этот же период было опубликовано собрание под названием «Епископская антология или Даремский менестрель» (*Bishopric Garland or Durham Minstrel, 1784*), а спустя четыре года Ритсон подготовил «Йоркширскую антологию; любопытный сборник старых и новых песен этого знаменитого графства» (*The Yorkshire Garland; A Curious Collection of Old and New Songs, Concerning that Famous County, 1788*). В 1793 г. была опубликована «Нортумберлендская антология; или ньюкаслский соловей: бесподобная

³⁸ Gammer Gurton – персонаж комедии XVI в. – женщина, «тетушка» или «бабушка».

коллекция знаменитых песен» (The Northumberland Garland; or Newcastle Nightingale: A Matchless Collection of Famous Songs, 1793), а в 1802 г. вышло в свет собрание «Певец Севера; несравненное разнообразие отличных песен» (The North-Country Chorister; An Unparalleled Variety of Excellent Songs, 1802). Последние четыре собрания в 1810 г. были объединены в один цикл под названием «Северная антология» (Northern Garlands, 1810). Обращают на себя внимание и другие труды Ритсона, посвящённые исследованию древней поэзии северной части Великобритании – «Каледонская муза: собрание шотландской поэзии с древнейших времен в хронологическом порядке» (The Caledonian Muse: a Chronological Selection of Scottish Poetry from the Earliest Times, 1785) и «Летопись каледонцев, пиктов и шотландцев, а также Стратклайда, Камберленда, Галлоуэя и Мюррея» (Annals of the Caledonians, Picts, and Scots and of Strathclyde, Cumberland, Galloway and Murray, 1828).

В наиболее крупных собраниях Ритсона – «Собрании избранных английских песен» (A Select Collection of English Songs, 1783), «Древних песнях и балладах, со времен короля Генриха II до Революции, в двух томах» (Ancient Songs and Ballads from the Reign of King Henry the Second to the Revolution in Two Volumes, 1790), «Старинных поэтических произведениях: из подлинных рукописей и старопечатных экземпляров» (Pieces of Ancient Popular Poetry: From Authentic Manuscripts and Old Printed Copies, 1791), «Английской антологии» (The English Anthology, 1794), «Шотландских песнях» (Scottish Songs, 1794) и «Древнеанглийских рыцарских романах в стихах» (Ancient English Metrical Romancees, 1802) – содержатся старинные поэтические произведения, принадлежащие разным национальным традициям. Эти труды наглядно демонстрируют как редакторские, так и исследовательские способности Ритсона. Однако в полной мере, на наш взгляд, его творческий гений раскрылся в собрании «Робин Гуд: собрание всех древних стихов, песен и баллад, сохранившихся до наших дней об этом знаменитом английском преступнике: которому

предшествуют исторические анекдоты из его жизни» (Robin Hood: A Collection of All the Ancient Poems, Songs, and Ballads, Now Extant Relative to That Celebrated English Outlaw: To Which are Prefixed Historical Anecdotes of His Life, 1795), которому посвящена третья глава диссертации. Среди наименее известных, но также заслуживающих внимание исследователей, трудов Ритсона выделяются «Жизнь короля Артура по сведениям древних историков и подлинных документов» (Life of King Arthur from Ancient Historians and Authentic Documents, 1825) и «Спартанское руководство, или Скрижаль нравственности, являющееся подлинным собранием апофегм, максим и наставлений философов и других знаменитых героев древности и т.д.» (The Spartan Manual, or Tablet of Morality, Being a Genuine Collection of the Apophthegms, Maxims and Precepts of the Philosophers and Other Celebrated Characters of Antiquity, etc, 1785).

Следует отметить, что большинство амбициозных литературных проектов Ритсона к концу его жизни были в той или иной степени завершены. Незадолго до смерти он подготовил «Поэтическую Библиографию: список английских поэтов двенадцатого, тринадцатого, четырнадцатого, пятнадцатого и шестнадцатого веков с кратким описанием их произведений» (Bibliographia Poetica: A Catalogue of English Poets, of the Twelfth, Thirteenth, Fourteenth, Fifteenth, and Sixteenth Centuries, with a Short Account of Their Works, 1802). К несчастью, эта работа стремительно устаревала по мере развития лингвистики и совершенствования изучения среднеанглийского языка, а также по мере выхода в свет исследований старинных английских поэтических текстов. Также незадолго до смерти Ритсоном была завершена «Шотландская библиография» (Bibliographia Scotica), которая осталась неопубликованной, но распространялась в виде рукописи среди шотландских историков и антиквариев XIX в. Ритсон интересовался шотландскими песнями, поэзией и историей, поддерживал тесные дружеские отношения и переписывался с шотландскими коллегами, несмотря на репутацию «ненавистника Шотландии», сложившейся у него

из-за вражды с шотландским писателем, картографом и антикваром Джоном Пинкертоном (Pinkerton, John, 1758–1826), о чем рассказывается в первой главе данной диссертации.

Для работы над собранием «Каледонская муза: собрание шотландской поэзии с древнейших времен в хронологическом порядке» (1785) Ритсону приходилось прилагать большие усилия. В предисловии к «Древнеанглийским рыцарским романам в стихах» (1802) Ритсон характеризует «Каледонскую музу» как работу «завершённую с большим усердием и большим вниманием, в плохом состоянии здоровья и при полном упадке духа».³⁹ Последние годы жизни были для писателя особенно напряженными, отягощенными физическим и психическим недугами, хронической бессонницей. Здоровье его столь ослабело, что Ритсон писал племяннику Дж. Фрэнку в 1798 г.: «Я опасаюсь полной потери памяти; так как я ежедневно забываю часто употребляемые слова в языке: и Вы были бы удивлены, узнав, каких хлопот и неприятностей стоило мне это глупое письмо».⁴⁰ В 1800 г. он написал Дж. Куперу Уокеру (Walker, Joseph Cooper, 1762–1810), ирландскому антиквару, благодаря того за «добрые и дружеские расспросы о здоровье, на восстановление которого у меня нет никаких сколько-нибудь обоснованных надежд».⁴¹

Поздравляя в марте 1801 г. своего друга Роберта Харрисона (Harrison, Robert, 1715–1802) с тем, что тот дожил до наступления нового века, Ритсон жаловался: «... Мое здоровье сильно подорвано, мое тело расслаблено, а настроение подавлено; так что я не тешу себя надеждой на вечное существование; и на самом деле я даже склонен удивляться тому, что уже прожил так долго...»⁴² (к тому времени Харрисону было восемьдесят шесть, а Ритсону сорок восемь лет). Поздняя корреспонденция писателя

³⁹ Ritson J. *The Caledonian Muse: a Chronological Selection of Scottish Poetry from the Earliest Times*. L.: R. Triphook, 1821. P. iii.

⁴⁰ Nicolas H. *The Letters of Joseph Ritson*, V. II. P. 166.

⁴¹ Bronson B. *Joseph Ritson, Scholar-at-Arms*. P. 241.

⁴² Nicolas H. *The Letters of Joseph Ritson*, V. II. P. 205–206.

демонстрирует ухудшения физического и морального характера. Первые биографы Ритсона уделяли значительное внимание этому психологическому нездоровью, намекая на то, что оно могло сказаться на характере его полемических работ. Отрицать душевную болезнь Ритсона невозможно, однако сохранившиеся свидетельства в большей степени являются спекулятивной попыткой создать дурную репутацию писателю-радикалу, бывшему, к тому же, придирчивым критиком (об этом речь пойдёт в первой и второй главах настоящей диссертации).

В одном из своих последних трудов – «Очерке о воздержании от животной пищи как моральном долге» (*The Essay on Abstinence from Animal Food, as a Moral Duty*, 1802) – Ритсон рассуждал о вегетарианстве, развивая идеи древнегреческих философов, гуманистов эпохи Возрождения и мыслителей-просветителей. Несколько глав Ритсон посвятил подробному описанию оздоровительной вегетарианской диеты с длинными цитатами из трудов шотландского медика Дж. Чейни (*Cheyne, George, 1672–1743*), одного из первых защитников прав животных Т. Трайона (*Tryon, Thomas, 1634–1703*) и др. Как и Чейни, Ритсон воспевал диету йоменов, которая больше напоминала рацион бедных сословий (состоящий в основном из овощей и овсяной каши). В не менее радикальной манере Ритсон предвосхитил современные экологические споры и затронул проблему землепользования. Он утверждал, что, несмотря на прогресс в английском сельском хозяйстве, Англия все же не может прокормить большее количество людей, потому что производство мяса требует использования больших территорий. Главный тезис Ритсона, не приемлющего убийства неразумных существ, пусть даже ради пропитания, заключался в том, что «употребление животной пищи настраивает человека на жестокие и свирепые поступки»,⁴³ что, в сущности, созвучно идеям Ж.-Ж. Руссо (1712–1778) и И. Канта (1724–1804). Помимо отсылок к трудам Порфирия,

⁴³ Rinson J. *An Essay on Abstinence from Animal Food: As a Moral Duty*. L.: R. Phillips, 1802. P. 86.

Плутарха и Овидия, Ритсон использовал многочисленные примеры из истории первобытных народов, чтобы более наглядно, а местами и экстравагантно, проиллюстрировать пороки мясоедения. Так, большинство современных Ритсону комментаторов полагали, что жертвоприношение животных заменило человеческое жертвоприношение, писатель же утверждал обратное: по его мнению, в незапамятные времена священники случайно попробовали мясо животных во время ритуала жертвоприношения и, полюбив вкус животной плоти, перешли к регулярному употреблению мясной пищи, что, по Ритсону, является опасной тенденцией, которая рано или поздно приводит к человеческим жертвоприношениям.⁴⁴ Свою кровожадность священнослужители успешно скрывают, утверждал литератор, под маской благочестия. В этих размышлениях Ритсон осуждал не только христианство, но и религию как таковую.

Актуальность настоящего диссертационного исследования обусловлена несколькими факторами. В первую очередь, это возрастающий в последние десятилетия интерес к творческому наследию Дж. Ритсона. Наибольший вклад в изучение трудов писателя внесли Дж.Т. Макнат и С. Басдео. В 2018 г. Макнат защитила докторскую диссертацию «Джозеф Ритсон и издание ранней английской литературы».⁴⁵ На сегодняшний день ее работу можно с уверенностью назвать самым крупным исследованием творчества Ритсона–фольклориста. В 2021 г. вышла новая биография Ритсона, подготовленная Басдео. – «Открывая Робина Гуда: жизнь Джозефа

⁴⁴ Ibid. P. 102–103.

⁴⁵ McNutt G.T. Joseph Ritson and the Publication of Early English Literature. Edinburgh: Edinburgh UP, 2018.

Ритсона – джентльмена, ученого и революционера».⁴⁶ Исследователь не сосредоточивается полностью на фигуре писателя, его интересуют социальные нормы, нравственные ценности и политические реалии конца XVIII в., сквозь призму которых он исследует жизнь Ритсона. Вместе с тем современных работ, посвященных творчеству литератора, сравнительно мало.

Отдельно отметим, что меньше всего внимания Ритсону уделялось в контексте исследования истории шекспировской текстологии XVIII в. При этом о влиянии писателя на современников-шекспироведов упоминается в трудах С. Джарвиса,⁴⁷ М. Уолша,⁴⁸ Дж. Линча,⁴⁹ А. Шербо,⁵⁰ хотя и не столь подробно.

Недостаточное количество работ, посвященных Ритсону, который оставался в тени своих знаменитых современников (С. Джонсона, Т. Перси, У. Скотта и пр.), обуславливает **новизну** данного исследования. В отечественном литературоведении ранее не предпринималось попыток комплексного анализа его творчества, и эта лакуна создает необходимость в более пристальном изучении произведений писателя. Ввиду этого обстоятельства **целью исследования** является заполнение имеющегося в отечественном литературоведении пробела, связанного с освоением сочинений Дж. Ритсона, и демонстрация научной ценности его трудов в контексте изучения старинной англо-шотландской поэзии, исторического прошлого Великобритании, истории текстологии – в частности, шекспировской текстологии – и фольклористики. Данные цели определили **задачи исследования:**

⁴⁶ Basdeo S. *Discovering Robin Hood: The Life of Joseph Ritson – Gentleman, Scholar and Revolutionary*. Barnsley: Pen and Sword History, 2021.

⁴⁷ Jarvis S. *Gentlemen and Scholars: Shakespearian Textual Criticism and Representations of Scholarly Labour, 1725–1765*. Oxford: Clarendon Press, 1995.

⁴⁸ Walsh M. *Literary Scholarship and the Life of Editing // Books and Their Readers in Eighteenth-Century England: New Essays* / Ed. by I. Rivers. L.: Leicester UP, 2001.

⁴⁹ Lynch J. *Criticism of Shakespeare // Shakespeare in the Eighteenth Century* / Ed. by F. Ritchie, P. Sabor. Cambridge: Cambridge UP, 2012. P. 41–59.

⁵⁰ Sherbo A. *The Achievement of George Steevens*. N.Y.: P. Lang, 1990.

1. Рассмотреть историю контактов Дж. Ритсона с видными учеными и литераторами–современниками, примыкавшими к движению британских антиквариетов на рубеже XVIII–XIX вв. (среди которых Т. Уортон, Т. Перси, Дж. Пинкертон);

2. Определить, какими принципами руководствовался Дж. Ритсон в работе над собраниями народных баллад и песен, проанализировав разнообразие подходов к редактированию старинной поэзии в XVIII – начале XIX вв.;

3. Определить роль Дж. Ритсона в развитии шекспировской текстологии на излете XVIII в., продемонстрировать его влияние на современников-шекспироведов и применительно к этому изучить историю его контактов с С. Джонсоном, Дж. Стивенсом и Э. Мэлоуном;

4. Определить, как профессиональные и личные отношения повлияли на репутацию Дж. Ритсона и посмертную судьбу его наследия;

5. Проследить эволюцию политических взглядов Дж. Ритсона и проанализировать их влияние на зрелое творчество писателя, в частности, на формирование им образа легендарного Робина Гуда – пожалуй, главное литературное достижение Дж. Ритсона.

Теоретическая значимость исследования соотносится с решением поставленных задач и заключается в углублении знаний об историко-литературных процессах рубежа XVIII–XIX вв. Работа вносит вклад в разработку теоретических вопросов, связанных с эволюцией балладной традиции в Великобритании, историей шекспировской текстологии XVIII в. и методов подготовки к печати старинных текстов, практиковавшихся в XVIII – начале XIX вв. Также работа призвана внести определенный вклад в понимание причин пристального внимания предромантической эпохи к историческому прошлому, тесно связанного в представлении современников Дж. Ритсона с актуальными проблемами настоящего.

Практическая ценность исследования состоит в том, что его результаты можно использовать для дальнейшего изучения творчества Дж. Ритсона, связанных с ним литераторов и историков, а также всего социокультурного контекста, в котором формировались ритсоновские исторические воззрения и критический метод. Достигнутые в ходе работы результаты могут представлять интерес для разработчиков учебных курсов по истории зарубежной литературы, в частности, истории английской литературы XVIII–XIX вв.

Теоретической основой диссертации послужили исследования, посвященные англо-шотландскому фольклору, жанру баллады и его развитию в британской национальной традиции, работы, осмысляющие формирование романтической художественной мысли и становление современного шекспироведения. В трудах отечественных литературоведов М.П. Алексеева, А.Н. Веселовского, О.Л. Мощанской и др. раскрываются особенности бытования и видоизменения баллады в европейской литературе. Анализ характерных тенденций британского предромантизма и эстетических принципов романтической эпохи представлен в трудах А.А. Аникста, В.М. Жирмунского, Б.Г. Реизова, Н.А. Соловьевой и т.д. В числе работ по шекспироведению учитываются фундаментальные труды А.Н. Горбунова, Л.Е. Пинского, Ю.Ф. Шведова и др.

Значимы для диссертации сочинения зарубежных литературоведов, в частности, Г.Х. Джерулда, Д. Аткинсона, Ф.К. Гаммера, А.Б. Фридмана, В.М. Харта, рассматривающие особенности фольклорных произведений разных жанров и описывающие образный ряд, присущий как народным, так и литературным балладам. Исследуя собранные и отредактированные Дж. Ритсоном песни и баллады, мы принимаем во внимание работы Д.

Мэтьюза,⁵¹ М. Маклейн⁵² и Д. Соренсен.⁵³ Обращаясь к созданию Ритсоном образа фольклорного и «исторического» героя Робина Гуда, резонно опираться на труды С. Найта,⁵⁴ Дж. Сингмана,⁵⁵ Дж.К. Холта.⁵⁶ Рассматривая творчество Дж. Ритсона в контексте истории шекспировской текстологии, мы обращаемся к трудам С. Джарвиса,⁵⁷ М. Уолша,⁵⁸ Дж. Линча,⁵⁹ А. Шербо.⁶⁰ Кроме того, выделим работы М.Л. Маккензи,⁶¹ Т. Мортон⁶² и Р. Персал,⁶³ в которых предпринята попытка поместить творчество Ритсона в контекст романтической литературы и сопоставить произведения писателя с творениями его современников.

Методологической основой диссертации стала совокупность различных подходов. В рамках традиционного историко-литературного метода работа обращалась к писательским биографиям и творческой истории создания отдельных произведений, продолжая линию, намеченную в трудах Дж.Т. Макнат, К. Ринакер, С. Басдео и пр. При работе как с художественными текстами, эссе, авторскими комментариям, так и с

⁵¹ Matthews D. *The Making of Middle English, 1765–1910*. Minneapolis: Minnesota UP, 1999.

⁵² McLane M., Maureen N. *Balladeering, Minstrelsy, and the Making of British Romantic Poetry*. Cambridge: Cambridge UP, 2008.

⁵³ Sorensen J. *Alternative Antiquarianisms of Scotland and the North* // *Modern Language Quarterly*. 2009. V. 4. No. 70. P. 415–441.

⁵⁴ Knight S. *Robin Hood: A Mythic Biography*. L.: Cornell UP, 2003.

⁵⁵ Singman J.L. *Robin Hood: The Shaping of the Legend*. L.: Greenwood Press, 1998.

⁵⁶ Holt J.C. *Robin Hood*. L.: Thames & Hudson, 1982.

⁵⁷ Jarvis S. *Gentlemen and Scholars: Shakespearian Textual Criticism and Representations of Scholarly Labour, 1725–1765*. Oxford: Clarendon Press, 1995.

⁵⁸ Walsh M. *Literary Scholarship and the Life of Editing* // *Books and Their Readers in Eighteenth-Century England: New Essays* / Ed. by I. Rivers. L.: Leicester UP, 2001.

⁵⁹ Lynch J. *Criticism of Shakespeare* // *Shakespeare in the Eighteenth Century* / Ed. by F. Ritchie, P. Sabor. Cambridge: Cambridge UP, 2012. P. 41–59.

⁶⁰ Sherbo A. *The Achievement of George Steevens*. N.Y.: P. Lang, 1990.

⁶¹ Mackenzie M.L. *The Great Ballad Collectors: Percy, Herd, and Ritson* // *Studies in Scottish Literature*. 1964. V. 2. Iss. 4. P. 213–233.

⁶² Morton T. *Joseph Ritson, Percy Shelley and the Making of Romantic Vegetarianism* // *Romanticism*. 2006. V. 12. No. 1. P. 52–61; Morton T. *Shelley and the Revolution in Taste: The Body and the Natural World*. Cambridge: Cambridge UP, 1994.

⁶³ Pearsall R. *Scott and Ritson on Allan Ramsay* // *Modern Language Notes*. 1951. V. 8. No. 66. P. 551–553.

эпистолярным наследием Дж. Ритсона использовались элементы культурологического анализа. При исследовании творчества писателя и его контактов с современниками в работе использовался сравнительно-исторический метод (в целях определить место Дж. Ритсона в литературе конца XVIII–XIX вв.).

Предметом исследования послужили взгляды Дж. Ритсона и его современников на историческое прошлое Великобритании, запечатленное в памятниках словесности, а также литературные контакты писателя с современниками – Т. Уортоном, Т. Перси, Дж. Пинкертоном, С. Джонсоном, Дж. Стивенсом и Э. Мэлоуном. **Объектом** исследования стали отредактированные Дж. Ритсоном художественные тексты и эссеистика писателя, в которых отражены его исторические воззрения и редакторские принципы, а также историко-литературные, теоретико-литературные и литературно-критические работы Ритсона, наглядно выявляющие характер его взаимодействия с коллегами по цеху.

В качестве **материала исследования** были выбраны следующие собрания Дж. Ритсона: «Собрание избранных английских песен» (A Select Collection of English Songs, 1783), «Шотландские песни» (Scotish Songs, 1794), «Древние песни и баллады, со времен короля Генриха II до Революции, в двух томах» (Ancient Songs and Ballads from the Reign of King Henry the Second to the Revolution in Two Volumes, 1790) и «Робин Гуд: собрание всех древних стихов, песен и баллад, сохранившихся до наших дней об этом знаменитом английском преступнике: которому предшествуют исторические анекдоты из его жизни» (Robin Hood: A Collection of All the Ancient Poems, Songs, and Ballads, Now Extant Relative to That Celebrated English Outlaw: To Which are Prefixed Historical Anecdotes of His Life, 1795). В них нас интересуют не только собранные образцы старинной поэзии и редакторское мастерство Ритсона, но также предисловия и комментарии, требующие отдельного внимания. Из критических работ Ритсона мы опираемся главным образом на

«Примечания к первым трем томам “Истории английской поэзии” Т. Уортона» (Observations on the Three First Volumes of the History of English Poetry by T. W. In a Letter to the Author, 1782), «Критические и пояснительные замечания к тексту и примечаниям последнего издания Шекспира» (Remarks Critical and Illustrative on the Text and Notes of the last Edition of Shakespeare, 1783) и «Беглую критику издания Шекспира, опубликованного Э. Мэлоуном» (Cursory criticisms on the edition of Shakespeare published by Edmond Malone, 1792). Хотя диссертация стремилась в той или иной степени охватить бóльшую часть сочинений писателя, вышеперечисленным сочинениям уделяется больше места, чем остальным, поскольку именно они лучше всего раскрывают процесс осмысления прошлого Великобритании Ритсоном и другими литераторами, его современниками.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. Редакторская концепция Дж. Ритсона и его взгляды на историческое прошлое Великобритании имеют важное значение в изучении литературного процесса в Великобритании XVIII–XIX вв.; они выявили серьезные пробелы в изучении истории английской литературы и среднеанглийского языка, без знания которого было невозможно грамотное редактирование и издание средневековых текстов, а также реконструкция их плохо сохранившихся фрагментов.

2. В работе со старинными поэтическими текстами Дж. Ритсона отличает пристальное внимание к авторитетным источникам и подготовке полноценного научного аппарата, за счет чего его собрания народной поэзии приобретают сходство с текстологическими исследованиями. Собрания старинных произведений Дж. Ритсона отличает жесткий принцип отбора материала и изъятие всего лишнего, что делает его работы цельными, хорошо структурированными и научно выверенными.

3. Принимая активное участие в полемике вокруг редактирования текстов У. Шекспира, Дж. Ритсон оказал влияние на работы ведущих современников-шекспироведов (С. Джонсон, Дж. Стивенс, Э. Мэлоун). Ритсон был одним из немногих, кто обратил внимание на то, что его коллеги-исследователи Шекспира не проявляют должный интерес к самым ранним из известных печатных текстов драматурга, отдавая предпочтение новейшим изданиям шекспировских пьес.

4. Перемены общественно-политической позиции Дж. Ритсона оказали существенное влияние на его зрелое творчество, что особо проявилось в подготовленном им издании «Робин Гуд: собрание всех древних стихов, песен и баллад, сохранившихся до наших дней» (1795), ставшем первой работой, при создании которой писатель руководствовался не только объективными научными фактами, но и личными убеждениями. В данном собрании отдается предпочтение преимущественно тем историко-литературным обстоятельствам, которые отвечали взглядам Ритсона на политику и устройство общества, так как его борьба с социальной несправедливостью была перенесена в сферу литературы.

5. Созданный Дж. Ритсоном цельный образ Робина Гуда укоренился в британской культуре. Из преступника и изгоя, вынужденного скрываться в лесах, Робин Гуд был превращён в благородного предводителя разбойников, заклётого врага всякой тирании; этот образ был высоко оценен в XIX в. писателями-романтиками, такими как У. Скотт.

Апробация диссертации. Результаты исследования были представлены в докладах на международных научных конференциях: «Представление о вегетарианстве в творчестве Дж. Ритсона и П.Б. Шелли» на Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов–2021» (МГУ имени М.В. Ломоносова, апрель 2021); «В поисках исторической правды: литературные оппоненты Дж. Ритсона (Т. Перси, Дж. Пинкертон)» на Международной научной конференции

студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов–2022» (МГУ имени М.В. Ломоносова, апрель 2022); «Творчество Дж. Ритсона в контексте шекспировской текстологии» на XXX Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов–2023» (МГУ имени М.В. Ломоносова, апрель 2023); «Искусство устранения ошибок: методологические дискурсы западной текстологии и библеистики XVIII–XX вв.» на международной конференции «Традиция в литературе и искусстве XX–XXI вв.» (ИНИОН РАН, 6–7 июня 2023 г.).

Основные положения исследования отражены в 14 научных статьях, 4 из которых опубликованы в журналах, рекомендованных Учёным советом МГУ имени М.В. Ломоносова.

Статьи, опубликованные в изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова:

1. Колосова Е.И. Два подхода к средневековой поэзии: редакторские концепции антиквариетов XVIII–XIX веков // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Т. 5. № 873. С. 138–144. Импакт-фактор РИНЦ 2022: 0,285.

2. Колосова Е.И. Эволюция представлений о вегетарианстве в литературе Великобритании на рубеже XVIII–XIX вв. (на материале «Эссе о воздержании от животной пищи как моральном долге» Дж. Ритсона, философской поэме «Королева Маб» и эссе «Оправдание естественной диеты» П.Б. Шелли) // Litera. 2023. № 10. С. 55–66. Импакт-фактор РИНЦ 2022: 0,220.

3. Колосова Е.И. Прошлое как способ говорить о настоящем: «Робин Гуд: Собрание всех древних стихов, песен и баллад, сохранившихся до наших дней» Дж. Ритсона // Вестник Пятигорского государственного университета. 2023. № 3. С. 120–124. Импакт-фактор РИНЦ 2022: 0,232.

4. Колосова Е.И. Подлинная мистика, правдивая история: баллады, легенды и образ Белой дамы в романах «Ламмермурская невеста» и

«Монастырь» В. Скотта // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 6. № 861. С. 144–150. Импакт-фактор РИНЦ 2022: 0,285.

Публикации в других научных изданиях:

5. Колосова Е.И. Джозеф Ритсон: антикварий, полемист и забытый создатель Робина Гуда. Рецензия на кн.: Basdeo S. [Басдео С.] *Discovering Robin Hood: the Life of Joseph Ritson – Gentleman, Scholar and Revolutionary* // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: литературоведение. 2022. № 3. С. 153–168. Импакт-фактор РИНЦ 2022: 0,061.

6. Колосова Е.И. Литературная полемика Т. Уортона и Дж. Ритсона в контексте поиска исторической правды в эпоху Просвещения // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2022. Т. 7. № 4. С. 106–116. Импакт-фактор РИНЦ 2022: 0,156.

7. Колосова Е.И. Пророки, барды, менестрели и национальное самосознание в ранней и средневековой валлийской поэзии // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: литературоведение. 2022. № 2. С. 69–81. Импакт-фактор РИНЦ 2022: 0,061.

8. Колосова Е.И. Общества антиквариатов в контексте британской литературы XVIII в. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: литературоведение. 2021. № 3. С. 95–108. Импакт-фактор РИНЦ 2022: 0,061.

9. Колосова Е.И. Вальтер Скотт и Вашингтон Ирвинг: к истории творческих отношений // Литература двух Америк. 2021. № 10. С. 8–24. Импакт-фактор РИНЦ 2022: 0,050.

10. Колосова Е.И. «Поэмы Оссиана» в сравнительно-историческом контексте // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и

зарубежная литература. Серия 7: литературоведение. 2021. № 2. С. 123–135. Импакт-фактор РИНЦ 2022: 0,061.

11. Колосова Е.И. Тема вегетарианства в литературе Великобритании XVII–XVIII вв., ее основания и культурные контексты // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: литературоведение. 2021. № 4. С. 53–65. Импакт-фактор РИНЦ 2022: 0,061.

Тезисы докладов на научных конференциях:

12. Колосова Е.И. Представление о вегетарианстве в творчестве Дж. Ритсона и П.Б. Шелли // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2021» / Отв. ред. И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов, Е.И. Зимакова. М.: МАКС Пресс, 2021.

13. Колосова Е.И. В поисках исторической правды: литературные оппоненты Дж. Ритсона (Т. Перси, Дж. Пинкертон) // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2022» / Отв. ред. И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов, Е.И. Зимакова. М.: МАКС Пресс, 2022.

14. Колосова Е.И. Творчество Дж. Ритсона в контексте шекспировской текстологии // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2023» / Отв. ред. И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов, Е.И. Зимакова. М.: МАКС Пресс, 2023.

Структура диссертационного исследования. Работа состоит из Введения, трех глав, Заключения и Библиографии. Во **Введении** обосновывается актуальность темы и ее новизна, формулируются цели и задачи исследования. В **первой главе**, состоящей из шести параграфов, рассматриваются полемические работы Дж. Ритсона и его литературные контакты с Т. Уортоном, Т. Перси и Дж. Пинкертоном. **Вторая глава** включает в себя четыре параграфа и посвящена творчеству Дж. Ритсона в контексте шекспировской текстологии на излете XVIII в. **Третья глава**, состоящая из пяти параграфов, посвящена собранию Дж. Ритсона «Робин

Гуд: собрание всех древних стихов, песен и баллад, сохранившихся до наших дней» (1795) и его реконструкции образа Робина Гуда. В **Заключении** содержатся основные выводы работы, а также намечаются пути, по которым можно пойти в дальнейших исследованиях творчества Дж. Ритсона.

ГЛАВА 1. В поисках исторической правды: Дж. Ритсон как литературный критик и историк литературы

В 1775 г. Дж. Ритсон переехал из Стоктона-на-Тизе в Лондон и практически сразу устроился на должность помощника нотариуса. Право не увлекало его так, как старинная литература, поэтому все свободное время молодой исследователь посвящал архивам Британского музея и библиотекам Оксфорда и Кембриджа. В первую очередь его интересовала история литературы, литературная критика, текстология, а также средневековая поэзия. В сущности, карьера Ритсона начинается в период становления истории литературы как научной дисциплины, и он внёс весомый вклад в ее развитие в Великобритании. Биограф Ритсона Б. Бронсон отметил, что период между 1776 и 1781 гг. сыграл большую роль в карьере писателя. В это время в жизни Ритсона почти не было значимых «внешних» событий, потому что все его внимание было направлено на исследовательскую деятельность: «Он стал одним из самых просвещённых людей своего времени в тех областях, где точное знание было особенно трудно достижимо, и был готов бросить вызов миру науки как знаток самых запутанных периодов истории английской литературы».⁶⁴ По «Реестру рукописей, отправленных в читальный зал Британского музея» (Register of Manuscripts Sent to the Reading Room of the British Museum) Дж.Т. Макнат определила, как часто Ритсон использовал архив рукописей Британского музея.⁶⁵ Исследовательница установила, что между первым отмеченным в реестре запросом Ритсона в апреле 1776 г. и августом 1782 г., когда он сообщил другу о публикации «Примечаний к первым трем томам “Истории английской поэзии” Т. Уортона» (1782), ученый запросил около 590

⁶⁴ Bronson B. Joseph Ritson, Scholar-at-Arms. Berkeley: California UP, 1938. P. 56.

⁶⁵ McNutt G.T. Joseph Ritson and the Publication of Early English Literature. Edinburgh: Edinburgh UP, 2018. P. 74–77.

рукописей. Он посещал читальный зал не менее трех раз в неделю; примечательно и то, что Ритсону выдавалось по две рукописи сразу, и при этом он возвращал их либо в тот же день, либо на следующий. Это указывает на то, что писатель выборочно переписывал наиболее значимый для своих будущих собраний материал, а спустя некоторое время возвращался к конкретным рукописям, предположительно изучая их более подробно и делая расшифровки. Дж. Лирссен отметил, что обнаружение прежде неизвестных старинных манускриптов в XVIII в. происходило по мере того, как прежде находившиеся в частной собственности собрания постепенно становились достоянием общественности.⁶⁶ Доступные Ритсону источники уступали по богатству и разнообразию тому материалу, которым позднее обладали интеллектуалы эпохи романтизма, такие как топограф и историк Джордж Бейкер (Baker, George, 1781–1851) или библиофил, обладатель крупнейшей в XIX в. частной библиотеки рукописных материалов Томас Филлипс (Phillipps, Thomas, 1792–1872), хотя Ритсон по-прежнему оставался одним из наиболее осведомлённых исследователей-фольклористов своего времени.

1.1 От антиквариев к текстологам: формирование традиции исследования и издания древних рукописей

Практически до конца XVIII в. деятельность антиквариев во многом зависела от личных контактов с теми, кто имел доступ к различным архивам и частным коллекциям. Ситуация начала постепенно меняться с 1771 г., когда Королевское общество древностей (Society of Antiquaries of London) возглавил влиятельный антикварий Р. Гофф (Gough, Richard, 1735–1809). Под его влиянием журналист Дж. Картер (Carter, John, 1748–1817)

⁶⁶ Leerssen J. Literary Historicism: Romanticism, Philologists, and the Presence of the Past // *Modern Language Quarterly*. 2004. V. 65. No. 2. P. 227.

обратился со страниц ежемесячного журнала «Джентльменз мэгезин» (The Gentleman's Magazine, 1731–1907) к широкой публике с призывом изучать средневековую архитектуру и популяризировать деятельность антиквариетов.⁶⁷ Однако стоит отметить, что не все исследователи положительно оценили итоги подобных призывов: «Учёные антиквариетов – это был верхний слой. Массу же антиквариетов составляли любители, для которых возможность извлекать из своих коллекций доход была не последним стимулом к коллекционированию».⁶⁸

В Великобритании расцвет интереса к средневековой поэзии пришелся на 1760-е гг., что объясняется целым комплексом причин. Во-первых, в 1753 г. был основан Британский музей, а шесть лет спустя, в 1759 г., опубликован каталог его собраний, что сделало сотни рукописей доступными для заинтересованных исследователей. Во-вторых, труды таких видных учёных, как Т. Уортон и епископ Т. Перси способствовали популяризации средневековой литературы не только у ученой публики, но и среди широкой читательской аудитории. Антиквариетизм и научная текстология, укрепившие свои позиции в восемнадцатом столетии, сделали собрания старинной поэзии более привлекательными и для английских книгоиздателей с коммерческой точки зрения.⁶⁹ Так, постепенно, результаты исследований средневековой литературы распространились за пределы научного сообщества. Данный феномен медиевисты Дж.М. Феррант и Р.У. Хэннинг охарактеризовали как «перенаправленный гуманизм» (*redirected humanism*),⁷⁰ имея в виду изменение объекта культурного освоения, бросающее вызов статусу греко-римского наследия, которое прежде находилось в центре внимания исследователей.

⁶⁷ Михайлова Ю.Ю. Антиквариетизм в контексте готического Возрождения в Англии XVIII в. // Вестник СПбГУКИ. 2015. № 4 (25). С. 174.

⁶⁸ Клейн Л.С. История археологической мысли. СПб: СПбГУ, 2011. С. 183.

⁶⁹ Sweet R. Antiquaries: The Discovery of the Past in Eighteenth-Century Britain. L.: Hambledon and London, 2004. P. 310.

⁷⁰ Damico H. Medieval Scholarship: Biographical Studies on the Formation of a Discipline. History. L.: Routledge, 1995. P. XIX.

В первой половине XVIII в. в Англии оживилась традиция исследования и редактирования древних рукописей для последующей их публикации: учёные обращались, прежде всего, к ранее неизвестным латинским и библейским текстам. Традиция английской текстологии берет свое начало с Ричарда Бентли (Bentley, Richard, 1662–1742) – богослова, библеиста и филолога. Одним из наиболее значительных его трудов считается комментированное издание произведений древнеримского поэта Горация, опубликованное в 1711 г. Источником всех средневековых рукописей поэта Бентли считал рукопись, связываемую с именем Маворция (Mavortius, Vettius Agorius Basilius, ум. не ранее 534). Опираясь на него и ряд других материалов, ученый внес по меньшей мере семьсот изменений в корпус произведений Горация. Многие текстологи XVII–XIX вв., такие как Р. Бентли, Э. Уэллс (Wells, Edward, 1667–1727) и К. Лахман (Lachmann, Karl, 1793–1851) работали как с античными, так и библейскими текстами. В 1716 г. в письме к архиепископу У. Уэйку (Wake, William, 1657–1737) Бентли поделился идеей отредактировать текст Нового Завета и «вернуть» его к тому варианту, который был известен во время проведения Первого Никейского собора (325 г.). Получив доступ к самому известному в Англии греческому тексту Нового Завета – Александрийскому кодексу (датируемому V в.), он сверил его текст с древними копиями Вульгаты и средневековыми манускриптами. В итоге текстолог пришел к заключению, что все рукописи в ключевых местах совпадают, однако большинство созданных в Средние века греческих рукописей имеют серьезные расхождения с более древними списками. Исследователь Э. Рейвен, солидаризируясь с итальянским филологом С. Тимпанаро, автором знаменитой книги «Происхождение лахмановского метода»,⁷¹ считает главным достоинством метода Бентли то, что при издании текстов он не ограничивался рамками анализа строго лингвистического, но также

⁷¹ Timpanaro S. La Genesi del Metodo di Lachmann. Firenze: Le Monnier, 1963.

проводил и семантический.⁷² Отмечая преимущества предложенного Бентли подхода, писатель Т. де Квинси (1785–1859) в «Исповеди англичанина, любителя опиума» (*Confession of an English Opium-Eater*, 1822) высоко оценил его попытку восстановить текст Библии – в ней текстолог меньше, чем в изданиях античных авторов, фокусировался на лингвистических сопоставлениях.⁷³ Бентли удалось приблизительно установить время создания некоторых менее известных списков Св. Писания, что впоследствии помогало ему распознавать традиции, свойственные переписчикам разных исторических эпох.

Одновременно с деятельностью учёных-текстологов на протяжении всего XVIII в. в Англии издавались собрания поэзии Елизаветинской эпохи, однако получить доступ к богатому наследию литературной критики XVI в. было не так просто. Образцы литературной критики XVI и XVII вв. переиздавались нечасто, и спрос на них был столь невелик, что редакторам при публикации приходилось брать на себя все финансовые риски. В 1737 г. английская актриса, драматург и редактор Элизабет Купер (*Cooper, Elizabeth*, 1698–1761) объявила о выходе в свет «Очерка о развитии критики в Англии» (*Some Account of the Progress of Criticism in England; from Sir Philip Sidney, the Art of English Poetry*), но этой публикации не суждено было состояться.⁷⁴ По всей видимости, первым в восемнадцатом столетии переизданием памятника литературной критики XVI в. стала «Защита поэзии» (*An Apology for Poetry*, 1595) Ф. Сидни (1554–1586), изданная в 1752 г. Робертом Ури (*Urie, Robert*, 1713–1771), одним из ведущих издателей Глазго. Среди тех, кто дал вторую жизнь елизаветинской литературной критике, был и старший брат известного историка английской литературы Томаса Уортона Джозеф Уортон (*Warton, Joseph*,

⁷² Timpanaro S. *The Genesis of Lachmann's Method*. Chicago: Chicago UP, 2005. P. 63–64.

⁷³ De Quincey T. *Confessions of an English opium-eater*. Hertfordshire: Wordsworth, 1994. P. 127.

⁷⁴ Cooper E. *The Muses Library; or a Series of English Poetry, from the Saxons, to the Reign of King Charles II*. L.: J. Wilcox, 1737. P. xvi.

1722–1800). Репутацию литературного критика он снискал благодаря своему изданию произведений Вергилия, критическим статьям в лондонской газете «Эдвенчур» (The Adventurer, 1752–1754) и «Эссе о творчестве и гении Поупа» (Essay on the Genius and Writings of Pope, 1756). 18 апреля 1784 г. Уортон предложил издателю Джону Николсу (Nichols, John, 1745–1826) небольшое собрание, которое впоследствии было опубликовано в 1787 г. под названием «"Защита поэзии" сэра Филиппа Сидни и замечания к "Поэзии и красноречию" из "Открытий" Бена Джонсона» (Sir Philip Sydney's Defense of Poetry: And Observations on Poetry and Eloquence, from the Discoveries of Ben Jonson, 1787): «Мы все знаем, какое сформировалось отношение к нашим старым поэтам. Думаю, некоторые из наших старых критиков могли бы стать столь же популярными...».⁷⁵ Для реализации своего плана Уортон предложил издателю разделить расходы на публикацию и обязался снабдить собрание полноценным научным аппаратом.

1.2 Рационализм, здравый смысл и чистое воображение. «История английской поэзии» Т. Уортона и реакция на нее Дж. Ритсона

В то время как Дж. Уортон стремился популяризовать критическое наследие предыдущих столетий, его младший брат – Т. Уортон – энергично продолжал дело предшественников. Его «Замечания к "Королеве фей" Спенсера» (Observations on the 'Fairy Queen' of Spenser, 1754) ознаменовали новый этап в развитии английской литературной критики XVIII в. Стоит помнить, что до середины XVIII в. доминирующая доктрина классической эстетики основывалась на правилах, разработанных еще Аристотелем и

⁷⁵ Nichols J. Literary Anecdotes of the Eighteenth Century. L.: Nichols, Son, and Bentley, 1812. P. 172–173.

Горацием. Важную роль играла и традиция «беседы», идущая от Платона. Как в своё время отметил американский литературовед Дж.Э. Спингарн, эпоха от У. Шекспира до Дж. Драйдена была эпохой разговоров.⁷⁶ Правила коммуникации, основанные на аргументированности и логичности суждений, перекочевавшие из судебной практики в сферу искусства и науки, в XVII в. обрели регламентированную строгость. Таким образом, английская критика на рубеже XVI–XVII вв. руководствовалась, прежде всего, принципами, основанными на рациональности высказываемого суждения и здравом смысле. Вследствие этого английские критики, например, У. Уэбб (Webbe, William, 1568–1591) и У. Давенант (Davenant, William, 1606–1668), поставили под сомнение саму способность обывателя верно судить о поэзии, поскольку он не обладал должным образованием.⁷⁷ Три основополагающих элемента классицистической традиции – признание античного искусства наивысшим эстетическим образцом, вера в возможности рационального суждения и представление о подражании искусству жизни (мимесис) – в совокупности определили правила хорошего вкуса и возвели в абсолют здравый смысл. Сходство этих принципов с французской критической доктриной неоспоримо. В 1635 г. основанная А.-Ж. де Плесси, кардиналом Ришельё (1585–1642) Французская академия приступила к формированию основ классицистической критики. Её строгость и высокие стандарты можно оценить по знаменитому спору о «Сиде» – беспрецедентной литературно-эстетической дискуссии, разгоревшейся во Франции в 1637–1638 гг. после публикации и постановки трагикомедии «Сид» (Le Cid, 1636) П. Корнеля (1606–1684). Затем принципы классицистической критики были изложены Ж. Шапленом (Chapelain, Jean, 1595–1674) в эссе «Мнение Французской Академии о трагикомедии “Сид”» (Les Sentimens de l'Académie Française sur la Tragi-

⁷⁶ Spingarn J.E. Critical Essays of the Seventeenth Century. Oxford: Clarendon Press, 1908. P. xlvii.

⁷⁷ Smith G. Elizabethan Critical Essays. Oxford: Oxford UP, 1904. P. 298.

comédie du Cid, 1638).⁷⁸ Английские литературные критики усвоили французскую концепцию, вследствие чего формализм господствующего классицизма в Англии ещё больше усилился. Эти идеи нашли отражение в работах основателей традиции британского эмпиризма философов Ф. Бэкона (1561–1626) и Т. Гоббса (1588–1679), писателя и англиканского епископа Т. Спрата (Sprat, Thomas, 1635–1713), английского писателя, поэта и драматурга У. Давенанта и др.

Высшей точкой английской классицистической эстетики стала доктрина Дж. Драйдена (1631–1700), которая лучшего всего представлена в его «Эссе о драматической поэзии» (Essay of Dramatic Poesie, 1668). Драйден рассматривал драму как наиболее близкий к эпосу жанр и провёл границы между английской, античной и французской драмой. В «Эссе» четыре персонажа – Критий, Лисидий, Евгений и Неандр – обсуждают три главные темы: достоинства античной драмы перед современной, превосходство английской драмы над французской, а также необходимость рифмы. Точку зрения самого Драйдена озвучивает Неандр, опровергая аргументы Лисидия в пользу превосходства французской драмы. Он настаивает на величии елизаветинцев, так как именно они наиболее удовлетворяют главному требованию драмы – жизнеподобию. По мнению Неандра, некоторое отступление от строгого соблюдения трёх единств (места, действия и времени) позволяет драме затрагивать разнообразные темы, поэтому он отвергает аргумент своего собеседника, что смена места действия и времени нивелирует драматическую достоверность. Для Неандра поступки героя на сцене кажутся более естественными, когда они не ограничены пространственно-временными рамками. Наконец, герой Драйдена не обходит стороной и Шекспира, говоря о нем следующее: «Шекспир был Гомером или отцом наших драматических поэтов; Джонсон

⁷⁸ Шаплен Ж. Мнение Французской Академии по поводу трагикомедии «Сид»: пер. с франц. Г.К. Косикова // Литературные манифесты западноевропейских классицистов. М.: МГУ, 1980. С. 273–298.

был Вергилием, образцом сложного письма; я восхищаюсь им, но люблю Шекспира».⁷⁹ Отдельно отметим, что в своём эссе Драйден освещает, быть может, наиболее острый для XVII–XVIII вв. спор об античных и современных идеалах. Сторонники античной эстетики полагали, что порочные в своей основе нравы современного общества неспособны благотворно влиять на развитие личности, поэтому предпочитали искать гармонию в классической литературе. Сторонники «современности», с другой стороны, стремились не оглядываться на античное прошлое. Современный мир с его научными достижениями они полагали закономерным итогом развития человеческой природы под влиянием гуманизма эпохи Возрождения. В конечном итоге спор свёлся к компромиссу: сторонники современной модели признали некоторую степень «грубости» своих литературных идеалов, а приверженцы классических ориентиров старались примирить античные идеалы с последними литературными тенденциями. Так, Драйден отмечал гармоничность поэзии Спенсера, хотя его замысел считал несовершенным, а английский публицист, критик, драматург и теоретик искусства Дж. Аддисон (1672–1719), руководствуясь установленными стандартами эпической поэзии, хвалил эпическую поэму Дж. Милтона (1608–1674) «Потерянный рай» (Paradise Lost, 1667).⁸⁰

В сущности, среди литературных критиков этот спор об идеалах оставался актуален до середины XVIII в., пока Т. Уортон не опубликовал в 1754 г. «Замечания к "Королеве фей" Спенсера», чем произвёл революцию в английской литературной критике. «Абсурдно помышлять о том, чтобы судить Ариосто или Спенсера по предписаниям, которым они не следовали», – пишет Уортон в начале своего трактата, решительно отвергая тем самым строгие классицистические правила.⁸¹ Его «Замечания»

⁷⁹ Dryden J. The Critical and Miscellaneous Prose Works of John Dryden. L.: Cadell and Davies, 1800. P. 103.

⁸⁰ Addison J. Article №273 // The Spectator. 1712. January 12.

⁸¹ Warton T. Observations on the Fairy Queen of Spenser. L.: C. Stower, 1807. P. 21.

мотивированы не только потребностью в обновлении критических стандартов, но и так называемым «спенсерианским возрождением» (Spenserian revival). Исследовательница К. Ринакер выделяет четыре аспекта,⁸² по которым Уортон превосходил предыдущих критиков поэта елизаветинской эпохи Э. Спенсера (ок. 1552–1599), таких как Дж. Хьюз (Hughes, John 1677–1720)⁸³ и Дж. Джортин (Jortin, John, 1698–1770).⁸⁴ Во-первых, он признал несостоятельность классицистических правил, которые французский поэт и критик Н. Буало (1636–1711) в «Поэтическом искусстве» (*L'art poétique*, 1674) утвердил в качестве стандартов для оценки современной литературы. Уортон заявил о намерении следовать новым методам, основанным на убеждении, что для критического анализа важен авторский замысел и творческая интенция. Чистое воображение для него являлось таким же важным аспектом творчества, как рационализм и здравый смысл. Во-вторых, Уортон положил начало современному историческому методу критики, признав, что ни одно произведение искусства нельзя оценивать изолированно от эпохи и обстоятельств, в которых оно было создано. Прежде ни один критик, принимаясь за исследование творчества поэта, не принимал во внимание условия, в которых он работал: «Читая произведения поэта, жившего в далекую эпоху, нам необходимо оглянуться назад на обычаи и нравы, царившие в ту эпоху. Мы должны постараться поставить себя на место писателя и войти в его положение. Следовательно, мы сможем лучше понять, как на его образ мыслей и манеру изложения повлияли знакомые явления и предметы, которые совершенно отличаются от тех, в виду которых мы находимся сейчас».⁸⁵ В-третьих, он полагал, что английские писатели, отвергая

⁸² Rinaker C. Thomas Warton and the Historical Method in Literary Criticism // PMLA. 1915. V. 30. No. 1. P. 87–88.

⁸³ Hughes J. Remarks on the 'Fairy Queen' L.: J. and R. Tonson and S. Draper, 1750.

⁸⁴ Jortin J. Remarks on Spenser's Poems. L.: J. Whiston, 1734.

⁸⁵ Warton T. Observations on the Fairy Queen of Spenser. P. 71.

наследие средневековой литературы, сами ограничили себя жёсткими классицистическими рамками.

Заслуги Уортона для развития английской литературной критики трудно переоценить, он выявил значительный пробел в исследовании средневековой английской литературы и истории английского языка. За ликвидацию данного пробела Уортон принялся предположительно сразу после публикации «Замечаний к "Королеве фей" Спенсера» в 1754 г. и, накопив достаточный объём материала, в 1769 г. начал работу над трехтомной «Историей английской поэзии с конца одиннадцатого до начала восемнадцатого века» (*The History of English Poetry, from the Close of the Eleventh to the Commencement of the Eighteenth Century, 1774–1781*), которую Дж. Ритсон впоследствии критиковал в своем дебютном эссе «Примечания к первым трём томам "Истории английской поэзии" Т. Уортона». Уортона можно назвать первым английским историком литературы: в своём трехтомном труде он в доступной для широкой аудитории форме представил этапы развития английской словесности от XI до конца XVII вв. Проблемой столь новаторской по своему замыслу работы стала организация обширного материала в упорядоченное целое. Данному аспекту американский литературовед-компаративист Р. Уэллек в своем знаменитом труде «Расцвет истории английской литературы» (*The Rise of English Literary History, 1941*) уделяет особое внимание. Для него творчество Уортона занимает центральное место в эволюции западного литературоведения, прежде всего потому, что именно он возвёл историю литературы в ранг научной дисциплины. Заметим, что для Р. Уэллека новаторство Уортона заключалось не столько в новизне научной концепции, сколько в удачной организации накопленного материала.⁸⁶ Аналогичной точки зрения придерживается Л. Липкинг, отмечая, что форма изложения материала представлялась Уортону первоочередной

⁸⁶ Wellek R. *The Rise of English Literary History*. Chapel Hill: North Carolina UP, 1941. P. 199–200.

задачей, с которой он превосходно справился.⁸⁷ Однако фактическая сторона уортоновского труда и предложенный им литературоведческий анализ повлекли за собой критику от коллег по цеху, среди которых был и Ритсон. К. Ринакер опубликовала документ, в котором содержится намеченный Уортоном план работы.⁸⁸ Кратко изложим его суть: в первом из пяти пунктов Уортон отметил, что поэзия друидов безвозвратно утрачена, и самые ранние образцы поэзии английских бардов можно восстановить по «Хроникам Роберта Глостерского» (*The Metrical Chronicle of Robert of Gloucester*). Во втором пункте Уортон определил, что «Видение о Петре-пахаре» (*Piers Plowman*, ок. 1360–1386) Уильяма Ленгленда (род. ок. 1331) является первой аллегорической поэмой на английском языке, которая, однако, в значительной степени сохраняет элементы саксонского языка, что затрудняет ее понимание. В этом же пункте отмечается роль английских средневековых поэтов Джона Гауэра (*Gower, John, 1330–1408*) и Джеффри Чосера (ок. 1340–1400) в модернизации языка, а Джон Лидгейт (*Lydgate, John, ок. 1370–1451*) провозглашается первым английским поэтом, стихи которого современный читатель может понять без особого труда. В третьем пункте Уортон выделил Джона Хардинга (*Harding, John, ок. 1377–1465*), одного из летописцев Столетней войны (1337–1453) и автора рифмованной хроники Англии (ориг. *The Chronicle of Jhon Hardyng in Metre, fro[m] the First Begynnyng of Engla[n]de, unto [the] Reigne of Edwarde [the] Fourth Where He Made an End of His Chronicle. And from y[e] Tyme is Added with a Co[n]tinuacion of the Storie in Prose, 1543*), тем не менее, его творчество историк оценил не так высоко, как поэзию другого английского поэта Стивена Хоуза (*Hawes, Stephen, ум. 1523*). В четвёртом пункте Уортон наметил исследование поэзии времен правления Генриха VIII, выдвинув на первый план Томаса Уайетта (1503–1542) и Генри

⁸⁷ Lipking L. *The Ordering of the Arts in Eighteenth-Century England*. Princeton: Princeton UP, 2015. P. 361.

⁸⁸ Rinaker C. *Thomas Warton: A Biographical and Critical Study*. Urbana: University of Illinois Studies in Language and Literature, 1916. P. 83.

Говарда (Howard, Henry, ок. 1517–1547). В последнем пункте историк оставил всего одно предложение: «Прекрасный урожай поэзии явил себя в эпоху правления Елизаветы» (a fine parvest of poesy now shew'd itself in Q. Elizabeth's reign).⁸⁹ К. Ринакер⁹⁰ и Р. Уэллек⁹¹ справедливо отмечают скудость представленного плана, которая обуславливается, по их предположениям, тем, что он мог быть составлен Уортоном задолго до того, как он приступил к непосредственному формированию корпуса текстов. В дальнейшем Уортон расширил список поэтов, бардов и менестрелей, чьи произведения вошли в «Историю». Тем не менее, отсутствие поэтических произведений, датируемых периодом до Нормандского завоевания, оставалось неизменным, и это стало основной (но не единственной) претензией, которую Ритсон предъявил Уортону в своем критическом очерке.

Спустя год после издания последнего тома «Истории» были опубликованы облаченные в форму письма для Уортона «Примечания к первым трем томам "Истории английской поэзии"» малоизвестного на тот момент Ритсона. Писатель поставил под сомнение не только научную ценность этого исследования, но и достоинства самого автора: на первых страницах Ритсон заявил, что безупречная репутация Уортона представляется ему парадоксальной и требует более пристального рассмотрения. Предупреждая возможные упреки, он опроверг личные мотивы своих нападок: «...уверяю вас, удовлетворение, которое я мог испытать, найдя вашу работу безупречной, было бы бесконечно выше того, что я почувствовал, сделав себя инструментом публичного разоблачения».⁹² В трактате последовательно проанализированы все опубликованные тома уортоновского труда, с указанием страниц и

⁸⁹ Ibid.

⁹⁰ Ibid. P. 83.

⁹¹ Wellek R. The Rise of English Literary History. P. 173–174.

⁹² Зд. и далее цит. по: Ritson J. Observations on the Three First Volumes of the History of English Poetry. L.: J. Stockdale, 1782. P. 2.

пассажей, с которыми Ритсон спорит. В первую очередь писателя задело суждение о статусе древнесаксонского языка, который, с точки зрения Уортона, остался в памяти лишь «нескольких антиквариев», а стихи на этом языке не имели никакого отношения к современной Великобритании. Ритсон признал, что качественные изменения языка и социального устройства действительно произошли благодаря захватчикам-норманнам, однако англосаксонская культура, по его мнению, не могла быть полностью вытеснена из британского сознания.

1.3 Проблема британской национальной идентичности: ретроспективный взгляд на формирование англосаксонской культуры в период раннего Средневековья

Прежде чем оценить, на чьей стороне было больше правоты в этом споре, следует прояснить, что понимается под термином «англосаксонский». В наши дни под этим нередко подразумевается присущий британцам набор культурных черт, который объединяет людей в границах определенного географического региона (Англии) по принципу общего происхождения, традиций и ценностей. Предполагается, что этот культурный код берет свое начало в V в. после того, как римские легионы покинули территорию Британии. Последующее вторжение германских племен, в основном англов, саксов и ютов, обогатило британскую культуру новыми обычаями и изменило язык островитян. Именно в этот период на острове, этнический состав и культура которого часто менялись в результате вторжений и миграций, активно формируется идентичность британского народа. Тем не менее, может показаться, что британская культура полностью сформировалась именно в донормандский период британской истории, в то время, как ее окончательное становление на

самом деле произошло лишь после Нормандского завоевания Англии.⁹³ Было бы ошибочно ставить знак равенства между англосаксонской культурой и культурой Англии после Нормандского завоевания, однако национальная идентичность – это социальный конструкт, имеющий тенденцию к трансформации с течением времени.

Основополагающие изменения в британском обществе произошли под влиянием народов континентальной Европы и Скандинавии, близким к Северному и Балтийскому морям. Это случилось вследствие крушения Римской империи с ее экономической, политической и военной системами. В это же время (V в н.э.) происходит завоевание и переселение на остров народов с современной территории Германии и Дании. Самым ранним документом, свидетельствующим об англосаксонском переселении в Британию, является латинский текст древнейшего историка бриттов и британского святого Гильды Премудрого (лат. Gildas Sapiens, 500–570) «О гибели Британии» (De excidio Britanniae, VI в.). Документ служит важным источником для реконструкции событий, в ходе которых саксы решили свергнуть британских правителей и занять их место. Согласно Гильде Премудрому, под натиском северных захватчиков британский правитель попросил о военной помощи саксонских воинов, которые, однако, вскоре обнаружили слабость прибегнувшего к их помощи вождя, свергли его и на полвека захватили власть. Затем британцам удалось ненадолго остановить саксонское завоевание Британии, и именно на этом моменте Гильда Премудрый прекращает своё повествование. Изложенные события подтверждаются современными историками.⁹⁴ К началу VI в. территория Англии находилась под контролем англов – языческого германского

⁹³ Geary P. Ethnic Identity as a Situational Construct in the Early Middle Ages // *Mitteilungen Der Anthropologischen Gesellschaft in Wien*. 1983. No. 113. P. 15–26.

⁹⁴ См.: Heather P. Ethnicity, Group Identity, and Social Status in the Migration Period // *Franks, Northmen, and Slavs. Identities and State Formation in Early Medieval Europe* / ed. by I.H. Garipzanov, P.J. Geary, P. Urbańczyk. Turnhout: Brepols, 2008. P. 17–50.

племени.⁹⁵ Наиболее авторитетным источником для анализа данного исторического периода выступает написанная в начале VIII в. «Церковная история народа англов» (*Historia ecclesiastica gentis Anglorum*, ок. 371 н.э.) Беда Достопочтенного (ок. 673–735), в которой фиксируется переходный период от римской Британии к англосаксонской Англии.⁹⁶ В главе XV первой книги Беда описывает прибытие трех могущественных германских племен. Эти племена ютов являются прародителями народов, населявших Кент, остров Уайт, а также отдельных этнических групп, живших среди западных саксов. Беда обозначил место происхождения каждого из этих племен: саксы пришли из Старой Саксонии (современная Германия), англы – из Ангулуса⁹⁷ (территория, которую сейчас разделяют Германия и Дания), а юты – из провинции Ютиш (современная Ютландия в Дании), которая граничила с Ангулусом.⁹⁸ Хотя в данной главе Беда сообщает о трех разных народах, по мере повествования он начинает использовать термины «англы» и «саксы» как взаимозаменяемые, что впоследствии привело к образованию термина «англосаксонский». В дальнейшем эту традицию продолжили раннесредневековый валлийский хронист и историк Ненний (ок. 770–829) в «Истории Бриттов» (*Historia brittonum*, ок. 829–830) и анонимный летописец «Англосаксонской хроники» (*Anglo-Saxon Chronicle*, ок. 871–899).

Влияние племён-завоевателей на формирование британской идентичности происходило и на лингвистическом уровне. До VI в. остров был населен преимущественно латинянами и племенами, говорящими на кельтском языке. Под влиянием англосаксонских племён постепенно

⁹⁵ Wood I. The Mission of Augustine of Canterbury to the English // *Speculum*. 1994. V.1. No. 69. P. 1–17.

⁹⁶ McKinney A. *Creating a Gens Anglorum: Social and Ethnic Identity in Anglo-Saxon England through the Lens of Bede's Historia Ecclesiastica*. York: York UP, 2011.

⁹⁷ Беда видоизменил название прародины англов, сблизив его с латинским словом «angulus» («угол»).

⁹⁸ Goffart W. *The Narrators of Barbarian History (A.D. 550–800): Jordanes, Gregory of Tours, Bede, and Paul the Deacon*. Princeton: Princeton UP, 1988. P. 235.

формировался язык, который в результате устоял под натиском более поздних скандинавских и нормандских завоеваний. В течение первого тысячелетия н.э. жители Британии, по всей видимости, говорили на одном языке, а читали и писали на другом. Так, в римский период большая часть британцев предположительно говорила на бретонском диалекте и вульгарной латыни, однако тексты создавались на классической латыни.⁹⁹ Таким образом, когда германоязычные племена прибыли в Англию они, вероятно, столкнулись с населением, знакомым с несколькими языками или диалектами, а также с представителями образованного класса, таких как Гильда Премудрый.¹⁰⁰ Лингвисты соглашаются с тем, что при распространении в Британии англосаксонского языка существовали разнообразные диалекты древнеанглийского, которые объединяли носителей различных германских диалектов. Доказательства этой точки зрения изложены исследователем П. Традгиллом.¹⁰¹ В качестве примера он указал на то, что древнеанглийский язык сохранял четыре варианта слова «первый» (*ærest, first, forma, foremesta*), два для слова со значение «будь» (*hwæðer, hweder*) и глагол «быть», представляющий собой объединение двух разных вербальных парадигм. Каждый из перечисленных вариантов уходит корнями в разные германские диалекты, что, в свою очередь, ещё раз доказывает, что англосаксонские племена не являлись лингвистически однородной группой.

Наряду с этим, письменная форма древнеанглийского языка, которая нам известна поныне, оставалась относительно однородной в течение нескольких сотен лет и качественно изменилась лишь после прихода норманнских завоевателей в 1066 г. Далее в языке произошли

⁹⁹ Schrijver P. What Britons Spoke Around 400 AD // *Briton in Anglo-Saxon England* / Ed. by N. Higham. Woodbridge: The Boydell Press, 2007. P. 165–172.

¹⁰⁰ Coates R. Invisible Britons: The View from Linguistics // *Briton in Anglo-Saxon England* / Ed. by N. Higham. Woodbridge: The Boydell Press, 2007. P. 177.

¹⁰¹ Trudgill P. *Investigations in Sociohistorical Linguistics: Stories of Colonisation and Contact*. NY: Cambridge UP, 2010. P. 6–7.

синтаксические и морфологические изменения, например, упростилась падежная система, появились новые средства для выражения длительных и завершенных действий и т.д. Эти изменения свидетельствуют о формировании нового среднеанглийского диалекта, который значительно отличался от того, который был в ходу у англосаксонских завоевателей.¹⁰²

Обобщив вышесказанное, можно сделать вывод, что британская идентичность и язык начали формироваться задолго до Нормандского завоевания, что позволяет признать за Ритсоном правоту в споре с Уортоном. Сам писатель рассматривал данную проблему следующим образом: отказавшись признавать значение англосаксонского искусства для становления британской культуры, Уортон ввел в заблуждение своих многочисленных читателей, что вело к представляющему опасность ложному пониманию истории. Сам по себе отказ от исследования древнесаксонской поэзии объясняется Ритсоном ещё и тем, что Уортон попросту не владел в должной мере древними языками, что, в сущности, соответствовало действительности.

1.4 Дж. Ритсон как противник института репутации литературного критика

С актуализацией вопроса о редактировании и издании старинных поэтических произведений были выявлены серьёзные пробелы в изучении среднеанглийского языка. Следует отметить, что британские антиквариаты долгое время путали среднеанглийский с различными диалектами, как им казалось, саксонского языка.¹⁰³ Например, английский ученый и священник Джордж Хикс (Hickes, George, 1642–1715) в своем «Тезаурусе северных

¹⁰² Hildegard T. Diglossia in Anglo-Saxon England, or What Was Spoken Old English Like? // *Studia Anglica Posnaniensia*. 2004. No. 40. P. 87–110.

¹⁰³ Matthews D. *The Making of Middle English, 1765–1910*. Minneapolis: Minnesota UP, 1999. P. Xxi.

языков» (*Linguarum Veterum Septentrionalium Thesaurus Grammatico-Criticus et Archaeologicus*, 1705) выделял «даносаксонский язык» (*Dano-Saxon*), который использовался на севере Англии после вторжения викингов, и «норманно-саксонский язык» (*Norman-Saxon*), на котором разговаривало английское население после Нормандского завоевания. Таким образом, по Хиксу, современный английский язык приходит на смену одному из вариантов саксонского языка.¹⁰⁴ Т. Уортон в «Истории английской поэзии» использовал аналогичную терминологию: по его версии, «датский саксонский» (*Danish Saxon*) пришел на смену «саксонскому» (*Saxon*) после вторжения викингов; затем, после Нормандского завоевания, распространился «норманнский саксонский» язык. Какой язык сменил «норманнский саксонский» Уортон не уточнил, однако из более поздних изданий «Истории» следует, что современный английский язык, по его мнению, сформировался в период правления Генриха II (1154–1189).

Изучение среднеанглийского языка играло важную роль для редактирования и издания средневековых текстов, потому что древние рукописи часто изобиловали неточностями, опечатками, пропущенными словами, а то и целыми строфами, которые требовали реконструкции. В восемнадцатом столетии научное сообщество еще не выработало единой позиции по поводу статуса среднеанглийского языка, поэтому текстологи, антиквари и издатели средневековых английских текстов нередко выступали в качестве лингвистов, излагая свой взгляд на историю английского языка и письменности в комментариях, примечаниях и предисловиях к собраниям фольклорных произведений. Подобный пробел в знаниях периодически заставлял Уортон ошибочно трактовать древние тексты, за что Ритсон неоднократно упрекал его в своей работе: «Возможно, было бы неплохо раз и навсегда предупредить читателя, что Вы интерпретируете везде наугад; и не потому, что Вы прекрасно понимаете

¹⁰⁴ *Ibid.* P. Xxviii.

[Древние рукописи], а потому, что Вы совершенно не знаете слова, которые пытаетесь объяснить».¹⁰⁵ Время от времени Уортон действительно допускал ошибки в интерпретации и переводах древних текстов. Например, анализируя старинную любовную песню, он перевёл древнеанглийское слово «leflîche» как «живой» (lively), вместо «прекрасный», что привело к неверному толкованию всей строки («живые локоны юной девушки»). Ритсон не преминул воспользоваться этой оплошностью, чтобы повеселить читателя: «Очаровательное создание! Должно быть, она была идеальной Медузой! Но, возможно, вы приняли и «lokkes» за «looks»; и тогда у нас получатся «живые и долгие взгляды» упомянутой красавицы!».¹⁰⁶ Пример неверного перевода обнаруживается и в «Рыцарском романе в стихах о Ричарде I» (Romance of Richard the First). В описании внешности врага Ричарда встречается словосочетание «fauson brode», которое Уортон переводит как «птица», в то время как правильным переводом было бы «широкий меч». Ритсон называет эту ошибку «беспрецедентным невежеством и немислимим примером самоуверенности, достойными порицания».¹⁰⁷ Слово «британский» в «Истории», по мысли литератора, также употребляется в искажённом смысле. Ритсон настаивает на том, что «британский» означает «английский», между этими прилагательными следует ставить знак равенства, и предполагать обратное, по его мнению, невозможно. В ином случае страна никогда не носила бы названия «Британия»: «Арморику французы называли “la petite Bretagne”, и мы – “маленькая Британия [little Britain]”, [это необходимо] просто для того, чтобы отличать эту местность от страны Великобритания, именуемой [на французском] “la Grande Bretagne”».¹⁰⁸ Эти и другие аналогичные промахи, обнаруженные в «Истории», сформировали негативное мнение Ритсона об авторе.

¹⁰⁵ Ritson J. Observations. P. 6.

¹⁰⁶ Ibid. P. 4.

¹⁰⁷ Ibid. P. 9.

¹⁰⁸ Ibid. P. 44.

В заключение своего эссе писатель позволил себе довольно грубое высказывание в адрес Уортона, которое можно проиллюстрировать следующей красноречивой цитатой: «Наряду с историей страны, исследование ее языка, литературы и поэзии является, как для местных жителей, так и для иностранцев, самым интересным и важным предметом, который только можно вообразить. Этот предмет требует и заслуживает величайших талантов и самого неустанного усердия. Но это задача, для которой Вы – из всех людей, которые когда-либо претендовали на то, чтобы писать историю – наименее подготовлены. Ваш язык, я признаю, легок и изящен; но Ваша леность в сборе и изучении материалов и, помимо всего прочего, Ваше незнание предмета должны были помешать Вам заняться работой такого большого общего значения... Вы назвали свою работу «ИСТОРИЯ английской поэзии». Это до крайней степени преувеличено, и это грубое оскорбление здравого смысла!».¹⁰⁹

23 октября 1782 г. Уортон написал английскому шекспироведу Дж. Стивенсу: «Я обнаружил, что на меня нападают в толстой брошюре, напечатанной крупным шрифтом, стоимостью всего лишь полкроны. Если Вы знаете или можете найти автора, я был бы очень признателен, если бы Вы предоставили мне информацию».¹¹⁰ Через неделю в ответном письме Стивенс охарактеризовал Ритсона как помощника юриста господина Мэстермана, который часто посещает Британский музей.¹¹¹ Как отмечает Бронсон, в течение полугода после публикации «Примечаний» развернулась «своего рода партизанская война в [газете] «Сент-Джеймс Кроникл» (St. James's Chronicle, 1761–1843) и других периодических изданиях».¹¹² Рецензии появлялись в научном издании «Бритиш Мэгезин энд Ревью» (British Magazine and Review, 1782–1783), в газете «Критикл

¹⁰⁹ Ibid. P.48.

¹¹⁰ Цит. по: The Correspondence of Thomas Warton / Ed. by D. Fairer. L.: Georgia UP, 1995. P. 460.

¹¹¹ Ibid. P. 461.

¹¹² Bronson B. Joseph Ritson, Scholar-at-Arms. P. 334–335.

Ревью» (Critical Review, 1756–1817), ежемесячном журнале «Юропиэн Мэгезин» (European Magazine, 1782–1826), ежемесячнике «Юропиэн Мэгезин энд Лондон Ревью» (European Magazine, and London Review, 1782–1826), а также в журнале «Джентльменз Мэгезин», где «Примечания» в целом оценивались критически, однако в отдельных аспектах за Ритсоном все-таки признавали правоту. Симпатии большинства рецензентов оказались на стороне Уортона, который к концу XVIII в. обладал репутацией блестящего учёного и литературного критика. К тому же, он был одним из самых известных лондонских интеллектуалов своего времени, обладал добродушным нравом и превосходными манерами.

В Англии начала XVIII в. политическое влияние переходило от королевского двора к зажиточному среднему классу, вследствие чего вырабатывались новые законы поведения в обществе. На страницах литературного журнала «Татлер» (The Tatler, 1703–1705) и общественно-политического и сатирического журнала «Спектейтор» (The Spectator, 1711–1712) создавалась, по точному наблюдению биографа Ритсона С. Басдео, «городская, космополитическая идеология моды».¹¹³ Ее первыми теоретиками стали Дж. Аддисон и Р. Стил, чьи работы Ритсон хорошо знал. «Новый кодекс» поведения, с одной стороны, опирался на аристократические обычаи и манеры XVII в., а с другой, значительно сократил классовое неравенство. С. Басдео в биографии Ритсона отметил, что «... любой, к какому бы классу он ни принадлежал, будет желанным гостем в зарождающемся новом приличном обществе, пока он старается быть любезным»,¹¹⁴ однако Ритсон игнорировал правила, предписывающие смягчать тон высказываний. Сохраняя верность научным фактам, он был весьма прямолинеен и указывал на любые недостатки трудов своих оппонентов, даже самые незначительные. Не в последнюю очередь этим

¹¹³ Basdeo S. Discovering Robin Hood: the Life of Joseph Ritson – Gentleman, Scholar and Revolutionary. P. 63.

¹¹⁴ Ibid.

можно объяснить тот факт, что большинство представителей английского научного сообщества предпочло занять сторону Уортона в данной полемике. В «Примечаниях» Ритсон вступил в открытую конфронтацию не только с Уортоном, но и с утвердившимся кодексом поведения литератора, институтом репутации в широком смысле. Отмечая ошибки своего оппонента, писатель стремился продемонстрировать собственный уровень владения материалом. Выявляя расхождения между оригинальной рукописью и текстом из издания Уортона, Ритсон тщательно изучал источники и неоднократно подчёркивал в трактате свой серьёзный подход к делу. Если ошибки Уортона обнажали недостаточное знакомство историка с материалом, то выявление этих ошибок демонстрировало превосходные знания Ритсона – на этих основаниях последний заслужил репутацию пусть и невоспитанного, но пытливого учёного, чей авторитет подтверждался глубиной знаний, а не заранее сформированным общественным мнением и положением.

1.5. Дж. Ритсон и Т. Перси: редактирование старинной поэзии и спор о древних английских менестрелях

Уже в дебютном трактате Ритсон мимоходом упомянул епископа Томаса Перси, который позднее стал для него еще одним литературным оппонентом. Оспаривая уортоновскую датировку старинной баллады, писатель отметил: «преподобный Перси (ныне лорд-епископ Дромора), чьи знания по данному вопросу, похоже, в определённой степени находятся на уровне Ваших собственных...»¹¹⁵ и предложил взамен свой вариант датирования текста. В другом месте, когда Ритсон сам затруднялся определить дату создания старинного памятника, он задал Уортону, как может показаться, противоречащий приведённому высказыванию вопрос:

¹¹⁵ Ritson J. Observations. P. 4.

«Дроморский епископ говорит, что это [произведение] есть в его фолио. Видели ли вы когда-нибудь его?».¹¹⁶ В то же время, когда Уортон хвалил средневековую песню, объявив ее «достойной превосходного собрания доктора Перси», Ритсон отреагировал следующим образом: «Я действительно верю, мистер Уортон, что Вы единственный человек в мире, который мог бы так подумать или сказать. Это самое жалкое представление, совершенно недостойное переиздания ... если только он [Перси] приложит к нему [тексту] те же усилия, которые он *приложил к большинству других произведений*, так добросовестно перепечатанных в этом знаменитом труде».¹¹⁷ Кажущаяся парадоксальность приведённых цитат из трактата объясняется тем, что Ритсон признавал исключительно эстетическую ценность баллад, собранных в «Памятниках старинной английской поэзии» (1765) Перси, но решительно оспаривал их историческую значимость. Главным образом литератора не устраивал применяемый Перси метод редактирования баллад, который, по его мнению, искажал старинный текст до неузнаваемости.

Предпосылкой к созданию «Памятников» Т. Перси послужило обнаружение так называемого «Фолио Перси» (Percy Folio Manuscript) – рукописи, которую антикварий якобы нашёл «лежащей в грязи на полу, под комодом в гостиной»¹¹⁸ в доме своего друга Х. Питта (Pitt, Humphrey). Рукопись содержала несколько сотен поэтических текстов, преимущественно балладного жанра. По-видимому, манускрипт был составлен около 1650 г. и включал тексты, записанные составителем по памяти и устным источникам. Первым делом Перси поделился находкой со своими близкими друзьями С. Джонсоном и У. Шенстоном (Shenstone, William, 1714–1763), которые посоветовали опубликовать найденные материалы. Незамедлительно разгорелась дискуссия о том, как лучше всего

¹¹⁶ Ibid. P. 11.

¹¹⁷ Ibid. P. 22.

¹¹⁸ Percy T. Bishop Percy's Folio Manuscript / ed. by J. W. Hales, F.J. Furnivall. L.: N. Trubner&Co, 1867. P. Lxxiv.

это сделать: Шенстон не советовал другу публиковать рукопись в «первозданном» виде, поскольку не видел в ней художественной ценности. Он опасался, что такое издание не вызовет интереса читателей, в то время как «правильное и исполненное изящества собрание подобных произведений»¹¹⁹ вполне могло бы прийтись по вкусу искушённой публике и привлечь внимание к национальному фольклору. Джонсон посоветовал Перси прокомментировать избранные отрывки из рукописи.¹²⁰ По зрелом размышлении антикварий решил последовать советам обоих друзей. В 1801 г. он послал шотландскому антикварию Р. Джеймисону (Jamieson, Robert, 1772–1844) копию фрагмента из «Фолио» с сопроводительным письмом, в котором говорилось: «В древнем фолио Вы увидите старинный текст в его неполноценном и далеком от правильности состоянии. И какое же жестокое требование к издателю «Памятников» – попытаться внести исправления, которые могут подвергнуться суду одного или нескольких суровых критиков, но без которых собрание не удостоится и малого внимания».¹²¹ Перси стремился редактировать древние поэтические тексты таким образом, чтобы они соответствовали вкусам современных ему читателей. Все включенные в «Памятники» произведения, по его замыслу, должны быть цельными и ясными как с композиционной, так и лингвистической точек зрения, что требовало значительного редакторского вмешательства в старинный текст. Ученые филологи Дж.У. Хейлз (Hales, John Wesley, 1836–1914) и Ф.Дж. Фернивал (Furnivall, Frederick James, 1825–1910), издавшие «Фолио Перси» в XIX в., иронично заметили во вступительной статье, что «Перси смотрел на свой текст как на юную селянку с растрепанными кудрями, которую требовалось сделать достойной светского общества».¹²²

¹¹⁹ Percy T. Percy and William Shenstone / ed. by H. Hecht. Strasbourg: Karl J. Trübner, 1909. P. 46.

¹²⁰ Ibid. P. 53.

¹²¹ Percy T. Reliques of Ancient English Poetry / ed. by Henry B. Wheatley. L.: Bickers, 1891. P. Lxxxviii.

¹²² Percy T. Bishop Percy's Folio Manuscript. P. xvi.

Исправления Перси, как правило, не вредили сюжету произведения. Их цель заключалась в усовершенствовании стихотворного ритма или рифмы, а также в частичной модернизации языка. О редактуре такого рода Перси даже не считал нужным упоминать в комментариях или примечаниях. Так, во вступительном комментарии к балладе «Мальчик и плащ» (The Boy and the Mantle) антикварий утверждал, что стихотворение «печатается *дословно* по старой рукописи, упомянутой в предисловии».¹²³ Тем не менее, 9 из 194 строк подверглись редакторским исправлениям. Например, в строке «I tell lords in this hall, / I hett you all to heate»¹²⁴ («Я говорю лордам в этом зале, я желаю вам всем тепла») Перси заменил слово «heede» («внимание» / «уделять внимание») на «heate» («тепло»); а строка «To the mantle shee her biled»¹²⁵ («К плащу, который она сделала») превратилась в «To the mantle she her hied»¹²⁶ («К плащу, который она носила»). Причем исправления не всегда оставались столь незначительными. Например, в собрании содержится фрагмент баллады «Смерть короля Артура», в который Перси добавил несколько строк из романа «Смерть Артура» (Le Morte d'Arthur, ок. 1470) Т. Мэлори (ок. 1393/1425 – ок./после 1470), смешав таким образом тексты двух произведений разной жанровой принадлежности.

Вместе с тем следует отметить, что Перси модернизировал орфографию не всех публикуемых произведений. В «Памятники» включены как английские, так и шотландские баллады, которые редактор не захотел лишать национального колорита: такие стихотворения, как, например, «Ричард из Алеманнии» (Richard of Almaine) или «На смерть короля Эдуарда I» (On the Death of K. Edward I)¹²⁷ точно воспроизводили рукописный источник. Антикварий стремился продемонстрировать все

¹²³ Percy T. Reliques of Ancient English Poetry. P. 133.

¹²⁴ Percy T. Bishop Percy's Folio Manuscript. P.11–18.

¹²⁵ Ibid. P. 33–34.

¹²⁶ Percy T. Reliques of Ancient English Poetry. P.7.

¹²⁷ Ibid. P. 1–10.

разнообразии национального фольклора, не превращая старинные тексты в их современную интерпретацию. То, что впоследствии было названо критиками «манипуляциями», судя по личным письмам антиквария и его комментариям к балладам, стало следствием его благого намерения возродить интерес к забытому фольклорному наследию.

В 1765 г. был опубликован третий том «Памятников старинной английской поэзии», содержащий эссе «О древних рыцарских романах в стихах» (On the Ancient Metrical Romances), в заключительной части которого Перси приводит аргументы в пользу публикации своего собрания: «Поскольку многие из этих рассказов в стихах и романов обладают неоспоримыми поэтическими достоинствами и проливают свет на нравы и мнения прежних времен, хотелось бы надеяться, что лучшие из них будут спасены от забвения. Разумно и аккуратно изданное собрание, с надлежащими иллюстрациями, стало бы важным дополнением к нашему своду старинной английской литературы. Такая публикация решает сразу много важных задач, но главное – проливает свет на развитие английской поэзии, историю которой можно понять лишь отчасти, если пренебречь ими [средневековыми поэтическими произведениями]».¹²⁸ Приведённый отрывок отражает подход большинства учёных конца XVIII в. к средневековым текстам, когда внимание к малоизвестным и «варварским» произведениям искусства оправдывалось не их эстетической ценностью, а пользой для исторического познания. Тем не менее, для Перси было важно отредактировать текст таким образом, чтобы доставить современному читателю эстетическое удовольствие, причем такой способ привлечения внимания публики к средневековому культурному наследию казался ему наиболее действенным.

Перси был первым, кто выделил такие типы баллад, как «литературные имитации» (англ. imitations), «броудсайды» (англ. broadside

¹²⁸ Ibid. P. 354–355.

ballads) и баллады, исполняемые только менестрелями. В этом отношении следует уделить особое внимание бродсайдам (прежде всего это типографский термин, означающий широкий нескладываемый лист, на котором текст и изображения напечатаны с одной стороны), которые Перси намеренно выделил в отдельную категорию баллад. Период подъема и особенной популярности бродсайдов пришелся на конец XVI в. и продолжался вплоть до 1690-х гг. В конце шестнадцатого столетия издатели баллад как бы стремились создать для читателя особую атмосферу, которая достигалась за счет погружения в фолиант увеличенного размера – как в длину, так и ширину.¹²⁹ Благодаря этому возникла новая эстетика: для размещения несколько иллюстраций (часто более четырех в верхней части листа) использовалась альбомная ориентация, вследствие чего сами тексты становились длиннее (визуально) и часто делились на две части. Подобному соединению привычных медиаформатов в целях усиления визуального воздействия исследователи Дж.Д. Болтер и Р. Грасин дали название «гипермедия» (hypermedia),¹³⁰ которая оказывала парадоксальный эффект, одновременно усиливающий и разрушающий (за счет своего нестандартного формата) «непосредственный» читательский опыт. Иными словами, феномен гипермедиа, формирующий новую эстетику распространения баллад, отчасти способствовал невольному проникновению читателя в особое эстетическое пространство. Как отмечает П. Фьюмертон, традиция издания и популяризации баллад не стояла на месте.¹³¹ Довольно скоро бродсайды стали распространяться не только посредством типографий или издательств, но и на улицах Лондона, а затем через торговцев попадали в сельскую местность. По оценке исследовательницы Т. Уотт, на излете XVI

¹²⁹ Fumerton P. *The Broadside Ballad in Early Modern England: Moving Media, Tactical Publics*. Pennsylvania: Pennsylvania UP, 2020. P. 20.

¹³⁰ Bolter J.D., Grusin R. *Remediation: Understanding New Media*. Boston: MIT Press, 1999. P. 31.

¹³¹ Fumerton P. *The Broadside Ballad in Early Modern England*. P. 36.

в. баллады массово распространялись и «были на виду и на слуху»,¹³² а благодаря своему разнообразию и повсеместности бродсайды стали «живой частью повседневных переживаний и передвижений».¹³³ Их очевидная доступность способствовала проникновению балладной традиции во все аспекты повседневной жизни англичан. Именно в этом и скрывалась основная опасность их произвольного изменения: народные баллады подвергались искажениям больше, чем другие литературные произведения. Они быстро издавались, распространялись и так же быстро забывались, потому что собрания печатались на самой дешевой бумаге, которая быстро приходила в негодность (причем не только при переноске и распространении, но и в процессе неоднократного складывания и развертывания листа). П. Фьюмертон также отмечает, что и сами типографии «перерабатывали» бродсайды, выпуская на оборотной стороне выцветших и испачканных листов новые баллады, тем самым нередко «смешивая» их между собой.¹³⁴

Согласно резонному утверждению Т. Уотт, «любое исследование влияния книгопечатания [на распространение баллад] в Англии должно учитывать тот факт, что одной из первых широко распространенных и доступных форм печатного слова была песня».¹³⁵ Таким образом, баллады стали тем востребованным жанром словесности, которые быстрее других распространялись благодаря печатным изданиям.¹³⁶ Между 1550 и 1600 гг. было напечатано около трех тысяч различных баллад, а количество этих произведений, циркулировавших в тот период, могло достигать «от 3 до 4 миллионов».¹³⁷ В 1612 г. издание баллад стало исключительным правом

¹³² Watt T. Cheap Print and Popular Piety, 1550–1640. Cambridge: Cambridge UP, 1991. P. 11.

¹³³ Fumerton P. The Broadside Ballad in Early Modern England. P. 37.

¹³⁴ Ibid.

¹³⁵ Watt T. Cheap Print and Popular Piety, 1550–1640. P. 11.

¹³⁶ McDowell P. "The Manufacture and Lingua-facture of Ballad-Making": Broadside Ballads in Long Eighteenth-Century Ballad Discourse // Ballads and Songs in the Eighteenth Century. 2006. V. 47. No. 2–3. P. 51.

¹³⁷ Ibid.

пяти типографий, а позднее, в 1624 г., был образован синдикат, получивший название «Балладные партнеры» (Ballad Partners). Поскольку с экономической точки зрения выгоднее было переиздавать баллады, которые уже охранялись авторским правом, нежели искать новые материалы, сами издатели стали своего рода «хранителями традиции».¹³⁸ Ситуация начала меняться на рубеже XVIII–XIX вв., когда антиквари и ученые начали собирать баллады не только на основе рукописных или печатных, но и устных источников, а затем популяризировать их. В восемнадцатом столетии, благодаря социополитическим преобразованиям, рынок печатной продукции значительно расширился и издания баллад начали активнее распространяться по всей Великобритании. В это время менялся и сам подход к изданиям народных произведений: в предисловиях и примечаниях к собраниям, как и в периодических изданиях интеллектуалы начали подходить к произведениям народной поэзии с научной точки зрения, излагая свои взгляды на балладу как синтез устной и письменной традиций.

Предложенное Перси разделение баллад на «литературные имитации», «броудсайды» и баллады менестрелей отличается от последующей классификации Ритсона, изложенной в собрании «Древние песни и баллады, со времен короля Генриха II до Революции, в двух томах» (Ancient Songs and Ballads from the Reign of King Henry the Second to the Revolution in Two Volumes, 1790). Работу Ритсона открывают «Замечания к “Древним английским менестрелям”» (Observations on the Ancient English Minstrels), в которых писатель вступает в открытую конфронтацию с идеями, предложенными Перси в «Эссе». Перси утверждал, что ранее профессия странствующего поэта пользовалась величайшим почтением на земле современной Дании, и это даёт исследователям полное основание утверждать, что менестрели были столь же уважаемы и в Британии. Юты и

¹³⁸ Watt T. Cheap Print and Popular Piety, 1550–1640. P. 74.

англы, составлявшие две трети завоевателей Британии, были частью датского народа, и в силу близкого родства между обеими нациями обнаруживаются сходные черты в обычаях, манерах и даже языке. Ситуация должна была измениться после Нормандского завоевания Англии в XI в.: Перси соглашался с тем, что норманны отличались музыкальными способностями, однако он отказался признавать их родоначальниками культуры менестрелей в широком смысле. Нормандское завоевание, по его мнению, только способствовало ещё большему распространению данного вида искусства на территории Англии. В первые века после завоевания среди высшей знати были востребованы песни, сочиненные на «норманно-французском» языке, что и пробудило в английских менестрелях состязательный дух. Для Перси это было прямым подтверждением того, что англоязычные менестрели после XI века обрели ещё большее общественное влияние и популярность.

Ритсон оспорил данную точку зрения. Свои «Замечания» он начал с утверждения, что французский язык на протяжении первых столетий после завоевания был наиболее распространённым на всей территории Англии, и этот факт ставит под сомнение само существование культуры менестрелей на ранних этапах английской истории. Первые упоминания английских менестрелей, сообщает писатель, появляются в эпоху правления Ричарда I (с 1189 по 1199 гг.), который, тем не менее, оставался более благосклонным к французским певцам. Стоит упомянуть в этом отношении его любимого трувера Блонделя де Неля, родом из Пикардии. Далее вопрос о менестрелях актуализируется лишь в XV в.: на четырнадцатом году правления короля Генриха VII Лоуренс Даттон, 17-й лорд Даттон (Dutton, Lawrence, 1474–1527), объявил, что все менестрели, живущие в пределах графства и города Честер, должны ежегодно являться перед ним или его помощником в Честере на празднике Св. Иоанна Крестителя и подносить ему на празднике четыре кувшина вина и одно копье. Также Ритсон припоминает факты, свидетельствующие, что во время правления Эдуарда I прямо упоминается

некое «множество менестрелей», присутствовавших при торжественном акте посвящения сына короля Эдуарда в рыцари. Однако и данный факт еще не доказывает, что упомянутые менестрели были англичанами. Не следует полагать, что Ритсон вовсе отрицал существование английских менестрелей. Он говорил о том, что исследование французских менестрелей, трубадуров, труверов или скандинавских скальдов и поэтов было более продуктивным, поскольку о них сохранилось множество упоминаний в древних рукописях и источниках. От английских же менестрелей осталось, по наблюдению Ритсона, «несколько грубых баллад, которые ничего не доказывают, кроме факта их создания».¹³⁹ Не сохранилось ни одной песни или поэмы, в которой бы английский менестрель громко заявлял о своих талантах, в то время как тщеславие французского менестреля всегда побуждало к хвастовству своими подвигами, способностями и красноречием. Таким образом, претензии Ритсона сводились к тому, что Перси не следовало недооценивать французское влияние на культуру английских менестрелей, как и не следовало вольно домысливать исторические факты, тем самым фальсифицируя исторические обстоятельства.

В концепции Перси древние менестрели и современные ему любители баллад не являются представителями одной непрерывной культурной традиции. Последних Перси склонен считать «новой расой авторов баллад»,¹⁴⁰ чьи многочисленные бродсайды и «маленькие собрания» способствовали «вымиранию» более ранней и, очевидно, более совершенной культурной практики, основанной на вокальном исполнении. Он не считал, что искусство менестрелей полностью исключает практику записывания поэтических текстов, однако в большей степени он ценил

¹³⁹ Ritson J. *Ancient Songs and Ballads, from the Reign of King Henry the Second to the Revolution*. L.: Payne and Foss, 1829. P. xii.

¹⁴⁰ Percy T. *Essay on the Ancient Minstrels of England // Reliques of Ancient English Poetry: Consisting of Old Heroic Ballads, Songs, and Other Pieces of Our Earlier Poets, Together With Some Few of Later Date / Ed. by Wheatley H.B.* L.: Bickers and Son, 1765. P. 348.

старинную традицию песен менестрелей и указывал на ее отличие от балладной традиции как таковой. Ритсон в «Замечаниях к “Древним английским менестрелям”» согласился с Перси в том, что распространение книгопечатания (и, как следствие, распространение броудсайдов) в XVI в. значительно повлияло на упадок более ранней, преимущественно устной традиции исполнения баллад: «Искусство печати стало фатальным для поющих менестрелей; люди начали читать, и, к несчастью для менестрелей, их сочинения не выдерживали этого»,¹⁴¹ однако писатель не мог согласиться с тем, что менестрели были не только артистами, но даже историками (а именно так полагал Перси), задачей которых было фиксировать в поэтической форме доблестные подвиги современников и достижения своего времени. По мысли Перси, менестрелей поддерживала культура покровительства в обществе, где ценили искусство: «их мастерство считалось чем-то божественным ... их личности считались священными ... их присутствия требовали короли ... и они повсюду были обременены почестями и наградами».¹⁴² Еще в период правления Генриха VIII аристократическое покровительство было весьма сильным: «При королевских дворах и благородных домах мы обнаруживаем [свидетельства] достаточное обеспечение менестрелей ... и их положение было одновременно почетным и прибыльным»,¹⁴³ но к концу XVI в. «эта профессия пришла в такой упадок, что даже по закону считалась неприемлемой»,¹⁴⁴ что и положило конец культуре менестрелей.

Возвращаясь к броудсайдам и тому, как их оценивали обсуждаемые литераторы, следует отметить, что, по мнению Ритсона, Перси ошибочно причислял некоторые баллады из своего собрания «Памятников старинной английской поэзии» к поэзии менестрелей: «Весьма вероятно, что эти

¹⁴¹ Ritson J. *Ancient Songs and Ballads, from the Reign of King Henry the Second to the Revolution*. P. xvii.

¹⁴² Percy T. *Essay on the Ancient Minstrels of England*. P. 346.

¹⁴³ *Ibid.* P. 373.

¹⁴⁴ *Ibid.* P. 363.

баллады изначально были написаны для публичных профессиональных певцов, а, возможно, и сразу же для типографов, книготорговцев или тех, кто торговал подобными вещами».¹⁴⁵ Поэтому сам антикварий отдавал предпочтение броудсайдам, а не балладам менестрелей, предполагая, что даже в шестнадцатом столетии песни менестрелей не имели возможности противостоять тому, что публикуется в прессе: «Эти песни, из-за своего нелепого и вольного ритма, были неприспособленны к какой-либо определенной мелодии или атмосфере; их монотонно исполняли под арфу или другой инструмент, а их исполнителей выгоняли в присутствии певцов баллад без аккомпанемента, которые исполняли печатные произведения под прекрасные и простые мелодии, возможно, собственного сочинения, большинство из которых известны и вызывают восхищение по сей день».¹⁴⁶

Свой подход к старинной поэзии и рукописям Ритсон обосновал в предисловии к «Собранию избранных английских песен» (*A Select Collection of English Songs*, 1783) и продемонстрировал его состоятельность на богатом фольклорном материале. Издание включает предисловие, объясняющее содержание и форму собрания, «Исторический очерк о происхождении и развитии национальной песни» (*A Historical Essay on the Origin and Progress of National Song*) и два тома самих песен, разделенных на несколько категорий: песни о любви (которые писатель разделил на пять подклассов), застольные песни (*Drinking Songs*), разные песни (*Miscellaneous Songs*) и древние баллады. В третьем томе содержатся нотные записи песен из первых двух томов, а также указатель имен авторов (в случае, если Ритсону удавалось их установить) и раздел «исправления и дополнительные примечания». Следует отметить, что данное собрание стало первой «неполемической» работой писателя, в которой он выступил в роли собирателя народных песен и поэзии, хотя, обосновывая свой

¹⁴⁵ Ritson J. *Ancient Songs and Ballads, from the Reign of King Henry the Second to the Revolution*. P. xiv.

¹⁴⁶ *Ibid.* P. xxiii.

редакторский подход в предисловии, Ритсон все же был вынужден противопоставить свою концепцию методу, предложенному ранее Перси. Писатель открывает предисловие следующими словами: «Такого рода публикаций уже так много, поэтому, если бы не было необходимости в предисловии, что-то подобное, несомненно, потребовалось бы в качестве извинения за добавление еще одного [издания] к числу существующих, особенно под таким простым и непривлекательным названием...».¹⁴⁷ И действительно, к 1783 г. уже были опубликованы такие труды, как «Памятники» Перси, «Стихи за чаепитием» (Tea-table Miscellany, 1750) шотландского поэта и фольклориста А. Ремзи, «Древние и новые шотландские песни, героические баллады и прочее» (Ancient and Modern Scottish Songs, Heroic Ballads, Etc., 1769) шотландского антиквара Д. Херда или «Образцы поэзии древних валлийских бардов, переведенные на английский язык» (Some Specimens of the Poetry of the Antient Welsh Bards, Translated into English; with Explanatory Notes on the Historical Passages, and a Short Account of Men and Places Mentioned by the Bards; in order to give the Curious some Idea of the Tastes and Sentiments of Our Ancestors, and their Manner of Writing, 1764) валлийского поэта и литературного критика Э. Иванса, однако своим главным конкурентом и оппонентом Ритсон видел именно Перси. Ритсон подчеркнул, что четвертый раздел его собрания «Песен», который объединяет записанные им древние баллады, не имеет аналогов и подобные материалы невозможно найти ни в одном другом труде.¹⁴⁸ Этот раздел для составителя был особенно важен, поскольку баллады представляли уникальную английскую основу для песенной традиции, то самое «подлинное излияние английской музыки, без примеси сентиментальных изысков Италии или Франции».¹⁴⁹ Уже на следующей

¹⁴⁷ Зд. и далее цит. по: Ritson J. A Select Collection of English Songs, with Their Original Airs: and a Historical Essay on the Origin and Progress of National Song. L.: F.C. and J. Rivington, 1813. P.i.

¹⁴⁸ Ibid. P. Xi.

¹⁴⁹ Ibid. P. Ix.

странице Ритсон переходит к сравнению своего труда с «Памятниками» Перси: «Но, по правде говоря, между этими двумя публикациями нет ни малейшего соперничества или даже связи. И, действительно, если бы обратное имело место, то неточная и изощренная манера, в которой все с претензией на старину было бы напечатано преподобным [Ритсон отсылает к духовному сану Т. Перси. – *Е.К.*] редактором общеизвестного и прославленного труда [речь идёт о «Памятниках» Т. Перси. – *Е.К.*], была бы достаточным извинением для того, кто взялся бы за публикацию».¹⁵⁰ В этом же фрагменте заключается и ключевой редакторский принцип Ритсона, который прямо противоположен концепции Перси. Ритсон вносил минимальные изменения в оригинальный текст, полагая, что любая модернизация неизбежно вредит художественной ценности. Все, что редактор может сделать со старинным произведением – это снабдить его исчерпывающими пояснениями. Если Перси в балладах менял формы слов на более привычные современному читателю, то Ритсон предпочитал делать подобное в комментариях: «Никакие вольности, кроме *необходимой* модернизации орфографии, не были допущены при обращении с языком этих старинных сочинений, за исключением нескольких случаев, когда явная ошибка сразу требовала и оправдывала исправление».¹⁵¹

Несмотря на то, что Ритсон отрицал своё намерение соперничать с Перси, он с неизбежностью это делал. Особенно остро его критика выражена в примечании, где писатель откровенно обвиняет Перси в подделке народных баллад: «Истинность этого обвинения, которое, как я полагаю, не сильно удивит любого, кто знаком с авторитетными издателями, и, может быть, позже будет подробнее продемонстрирована и доказана в полной мере. Здесь будет достаточным отметить, что при составлении материалов для настоящих томов мне часто приходилось знакомиться со многими оригиналами, на основе которых якобы

¹⁵⁰ Ibid. P. x.

¹⁵¹ Ibid.

печатаются «Памятники»; и ни один из них, при ближайшем рассмотрении, не был напечатан [Перси] с точностью или правильностью. Было бы смешно отрицать, что вышеприведенное произведение красиво, изящно и остроумно; но тот, кто заглядывает в него, чтобы ознакомиться с состоянием древней поэзии, будет горько разочарован или введен в небывалое заблуждение. Подделка и обман любого рода всегда должны осуждаться». ¹⁵² В собрании Ритсон обозначил главное преимущество своего труда по сравнению с другими собраниями баллад – тщательный отбор материала. Именно жесткий принцип отбора песен и баллад и дальнейшее изъятие всего «лишнего», по мысли писателя, делает работу структурированной, ясной, а также доказывает читателю, что никакая другая культура, кроме английской, не обладает бóльшим разнообразием прекрасных и тонких лирических произведений. В этом контексте труд Перси не был положительно оценен литератором, поскольку тому, по мнению Ритсона, не удалось продемонстрировать истинные возможности английской поэзии. Дж.Т. Макнат осторожно предполагает, что «Собрание избранных английских песен» не имело столь большого влияния и значения, как некоторые другие работы писателя, ¹⁵³ с чем невозможно согласиться в полной мере. В конце XVIII столетия в лице Ритсона и Перси сформировались два основных подхода к редактированию древних поэтических текстов. В предисловии к обсуждаемому собранию Ритсон подробно изложил свою концепцию, имеющую немало общего с лучшими достижениями текстологии XVII–XVIII вв. (например, следуя по стопам английского текстолога Р. Бентли, Ритсон тщательно готовил научный аппарат для своих собраний, снабжал обширными примечаниями каждое сомнительное место или толковал слова, требующие дополнительных разъяснений). Отметим, что Ритсон относил балладу к постоянно изменяющейся устной практике, однако не к исключительно «устной

¹⁵² Ibid.

¹⁵³ McNutt G.T. Joseph Ritson and the Publication of Early English Literature. P. 115.

традиции», поэтому, будучи новатором в собирании баллад и изучении их с научной точки зрения, он включил в свое собрание даже «арии» (англ. airs; главная партия в хоральной музыке, ария). Тем не менее, важно учитывать, что ни Ритсон, ни Перси не следовали концепции «народного авторства», которая принята в наши дни. Так, Ритсон полагал, что народ мог быть только помощником в сохранении баллад и не воспринимал его [народ] в роли творца народной поэзии. В свою очередь Перси и вовсе рассматривал деятельность древних менестрелей в неразрывной связи с королевским двором и аристократическим покровительством. Наконец, ни один из них не рассматривал устную традицию как особое словесное искусство, передающееся из поколения в поколение исключительно из уст в уста.

В «Собрании избранных английских песен» за предисловием следует «Исторический очерк о происхождении и развитии национальной песни», который Ритсон разделил на семь разделов: в первом он размышлял о том, что песни были распространены в первобытных обществах, а затем получили широкую популярность в Греции; во втором разделе писатель прослеживает развитие данного жанра у римлян; третий раздел посвящён песням на романских языках, в частности, на итальянском; четвёртый раздел анализирует историю жанра на французской почве; в пятом разделе обсуждается развитие песни в Испании; в шестом Ритсон говорит о кельтских песнях; седьмой раздел писатель посвящает описанию песен готских племен. Постепенно Ритсон переходит от абстрактного обсуждения песен, упоминая главных поэтов каждой национальной традиции, к оценке их вклада в развитие жанра. Основной тезис Ритсона заключается в том, что национальность, национальный характер и национальная песня уходят корнями в историю языка. Переходя от романских языков к кельтским, он объяснил: «В исследовании гения и языка итальянцев, французов и испанцев, естественным образом приходится ставить их рядом с римлянами из-за более тесных и своеобразных связей с этой нацией, не обращая

особого внимания на происхождение самих людей. У кельтов, самого древнего и многочисленного европейского народа, о происхождении и ранней истории которого мы совершенно ничего не знаем и от которого, как утверждают, произошли валлийцы, ирландцы и шотландцы-горцы, были свои песни; в этом факте мы едва ли могли бы сомневаться».¹⁵⁴

От размышлений об «общем кельтском прошлом» Ритсон переходит к саксонскому языку и поэзии. Он утверждает, что после Нормандского завоевания саксонский язык сохранялся в течение некоторого времени, постепенно смешиваясь с нормандским, и это продолжалось вплоть до правления Генриха III (1216–1272): «...письменный диалект, который мы встречаем к концу его правления, по сути, является другим языком: этим неопределённым периодом мы датируем рождение и становление английского языка».¹⁵⁵ Писателю удалось собрать все, что прямо или косвенно касалось саксонской поэзии, и на основании накопленного материала он пришел к примечательному умозаключению: распространение христианства самым губительным образом сказалось на сохранении англосаксонского искусства.¹⁵⁶ Саксонские племена Ритсон охарактеризовал как «смесь немцев и датчан» и назвал их «нашими языческими предками», сетуя на отсутствие достаточного количества материалов для исследования их традиций до обращения в христианство. Следует оговорить, что атеистические взгляды Ритсона в той или иной степени отражены во всех его трудах, что представляется совершенно естественным в свете его политических убеждений, которые окончательно сформировались к началу Французской революции. В юности Ритсон был романтически настроенным якобитом – сторонником восстановления династии Стюартов на английском престоле, но постепенно его взгляды менялись, что видно по тому, как именно на протяжении 1780-х гг. он время

¹⁵⁴ Ritson J. A Select Collection of English Songs. P. xxxiv–xxxv.

¹⁵⁵ Ibid. P. Xlvi.

¹⁵⁶ Ibid. P. Xlv.

от времени в письмах комментировал политическую ситуацию в стране. Повлиявшие на эти изменения события будут более подробно рассмотрены в третьей главе диссертации в контексте обсуждения работы Ритсона над собранием «Робин Гуд: собрание всех древних стихов, песен и баллад, сохранившихся до наших дней» (1795).

1.6. Спор Дж. Ритсона и Дж. Пинкертона о происхождении шотландского народа

В «Песнях» Ритсон наметил тему, которую позднее развил в предисловии к собранию «Шотландских песен» (*Scottish Songs*, 1794), где вступил в полемику с другим своим выдающимся современником – писателем, шотландским антикваром и картографом Джоном Пинкертоном. В 1789 г. Пинкертоном опубликовано двухтомное «Исследование истории Шотландии до правления Мальколма III» (*Enquiry into the History of Scotland preceding the Reign of Malcolm III*, 1789), где изложил своё представление о происхождении шотландского языка. Он установил, что названия рек и гор на всей территории современной ему Шотландии этимологически связаны с древним валлийским диалектом, и это послужило отправной точкой его исследования. Чтобы разобраться в этимологии шотландских топонимов, антикварий обратился к ранней истории британских островов. В ходе своего исследования Пинкертоном выяснил, что слово «кельты» является неким собирательным термином.¹⁵⁷ Эти племена первоначально состояли из двух больших групп, а именно: гэлов или галлов (древние жители Галлии), и кимвров, населявших германские земли. Заселение северных и южных территорий Британии длилось на протяжении многих веков, и антикварий предположил, что,

¹⁵⁷ Pinkerton J. *An Enquiry Into the History of Scotland: Preceding the Reign of Malcom III*. Edinburgh: J. Ballantyne and Company, 1814.

поскольку кимвры населяли наиболее близкое к Северной Британии побережье Германии, то на эти северные территории им было переселиться легче всего. Исходя из этого, Пинкертон заключил, что кимвры первыми обосновались на территории современной ему Шотландии. В рамках данной концепции предполагается, что, по меньшей мере, за 300 лет до Р.Х. кельтские племена были вытеснены готами к западу от территории Галлии, где и «смешались» с кимврами. Таким образом, антиквар пришел к выводу, что язык и нравы, формировавшиеся в Шотландии, были наполовину германскими еще до христианской эры, а готское влияние с течением времени только усиливалось.

Ритсон в вошедшем в собрание шотландских песен «Историческом эссе о шотландских песнях» отстаивал иную теорию происхождения шотландского народа, которая значительно отличается от изложенной Пинкертоном концепции. В представлении писателя, первыми древними жителями севера Британии, о которых остались какие-либо сведения, были каледонцы, люди той же расы, что и бритты. Их язык, несколько видоизмененный обилием иностранных слов, все еще оставался распространенным в Уэльсе, Ирландии, горных районах Шотландии и т.д. Однако большая часть страны во время вторжения римлян под предводительством Агриколы была населена народом, именуемого пиктами, пришедшим, по некоторым сведениям, из Скандинавии и изгнавшим более древних жителей (вероятно, со всего севера и восточных берегов острова). Примерно в середине III века в Каледонию (или, как ее ещё называли, Пиктавия) переселились племена скоттов, оттеснив местные племена. Однако, будучи изгнанными, северные бритты (они же, по Ритсону, пикты) приблизительно в 505 г. вернулись с большой армией и основали своё королевство, которое просуществовало до тех пор, пока король Кеннет III не объединил земли пиктов с гэльской Дал Риадой, в результате образовав королевство Альба. После этого события племена и язык пиктов полностью исчезли, а Альба примерно через полтора века

после завоевания получила название Шотландия. Однако Ритсон подтвердил, что речь и культура жителей оставались кельтскими, или «почти такими же, как у горцев, как их называют в наши дни».¹⁵⁸ Писатель не опровергал факт пребывания готских племен на территории Британии на ранних этапах средневековой истории, однако, на его взгляд, их влияние на язык и культуру местных жителей было не столь велико, как представил Пинкертон. Невозможно не согласиться с Дж.Т. Макнат, которая заметила, что «Ритсона волнует язык, Пинкертона – раса».¹⁵⁹ Внимание писателя действительно было сконцентрировано в большей степени на лингвистических изменениях и развитии языка в исторической перспективе. Например, он писал о том, что племена пиктов и их язык ушли с исторической сцены, однако народ продолжал существовать в своих потомках, поэтому язык пиктов не исчез в одночасье, а постепенно уступал гэльскому языку,¹⁶⁰ и таким же образом спустя несколько веков английский язык распространился на территории равнинной Шотландии. Кельтская поэзия, которая создавалась на территории Шотландии до XI в., как пишет Ритсон, «без сомнения, могла быть любопытной и интересной; но, к сожалению, в настоящее время мы не встречаем их [песен и поэзии] остатков».¹⁶¹ Хотя, следуя концепции писателя, с этой поэзией можно соприкоснуться через «песни уроженцев Шотландии, говорящих и пишущих на английском языке».¹⁶²

Не следует недооценивать вклад Пинкертона в исследование истории и народной поэзии на рубеже XVIII–XIX вв. «Трактат об устной поэтической традиции» (*Dissertation On the Oral Tradition of Poetry*), предваряющий собрание «Шотландских трагических баллад» (*Scottish Tragic Ballads, 1781*) Пинкертона, демонстрирует продуктивное

¹⁵⁸ Зд. и далее цит. по: Ritson J. *Scottish Songs*. L.: J. Johnson 1794. P. xvi.

¹⁵⁹ McNutt G.T. *Joseph Ritson and the Publication of Early English Literature*. P. 190.

¹⁶⁰ Ritson J. *Scottish songs*. P. xvi.

¹⁶¹ *Ibid.* P. xxii.

¹⁶² *Ibid.* P. xxiii.

взаимодействие оссиановской полемики, новых теорий гомеровского устного эпического сказительства и исследований баллад. Этот труд шотландского антиквара во многом вдохновлен «Критическим рассуждением о поэмах Оссиана» (*A Critical Dissertation on the Poems of Ossian, the Son of Fingal*, 1763) шотландского писателя, литературного критика и проповедника Х. Блэра (Blair, Hugh, 1718–1800). Озаглавив свою работу «Трактатом об устной поэтической традиции», Пинкертон сразу выделил «устную традицию» как центральную проблему исследований балладной традиции. Он сетовал на то, что «преемники Оссиана, первого из поэтов, в конечном итоге занимались главным образом скромными делами по сохранению сказочных родословных и льстили гордыне своих предводителей в ущерб истине ... Этот род людей, я полагаю, теперь полностью пресекается».¹⁶³ Если Т. Перси изучал историю древних английских менестрелей через призму развития книгопечатания и особенности распространения баллад (броудсайдов), то Пинкертон подчеркнул разрушительное влияние издательской деятельности на искусство менестрелей. Как отмечает исследовательница П. Макдауэлл, «Трактат» Пинкертона внес неоспоримый вклад в современное восприятие и осознание уникальности устного народного творчества.¹⁶⁴ Пинкертон рассмотрел мнемонические приемы менестрелей или, иначе говоря, принципы их «искусства удержания» (*retentive arts*) – совокупность способов, которыми пользовались поэты в процессе создания своих произведений. Главным образом, это были звуковые эффекты, такие как аллитерация, припевы и рифмы, которые должны были «заставить стихи настолько закрепиться в памяти соотечественников, чтобы они

¹⁶³ Pinkerton J. *Dissertation On the Oral Tradition of Poetry // Scottish Tragic Ballads*. L.: J. Nichols, 1781. P. xvi–xvii.

¹⁶⁴ McDowell P. “The Art of Printing was Fatal”: Print Commerce and the Idea of Oral Tradition in Long Eighteenth-Century Ballad Discourse // *Ballads and Broad-sides in Britain, 1500-1800* / Ed. by Fumerton P., Guerrini A. L.: Routledge, 2010. P. 49.

передавались в целостности и сохранности без письменных записей».¹⁶⁵ Кроме того, Пинкертон предположил, что повторяющиеся эпитеты, которые прежде считались ошибками переписчиков или издателей, на самом деле служили «ориентирами» для декламирующего поэта: «в глазах которого память уверенно путешествовала по промежуточным пространствам».¹⁶⁶ Наконец, в финале своего «Трактата» Пинкертон предвосхитил идеи, которые впоследствии активно изучались в XIX в.: «Когда мы примем во внимание все изложенные здесь обстоятельства, то будем менее склонны удивляться тому, что благодаря сочетанию музыкального сопровождения, сохраняющемуся искусству композиции и, главным образом, рифме, самые достойные произведения прежних времён сохранились в памяти целого ряда поклонников и имели счастье дойти до наших дней».¹⁶⁷

Подытоживая все вышесказанное, позволительно заключить, что острая критика Ритсона, направленная против Т. Уортона, Т. Перси и Дж. Пинкертона, обуславливается несколькими факторами. Во-первых, эти учёные, по мнению литератора, грубым образом искажали историческую правду и формировали ложное представление об истории Великобритании. Сам Ритсон не делил историю на четкие периоды и представлял ее как непрерывный процесс, в котором все социополитические, культурные и, в частности, литературные изменения тесно связаны. Именно поэтому отказ Уортона от англосаксонского поэтического наследия в глазах Ритсона подрывал самые основания британской идентичности. Представления Перси об английских менестрелях, несмотря на попытки антиквария возвысить их статус, так же противоречили исторической концепции

¹⁶⁵ Pinkerton J. Dissertation on the Oral Tradition of Poetry. P. xvii.

¹⁶⁶ Ibid. P. xx.

¹⁶⁷ Ibid. P. xxvii

Ритсона. Он не стремился, в духе Дж. Макферсона, утвердить главенство своей нации на британских островах – куда важнее для него было продемонстрировать поэтические способности своего народа, объединившего разные национальные группы, и подлинное разнообразие литературных традиций. Наконец, исследование Дж. Пинкертон, посвященное истории британских народов, по мысли Ритсона, обесценивала поэтический гений шотландской нации. Однако обнаруживается еще одно объяснение этого стремления Ритсона полемизировать в столь экстравагантной манере с известными интеллектуалами своего времени, кроющееся в политических взглядах писателя, что будет более подробно рассмотрено в следующих главах диссертации.

ГЛАВА 2. Джозеф Ритсон как текстолог и критик изданий У. Шекспира

Первые годы пребывания Дж. Ритсона в Лондоне принесли ему определенную известность. Однако писателя не удовлетворяло то, что его имя было неразрывно связано с именем Т. Уортона, он решительно отказывался оставаться в тени своего литературного оппонента. Не менее острыми, чем проблемы издания народной поэзии, в XVIII в. были споры вокруг издания произведений величайшего английского поэта и драматурга У. Шекспира. Как иронично подметил Дж. Линч: «Когда семнадцатый век сменился восемнадцатым, для британских критиков стало невозможным предъявлять какие-либо претензии Шекспиру: он [Шекспир] был выше упреков простых смертных. Таким образом, вместо того, чтобы высмеивать Шекспира, критики восемнадцатого века начали высмеивать друг друга за плохую службу ему. Практически каждый критик мнил себя защитником Шекспира, оберегая его [произведения] от множества некомпетентных и злонамеренных посягателей на них».¹⁶⁸ Это замечание небезосновательно, ведь действительно в Англии XVIII в. заметно повысился спрос на издания произведений Шекспира, а соответственно, актуализировался и вопрос, как следует готовить к печати пьесы великого драматурга. Не в последнюю очередь чтобы утвердиться в положении издателя и редактора и заявить о себе, Ритсон также обратился к шекспировским текстам.

Уже в «Примечаниях к первым трем томам «Истории английской поэзии» Т. Уортона» (1782) писатель отметил, что каждый последующий издатель Шекспира стремится оставить за собой последнее слово и, тем не менее, каждое новое издание лишь выявляет, как много редакторской

¹⁶⁸ Lynch J. *Criticism of Shakespeare // Shakespeare in the Eighteenth Century / Ed. by F. Ritchie, P. Sabor. Cambridge: Cambridge UP, 2012. P. 45.*

работы предстоит осуществить: «Сомневающийся и размышляющий читатель выслушает это с полным спокойствием; ему известно, каково шаткое положение предыдущих изданий; он обратит внимание на смелость и дерзость, авторитетную диктаторскую манеру, с которой выступает каждый последующий редактор; ему нелегко забыть уверенность каждого из них, уверявшего публику, что больше ничего нельзя добавить. Разве не так говорили Роу, Поуп, Теобалд, Уорбертон, Ханмер и Кэпелл? И где они сейчас? Где даже доктор Джонсон и господин Стивенс, с которыми читатель, может быть, проведёт некоторое время? Их постигли позор и забвение».¹⁶⁹ Имена, которые Ритсон перечисляет в приведенной цитате, широко известны благодаря посвящённым Шекспиру работам и полемике, связанной с обсуждением способов редактирования и издания шекспировских произведений в XVIII в., положившей начало научной шекспировской текстологии.

2.1 У истоков издания произведений У. Шекспира в Англии XVII–XVIII вв.

Как известно, авторские рукописи шекспировских произведений не сохранились, а первые публикации основывались на несовершенных рукописных копиях, чаще всего приспособленных для нужд актёров и постановщиков пьес на сцене.¹⁷⁰ Даже самые ранние издания, такие как фолио 1623 г., предполагали редакторскую обработку рукописного текста. Такого рода вмешательство в текст Э. Мерфи наглядно продемонстрировал на следующем примере: «...редактор, встретивший в тексте слово «aud» [альтернативная форма слова «auld», т.е. старый, древний – *Е.К.*], мог быть

¹⁶⁹ Ritson J. Observations on the Three First Volumes of the History of English Poetry in a Familiar Letter to the Author. P. ii.

¹⁷⁰ Erne L.C. Emendation and the Editorial Reconfiguration of Shakespeare // Shakespeare and Textual Studies / Ed. By S. Massai, M.J. Kidnie. Cambridge: Cambridge UP, 2015. P. 313.

совершенно уверен, что его следует исправить на «and», утверждая, что в английском языке не существует слова «and», что контекст требует союза и наиболее вероятное объяснение ошибки состоит в том, что «u» – это просто перевернутая буква «n»,¹⁷¹ – и это далеко не самое значительное исправление, которое мог внести редактор. Справедливости ради, и ученые-шекспироведы XVIII в. осознавали затруднения, с которыми может столкнуться издатель Шекспира при подготовке материала и чувствовали необходимость выработать последовательную стратегию работы с текстом.

Как отмечает С. Джарвис, редактирование произведений Шекспира в восемнадцатом столетии также связано со стремлением учёных-просветителей усовершенствовать и упорядочить грамматику английского языка, что невозможно сделать без утверждения канона национальных классических текстов.¹⁷² Подобно ренессансным гуманистам, исследовавшим греческие и латинские тексты и одновременно занимавшимся языками, на которых они были созданы, издатели эпохи Просвещения с опорой на шекспировские произведения вырабатывали новые стилистические нормы английского языка.¹⁷³ Если бы не скандальная репутация, имя Ритсона с высокой долей вероятности было бы лучше известно современным исследователям, поскольку у него было неоспоримое преимущество перед своими коллегами – большие познания в области истории английского языка. Исследование ранних языковых форм и норм позволяло писателю верно толковать многие слова, которые были неправильно поняты предшествующими ему комментаторами и издателями. Как уже было показано в первой главе диссертации, изучение среднеанглийского языка в XVIII в. лишь намечалось; лучше всего достижения лингвистики отражались в новых вариантах подготовки к

¹⁷¹ Murphy A. *A Concise Companion to Shakespeare and the Text*. New Jersey: Blackwell, 2007. P. 103.

¹⁷² Jarvis S. *Scholars and Gentlemen: Shakespearian Textual Criticism and Representations of Scholarly Labour, 1725–1765*. Oxford: Clarendon Press, 1995. P. 11–12.

¹⁷³ *Ibid.* P. 234.

публикации старинных текстов.¹⁷⁴ Благодаря сознанию необходимости сообразовывать любые редакторские изменения с реальной языковой практикой прошлых эпох, Ритсон стал «самой важной, определяющей фигурой [в исследовании] среднеанглийского языка в последние пятнадцать лет восемнадцатого века».¹⁷⁵ Такого рода знания Ритсон продемонстрировал и в «Критических и пояснительных замечаниях к тексту и примечаниям последнего издания Шекспира» (*Remarks Critical and Illustrative on the Text and Notes of the last Edition of Shakespeare, 1783*), указывая лексикографу и поэту С. Джонсону и шекспироведу Дж. Стивенсу на неверное толкование устаревших форм слов, искажение орфографии и авторского замысла – одним словом, на все то, за что прежде упрекал Т. Уортона.

Критические комментарии к шекспировским пьесам публиковались еще в первой половине XVII в., однако до Реставрации династии Стюартов в 1660 г. качество изданий авторских текстов в меньшей степени, чем позднее, интересовало английское научное сообщество. В XVII в. литературная критика существовала в основном в форме предисловий к изданиям.¹⁷⁶ Критик адресовал свои эссе покровителю, вследствие чего целевая аудитория таких трудов состояла, как правило, из представителей высших слоев общества.¹⁷⁷ Благодаря родоначальникам просветительской журналистики Дж. Аддисону и Р. Стилу изменилась сама форма литературной критики, а также расширился круг заинтересованных в ней читателей. Прежняя система покровительства-меценатства, которая поддерживала таких литераторов, как, например, Дж. Драйден, постепенно вышла из моды, и уже к 1730 г. большинство интеллектуалов свободно публиковали свои критические заметки на регулярной основе. Несмотря на

¹⁷⁴ Matthews D. *The Making of Middle English, 1765–1910*. Minneapolis: Minnesota UP, 1999. P. xvii–xxi.

¹⁷⁵ *Ibid.* P. 51.

¹⁷⁶ Marsden J.I. *The Beginnings of Shakespeare Criticism // The Re-Imagined Text: Shakespeare, Adaptation, and Eighteenth Century Literary Theory / Ed. by J.I. Marsden*. Kentucky: Kentucky UP. P. 47.

¹⁷⁷ *Ibid.*

эти кардинальные изменения, принципы литературной критики оставались прежними: представлялось, что оценка произведений должна носить исключительно рациональный характер и подкрепляться объективными фактами.

В издательской деятельности XVIII в. можно условно выделить два течения. К первому относятся издатели, стремившиеся полностью реконструировать «оригинальный» текст, сохраняя архаизмы и «авторскую» орфографию. Ко второй категории можно отнести тех, кто хотел воссоздать старинный текст таким образом, чтобы современный читатель смог без труда понять авторский замысел (такой, каким он представлялся издателю). Исследователь Л.К. Эрне рассмотрел эти различия под другим углом и разделил издателей Шекспира на «нередкторов» (*uneditors*) и «редакторов-интервентов» (*interventionist editors*).¹⁷⁸ Эти условные группы возникли, разумеется, много раньше восемнадцатого столетия – во времена Реформации, когда ученые-библеисты занимались реконструкцией священных текстов и спорили по поводу наиболее приемлемого способа ознакомления с ними широких слоев верующих. Желание протестантских богословов добиться возможности для каждого грамотного человека прочитать Библию, а также стремление восстановить Св. Писание в его первоначальном виде контрастировали со стремлением католических богословов опираться при издании и толковании священных книг на церковную традицию и авторитет Отцов Церкви.¹⁷⁹ Исследовательница Э.Л. Айзенштейн описала это противостояние следующим образом: «...должно ли [Св. Писание] быть доступно всем людям в соответствии с миссией распространения Благой Вести? Или же его следует излагать мирянам только после того, как оно пройдет через руки священников, как это было принято на протяжении столетий?».¹⁸⁰ Для

¹⁷⁸ Erne L.C. *Emendation and the editorial reconfiguration of Shakespeare*. P. 310.

¹⁷⁹ *Ibid.*

¹⁸⁰ Eisenstein E.L. *The Printing Press as an Agent of Change: Communications and Cultural Transformations in Early-modern Europe*. Cambridge: Cambridge UP, 1980. P. 320.

начавшего Реформацию М. Лютера (1483–1546) второе было недопустимым, в то время как известный католический богослов, оппонент Лютера, Иоганн Майер Экк (1486–1543), напротив, настаивал на том, что истинное понимание Св. Писания определяется Церковью и, следовательно, должно быть ею одобрено.¹⁸¹ Как отмечает Л.К. Эрне, библеисты-протестанты могут быть сближены с «нередакторами» Шекспира, то есть теми, кто отказывался хоть как-то исправлять авторскую мысль и слово. Редакторы-«интервенты», считавшие, что читатель Шекспира нуждался в новейшем издательском посредничестве, соответственно, могут быть объединены с теологами-католиками. Убедительность своей концепции Эрне подкрепляет еще одной параллелью: протестанты утверждали, что некоторые католические догмы и многие церковные обыкновения основаны на искажении Св. Писания, точно так же, как «нередакторы» полагали, что шекспировский текст изобилует ошибками, привнесенными туда издателями.¹⁸² Прямым подтверждением предложенного исследователем деления является и то, что связь между филологией и теологией особенно отчетливо проступила на первый план в XIX в. Исследователь И. Гэррисон приводит в пример теолога и библеиста Вильгельма де Ветте (de Wette, Wilhelm, 1780–1849), одного из основоположников историко-критического метода в библеистике, который утверждал, что работа текстолога является логическим продолжением заложенных Реформацией идей.¹⁸³ В трактате «Высшая религия и теология» (*Über Religion und Theologie*, 1815), по заслугам оценивая работы своих предшественников Й.С. Семлера (Semler, Johann Salomo, 1725–1791) и Й.А. Эрнести (Ernesti, Johann August, 1707–1781), Де Ветте утверждает, что именно протестантизм навсегда освободил

¹⁸¹ Tavard G.H. Catholicity and Non-Catholic Christians // *The Downside Review*. 1959. V. 77. No. 249. P. 151.

¹⁸² Erne L. Emendation and the Editorial Reconfiguration of Shakespeare. P. 311.

¹⁸³ Garrison I. Source, Original, and Authenticity between Philology and Theology // *Classical Philology and Theology: Entanglement, Disavowal, and the Godlike Scholar* / Ed. by C. Conybeare, S. Goldhill. Cambridge: Cambridge UP, 2020. P. 86–109.

дух подлинной веры, прежде ограниченный католическими суевериями, и укрепил связь между нею и наукой, желанием очистить религиозные исторические источники от «лжи и примесей». Историко-критический метод осмыслялся де Ветте как «протестантизм на службе живой веры»,¹⁸⁴ а возвращение к подлинному тексту Св. Писания понимался теологом как стремление к духовной свободе.

В контексте шекспировской текстологии «нередакторы» и «редакторы-интервенты», подобно протестантам и католикам, расходились во мнениях относительно ценности традиции. Первые полагали, что возвращение к «оригинальному» тексту может открыть доступ к подлинному замыслу Шекспира, в то время как редакторские методы «интервентов» могут привести к наслоению интерпретаций и даже полному искажению текстов ранних кwartо, октаво и Первого фолио, что было недопустимо, особенно учитывая консенсус, к которому пришли практически все редакторы XVIII в.: «предшествующую литературу следует понимать в контексте ее создания».¹⁸⁵ В сфере текстологии такие видные просветители, как поэт А. Поуп (1688–1744), антикварий У. Ричардсон (Richardson, William, 1698–1775), писатель и политик Т. Уэйтли (Whately, Thomas, 1726–1772), ирландский шекспировед Э. Мэлоун (Malone, Edmond, 1741–1812), Дж. Уортон (брат Т. Уортона), С. Джонсон, Дж. Стивенс и др., пользуясь своими методами, предпринимали попытки установить, каким должен быть «настоящий», канонический текст Шекспира или, иначе говоря, своего рода «textus receptus».¹⁸⁶

¹⁸⁴ Цит. по: Garrison I. Source, Original, and Authenticity between Philology and Theology. P. 97.

¹⁸⁵ Walsh M. Eighteenth-Century Editing, 'Appropriation,' and Interpretation // Shakespeare Survey. 1998. V. 51. P. 135.

¹⁸⁶ Данный термин, по аналогии с обозначением в XVI–XVII вв. «общепринятого» печатного текста Нового Завета, ввел немецкий текстолог К. Лахман, автор особого метода работы с древними текстами.

2.2 Критические замечания Дж. Ритсона к изданию произведений У. Шекспира под редакцией С. Джонсона и Дж. Стивенса

«Меньшему часто удавалось исправить большее и позволить «ходить прямо ногами» своими по дороге для наиболее достойных», – так биограф Ритсона Х.А. Бёрд определил место Ритсона в шекспировской текстологии XVIII в., перефразируя стих 13 из главы 12 Послания к Евреям.¹⁸⁷ По мнению Бёрда, так и не став издателем Шекспира, Ритсон сделал в этой сфере не меньше знаменитых коллег-современников, которые успешно выпускали в свет новые версии произведений драматурга. Ритсон действительно внес вклад в исследования произведений Шекспира не только как текстолог, но и литературовед, не лишённый симпатии к гению автора и тонко чувствующий авторский замысел. Эта сторона ритсоновской проницательности продемонстрирована в «Критических и пояснительных замечаниях к тексту и примечаниям последнего издания Шекспира», которые были опубликованы спустя год после дебютного эссе писателя. В качестве примера рассмотрим его интерпретацию трагедии «Гамлет» (*The Tragedy of Hamlet, Prince of Denmark*, 1603), изложенную в этой работе.

Ритсон обратил внимание на то, что С. Джонсон и Дж. Стивенс (причем последнего он критиковал в большей степени)¹⁸⁸ рисуют образ Гамлета «презренным и аморальным»,¹⁸⁹ словно не заслуживающим жалости зрителя или читателя. Так, Джонсон усомнился в намерении шекспировского протагониста убить Клавдия из необходимости отомстить

¹⁸⁷ Burd H.A. *Joseph Ritson and Some Eighteenth-Century Editors of Shakespeare // Wisconsin Shakespeare Studies*. Madison: Madison UP, 1916. P. 254

¹⁸⁸ Из 457 примечаний половина отводится критическому текстуальному анализу, остальные – опровержению ошибочных, на взгляд Ритсона, суждений Дж. Стивенса и его коллег-редакторов.

¹⁸⁹ Цит. по: Vickers B. *William Shakespeare: The Critical Heritage*. V. 6. L.: Routledge, 2008. P. 343.

за отца и восстановить справедливость – по его мнению, Гамлет вынашивает более жестокий план, «готовит слишком ужасную кару для человека, которого накажет».¹⁹⁰ Ритсон берет на себя миссию «оправдания» Гамлета и объяснения истинных мотивов его действий. В представлении Ритсона – которое, несомненно, ближе современным интерпретациям трагедии – Гамлета одолевала меланхолия из-за смерти отца и последующего скоропалительного, глубоко порочного, брака матери. По Ритсону, когда призрак сообщил Гамлету настоящие обстоятельства смерти Гамлета-старшего, герой обещал отомстить из самых благородных побуждений, поскольку боль утраты еще не успела притупиться. Обрисовав психологический портрет Гамлета, Ритсон заключил: «...покойный король сообщил ему [Гамлету], что был убит преднамеренным, ужасным и дьявольским образом ... В таких обстоятельствах Гамлету не представлялось возможным довольствоваться тем простым принципом, который Джонсон называет «кровь за кровь», это было бы неадекватной и несопоставимой мстью, а, следовательно, и актом несправедливости, бесчестия по отношению к памяти своего убитого родителя».¹⁹¹ Поэтому Гамлету надлежало действовать с большей осторожностью, чтобы убедительно разоблачить преступление. Он не мог убить Клавдия во время его молитвы, «так как смерть, приуроченная к такому моменту, была бы скорее счастьем, нежели наказанием, но отнюдь не должной мстью за убийство отца».¹⁹²

Также Ритсон оспорил убежденность Джонсона и Стивенса в том, что Гамлет «виновен в безумии и смерти Офелии»¹⁹³ и намеренном оскорблении торжественности ее похорон, считая это чередой обстоятельств, которые от Гамлета напрямую не зависели. По Ритсону, принц не мог даже подозревать об участии Офелии, потому что к моменту ее гибели его уже не было в

¹⁹⁰ Vickers B. William Shakespeare: The Critical Heritage. V. 5. L.: Routledge, 1974. P. 159.

¹⁹¹ Vickers B. William Shakespeare: The Critical Heritage. V. 6. P. 342.

¹⁹² Ibid. P. 343–344.

¹⁹³ Ibid. P. 344.

королевстве: «Он не видел никого, кроме Горацио, который, конечно, не был знаком с последним обстоятельством [смертью Офелии], так что он [Гамлет] практически никак не мог узнать о том, что с ней случилось».¹⁹⁴ Что же касается смерти самого Гамлета, то, по мысли Ритсона, ее не следует рассматривать как воздаяние: «самых невинных, как прекрасно знал Шекспир, часто смешивают с самыми виноватыми; и добродетели Гамлета должны были быть вознаграждены теми ангелами, которых его друг Горацио призывает, чтобы сопроводить Гамлета на вечный покой».¹⁹⁵

Самое важное, что продемонстрировал Ритсон в своей работе, – это стремление (в той мере, в какой возможно) быть верным авторскому замыслу. Текст, в его представлении, является собственностью не последующих редакторов, но автора. Редакторы восемнадцатого столетия, судя по всему, еще не в полной мере осознавали истинную ценность старинного авторского текста, и поэтому нередко обходились с оригиналами весьма вольно. Отчасти это могло объясняться феноменом, который Р. Хьюм назвал «двойной традицией» (*double tradition*).¹⁹⁶ В качестве примера исследователь приводит афишу постановки «Макбета» в театре «Друри-лейн» от 5 мая 1726 г., основанную на адаптации пьесы, выполненной английским писателем, поэтом и драматургом XVII в. У. Давенантом. Несмотря на то, что в печатном варианте давенантовской адаптации имя Шекспира указывалось далеко не всегда, сам факт того, что речь идет об адаптации, подчеркивался такими словами как «alterations», «amendments», «additions», «new songs» и т.д. Однако на самой афише заявлялось: «Написано Шекспиром», «С песнями, танцами и прочим, что присуще пьесе», и подобный подход к постановкам не являлся исключительным. Названия знаменитых пьес нередко использовались в качестве рекламы, а то, что ставилось, имело мало общего с заявленным же

¹⁹⁴ Ibid.

¹⁹⁵ Ibid. P. 347.

¹⁹⁶ Hume R. Before the Bard: "Shakespeare" in Early Eighteenth-Century London // ELH. 1997. V. 64. No. 1. P. 47.

произведением. Суть «двойной традиции», по Р. Хьюму, восходит к началу XVII в.: как известно, в 1616 г. известный английский поэт, драматург, актёр и теоретик драмы Бен Джонсон (1572–1637) скандализировал публику, неоправданно, по ее мнению, назвав собрание своих пьес, масок и стихотворений словом «Works» (Труды); Шекспир же так и не стал публикатором собственных творений – все это было следствием особого восприятия театрального искусства. В Средние века и Новое время искусством считалась игра актеров на сцене, произносимый ими текст не был безусловной ценностью сам по себе, соответственно, мог искажаться или становиться добычей плагиаторов. Так, известнейший актер, драматург и директор театра «Друри-Лейн» Дэвид Гаррик (1717–1779), невзирая на своё стремление привить публике любовь к творчеству Шекспира, обращался с его произведениями весьма вольно. Однако не все критики, постановщики и редакторы шекспировских пьес стремились адаптировать или «присваивать» тексты – и Ритсон был среди тех немногих, кто пытался противостоять широко распространённой практике переработки авторского текста, особенно когда речь шла о поэте и драматурге, которого он в высшей степени почитал. Он называл Шекспира «милым дитятей природы и фантазии, которого время не лишает свежести»,¹⁹⁷ автором, который своим творчеством продемонстрировал величие английской литературной традиции. Ритсон, несомненно, желал остаться в памяти современников и последователей редактором шекспировских произведений или, по крайней мере, тем, которому удалось в значительной степени повлиять на практику редактирования знаменитых пьес: «... автор не без тщеславия надеется, что следующие страницы побудят [следующего] редактора к вниманию и заботе о том, чтобы его текст был цельным, взвешенным и не грешил ошибками».¹⁹⁸

¹⁹⁷ Vickers B. William Shakespeare: The Critical Heritage. V. 6. P. 337.

¹⁹⁸ Ibid.

Почему Ритсон избрал для своего анализа прежде всего издание 1778 г. под редакцией С. Джонсона и Дж. Стивенса? Это объясняется некоторыми изменениями, с которыми столкнулось английское общество на рубеже XVIII–XIX вв. С. Джарвис изложил противоречивую историю текстологических исследований Шекспира в этот период, упомянув Ритсона, правда, вскользь: он провел параллель между столкновением взглядов Ритсона и Э. Мэлоуна, отраженную в «Беглой критике к изданию Шекспира, изданному Эдмондом Мэлоуном» (*Cursory Criticisms on the Edition of Shakespeare published by Edmond Malone, 1792*) и спором А. Поупа с издателем Л. Теобалдом (*Theobald, Lewis, 1688–1744*).¹⁹⁹ В обоих случаях особую роль играла разница социального статуса участников полемики.²⁰⁰ Как показал Джарвис, споры такого рода касались не только текстологических концепций, но и «общественной природы науки», которая побуждала ученых публично отстаивать свой высокий уровень профессионализма.²⁰¹ Примечательно, что на первых же страницах «Критических и пояснительных замечаний» Ритсон обратил внимание читателя на то, как социальный статус ученого способен повлиять на оценку его работы. По мнению писателя, возможность указать на недочёты редактора должна быть у каждого, невзирая на разницу в общественном положении: «Хотелось бы, чтобы доктор Джонсон проявлял несколько меньшее пристрастие к почтенному положению [издателей]; хотя он и утверждает, что относился к своим предшественникам с уважением, но на деле, по отношению к Теобалду, лучшему из шекспировских издателей, он демонстрирует презрение и пристрастность, в то время как к худшим, Ханмеру и Уорбертону, он проявляет почтение и симпатию».²⁰² Стоит

¹⁹⁹ Jarvis S. *Scholars and Gentlemen: Shakespearian Textual Criticism and Representations of Scholarly Labour, 1725–1765*. P. 183–190.

²⁰⁰ *Ibid.* P. 183.

²⁰¹ *Ibid.* P. 2.

²⁰² Ritson J. *Remarks, Critical and Illustrative, on the Text and Notes of the Last Edition of Shakspeare*. L.: J. Johnson, 1783. P. vi–vii.

отметить, что и сам Ритсон останавливается на личных качествах и статусе ученых, на которых ссылается: «...опровергнуть мнение или утверждения господина Стивенса, доктора Фармера и господина Тирвитта, людей, отличающихся немалой степенью учености и гениальностью, а также услужливым нравом и любезными манерами...».²⁰³ Невозможно не заметить, что оппонентами Ритсона чаще всего становились признанные интеллектуалы и видные члены английского научного сообщества XVIII в. (С. Джонсон, Т. Уортон, Дж. Пинкертон, Э. Мэлоун и др.), и в свете радикально-либеральных политических взглядов писателя (подробно рассматривающихся в Главе 3 настоящей диссертации), такой выбор литературных противников кажется вполне сознательным и даже провокативным. Однако «Критические и пояснительные замечания» Ритсона не сводятся к сословной борьбе – в письме ирландскому антикварию Дж. Куперу Уокеру (1762–1810) в 1790 г. Ритсон поделился тем, что побуждало его критиковать коллег по цеху: «Я не имею удовольствия согласиться с Вами в том, что редактор имеет право «избегать обычной отвратительной орфографии» – по крайней мере, не давая своим читателям возможности узнать, отвратительна она или нет. Напротив, я убежден, что строгое соблюдение старой орфографии, какой бы грубой она ни была, которую, как я понимаю, Вы называете отвратительной, является проверкой честности редактора; и не могу доверять тому, кто тайно изобретает нечто новое даже применительно к одному-единственному слову».²⁰⁴

Ритсон неслучайно выделил Л. Теобалда на фоне остальных редакторов произведений Шекспира. В своем издании произведений Шекспира 1733 г. Теобалд настаивал на том, что редактор «должен хорошо разбираться в истории и нравах эпохи своего автора, если он стремится

²⁰³ Ibid.

²⁰⁴ Цит. по: Bronson B. Joseph Ritson: Scholar-at-Arms. P. 547–548.

оказать ему услугу».²⁰⁵ Он ставил перед собой задачу обнаружить в шекспировских произведениях то, что «могло бы потеряться во мраке, если бы не «этот реставратор», как любя называет меня мистер Поуп...».²⁰⁶ Иными словами, Теобалд боролся за сохранение «следов старины», поскольку именно они, по мнению редактора, проливают свет на историко-культурный контекст создания литературного произведения, и такой подход полностью отвечал ритсоновским взглядам на процесс редактирования старинных рукописей. Оппонентом Теобалда был один из крупнейших писателей британского классицизма А. Поуп, который считал такую контекстуализацию разрушительной для «великолепия шекспировского творчества» и считал своим долгом искоренить «пошлость старины».²⁰⁷ В предисловии к своему шеститомному изданию произведений Шекспира, опубликованного в 1723 г., Поуп отказался от роли критика, заняв более прогрессивную, на его взгляд, позицию «текстолога-гуманиста»²⁰⁸ и уверенного в себе редактора. Своей задачей он считал «дать представление о судьбе его [Шекспира] работ и изъянах, с которыми они дошли до нас».²⁰⁹ Приведенная в качестве примера полемика до определенной степени близка по смыслу той, что развернулась между Ритсоном, с одной стороны, и С. Джонсоном и Дж. Стивенсом – с другой.

Л. Теобалд в предисловии к изданию Шекспира изложил свой основной редакторский принцип: «Всякий раз, когда я проявлял в редактировании большую вольность и свободу, я пытался подкрепить свои исправления и предположения параллельными пассажами из него самого [Шекспира], это самое надежное средство объяснения любого автора».²¹⁰

²⁰⁵ Theobald L. *The Works of Shakespeare*. L.: Tonson, 1733. P. xlv–xlvi.

²⁰⁶ *Ibid.* P. xlix.

²⁰⁷ Kramnick J.B. *Making the English Canon: Print-Capitalism and the 1700–1770*. Cambridge: Cambridge UP, 1998. P. 94.

²⁰⁸ *Ibid.* P. 10.

²⁰⁹ *The Works of Shakespeare in Six Volumes*. V. I. / Ed. by A. Pope. L.: J. Tonson, 1723. P. i–ii.

²¹⁰ *The Works of Shakespeare in Seven Volumes*. V. I. / Ed. by L. Theobald. L.: A. Bettesworth and C. Hitch, 1733. P. xliii.

Вслед за Теобалдом С. Джонсон в предисловии к своему изданию 1765 г. тоже выступил против распространения необоснованных интерпретаций произведений Шекспира: «... хотя это иногда неизбежно, я не предавался этому [умышленным искажениям]».²¹¹ Размышляя о сохранившихся текстах драматурга, С. Джонсон пришел к выводу, что его предшественники (А. Поуп, Л. Теобалд и др.) могли небрежно обходиться с имеющимися у них изданиями, однако они, по крайней мере, опирались на действительно существующие, авторитетные источники.²¹² По его мнению, первоочередная задача редактора – «переворачивать старый текст то одной стороной, то другой» (to turn the old text on every side).²¹³

К исследованию творчества У. Шекспира Джонсон приступил еще в 1745 г. и опубликовал «Различные замечания к трагедии "Макбет": с примечаниями сэра Т.Х. к изданию Шекспира» (Miscellaneous Observations on the Tragedy of Macbeth: with Remarks on Sir T. H.'s Edition of Shakespeare, 1745). В его распоряжении было большое количество материала, но больше всего карандашных пометок ученый сделал в издании английского литературного критика и издателя У. Уорбертона (Warburton, William, 1698–1779).²¹⁴ Кроме того, в своем «Словаре английского языка» (A Dictionary of the English Language, 1755) Джонсон время от времени ссылаясь на издание Шекспира, подготовленное издателем и политическим деятелем Т. Ханмером (Hunmer, Thomas, 1677–1746), в частности на его глоссарий, а также на критические замечания А. Поупа.²¹⁵ Э.Дж. Томас внимательно изучил издание произведений Шекспира У. Уорбертона, принадлежащее Джонсону, и выявил около 17 000 цитат, использованных

²¹¹ Цит. по: Sherbo A. Johnson on Shakespeare / Introd. by B.H. Bronson. New Haven: Yale UP, 1968. P. 106.

²¹² The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson / Ed. by A. Sherbo. New Haven: Yale UP, 1958. P. 160.

²¹³ Цит. по: Raleigh W. Johnson on Shakespeare. Essays And Notes Selected and Set Forth With an Introduction. L.: Henry Frowde, 1908. P. 56.

²¹⁴ The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson. P. 128.

²¹⁵ Ibid.

ученым при составлении «Словаря».²¹⁶ В 1765 г. Джонсон опубликовал собственное собрание сочинений Шекспира в восьми томах, с предисловием и комментариями. Он внес 103 изменения в текст первого акта «Бури», 108 изменений в четвёртый акт «Генриха VI» (Часть II), 130 в пятый акт «Генриха V», 72 во второй акт «Макбета», 103 изменения в первый акт «Юлия Цезаря», 115 во второй акт «Гамлета» и т.д. По самым скромным подсчетам, всего в корпус текстов Шекспира Джонсон внес от 14 000 до 15 000 исправлений.

Интерес С. Джонсона к редактированию и изданию пьес великого драматурга поддержал Дж. Стивенс, который дополнил труды Джонсона своими исправлениями. Обоих учёных занимала текстологическая критика и лексикография, оба считали, что произведения Шекспира являются не только превосходными образцами национальной литературы, но и ключом к пониманию истории английского языка. В предисловии Стивенс писал следующее: «Ни один язык нельзя изучить и проследить его эволюцию, не взяв слова из первоисточников и не проанализировав последовательное изменение их значений;²¹⁷ и это можно сделать, обратившись к самым древним и средневековым авторам».²¹⁸ Переиздавая тексты из шекспировских quartos, Стивенс ставил перед собой задачу не только изложить публике «основные мысли поэта»,²¹⁹ но и помочь сохранить литературное наследие, из которого впоследствии можно было бы составлять словари.

В 1766 г. Стивенс издал двадцать пьес Шекспира, опираясь на тексты из quartos, которые были напечатаны прижизненно или до эпохи Реставрации. Он был солидарен с А. Поупом в том, что тексты Первого фолио были значительно переработаны последующими переписчиками и

²¹⁶ Ibid.

²¹⁷ С. Джонсон придерживался такой же стратегии при составлении своего «Словаря».

²¹⁸ Steevens G. Advertisement by Mr. Steevens // *The Plays of William Shakspeare* / Ed. by S. Johnson S., G. Steevens. L.: J. Nichols and Son, 1813. P. 13.

²¹⁹ Ibid. P. 14.

потому требовали тщательного редакторского пересмотра. Г. Иопполо предполагает, что издатель таким образом стремился обеспечить коммерческий успех своего труда.²²⁰ Стивенс также был согласен с Поупом в том, что «Виндзорские насмешницы» (*The Merry Wives of Windsor*), «Генрих V» (*Henry V*) и самая старая версия «Короля Иоанна» (*King John*; *The Troublesome Raigne of John*) были отредактированы самим Шекспиром.²²¹ Однако далеко не все критики и редакторы разделяли данное убеждение: шекспировед Р. Фармер (*Farmer, Richard, 1735–1797*) в «Эссе об изучении Шекспира» (*Essay on the Learning of Shakespeare, 1767*), редактор шекспировских произведений Э. Кэпелл (*Capell, Edward, 1713–1781*) в своем издании под названием «Примечания и различные толкования текстов Шекспира» (*Notes and Various Readings to Shakespeare, 1767–1768*) и другие комментаторы склонялись к тому, что исправления, в основном, вносили актеры или редакторы, а не автор.

В «Критических и пояснительных замечаниях», как и в своем дебютном эссе, Ритсон обратил внимание на то, что С. Джонсон и Дж. Стивенс не совсем добросовестно отнеслись к своим издательским обязанностям: «Главное и основное дело редактора – тщательно сопоставлять ранние издания своего автора и более поздние копии. В противном случае он не может быть уверен, что восстанавливает подлинный текст...».²²² Ученый указал на то, что до Джонсона было не менее восьми «мнимых» редакторов Шекспира (их имена уже упоминались ранее), однако никому из них не удалось сверить должным образом самые ранние издания с современными. Поэтому он решил продемонстрировать то, как должен действовать добросовестный редактор.

²²⁰ Ioppolo G. "Old" and "New" Revisionists: Shakespeare's Eighteenth-Century Editors // *Huntington Library Quarterly*. 1989. V. 52. No. 3. P. 352.

²²¹ Shakespeare W. *Twenty of the Plays of Shakespeare* / ed. by George Steevens. L.: J. and R. Tonson, 1766. P. 10.

²²² Ritson J. *Remarks, Critical and Illustrative*. P. iii.

Примечания Ритсона многочисленны и разнообразны. В некоторых местах он возражал против отдельных случаев словоупотребления, как, например, во второй сцене первого акта «Бури», считая ошибочной замену слова «mingle» (смешивать; форма, распространенная в середине XV в.) на «meddle» (смешивать; форма, распространенная до XIV в.). Особенно придирчив писатель был к «примечаниям-гlossам», в частности, к тем, над которыми работал Джонсон. По мысли Ритсона, лексикограф и составитель «Словаря» должен был подойти к работе такого рода с бóльшим усердием и вниманием.²²³ Нередко он подвергал Джонсона и откровенным насмешкам. Так, реагируя на джонсоновское исправление слова «lout» в примечании к «Генриху VI», он пишет: «lout – это деревенский парень, клоун. Он [Шекспир] имеет в виду, что Сомерсет обращается с ним как с деревенщиной. Доктору Джонсону лучше оставить эти слова в покое, так как он их не понимает. В его словаре Lowted – означает «подавленный» (overpowered)».²²⁴ Стоит отметить, что, несмотря на хлёткие выражения, граничащие с личными оскорблениями, Ритсон парадоксальным образом уважал своих литературных оппонентов и позже часто раскаивался в своей резкости.²²⁵

Как было отмечено А. Шербо,²²⁶ Ритсон в большей степени критиковал Дж. Стивенса, но их вражда в скором времени сошла на нет. Исследователь предположил, что критические замечания Ритсона могли повлиять на нежелание Стивенса подготовить свое собственное издание Шекспира, а постепенное налаживание их отношений после публикации «Замечаний», вероятно, побудило Стивенса в 1790 г. вернуться к работе над произведениями великого драматурга.²²⁷ Издание произведений Шекспира

²²³ Bronson B. Joseph Ritson: Scholar-at-Arms. P. 436.

²²⁴ Ritson J. Remarks, Critical and Illustrative. P. 117.

²²⁵ Burd H.A. Joseph Ritson and Some Eighteenth-Century Editors of Shakespeare. P. 255.

²²⁶ Sherbo A. Edmond Malone and the Johnson-Steevens 1778 Shakespeare // The Papers of the Bibliographical Society of America. 2007. V. 101. No. 3. P. 24.

²²⁷ Ibid. P. 30.

Стивенса 1793 г. включало исправления из «Критических и пояснительных замечаний» и новые материалы Ритсона, которые он получал в частном порядке: в 1790 г. отношения двух бывших оппонентов изменились настолько, что они вели переписку, обменивались подарками и помогали друг другу.²²⁸ Вступительная статья к одному из последних трудов Ритсона «Поэтическая библиография: список английских поэтов» (*Bibliographia Poetica: a Catalogue of English Poets*, 1802), написанная после смерти Стивенса, открывается признанием писателя, что источником вдохновения для работы послужил разговор со Стивенсом, «чьим знакомством редактор гордится; и чья богатая и хорошо подобранная библиотека снабдила его редкими и любопытными томами».²²⁹ Во многом благодаря продолжительной переписке со Стивенсом Ритсон пришел к выводу, что его нападки на коллегу-шекспироведа совершенно недостойны его самого. Спустя десятилетие после нелестного разбора издания Шекспира С. Джонсона и Дж. Стивенса Ритсон написал своему племяннику: «Относительно «Критических и пояснительных замечаний» мне нечего сказать. В самом деле, я полагаю, что Вы сделаете гораздо лучше, если предадите их огню, нежели будете тщетно пытаться уменьшить неточности такой массы как типографских, так и авторских ошибок».²³⁰ И все же стоит отметить, что, хотя Ритсон и видел в Стивенсе такие качества как пронизательность, его критические идеи он находил «всегда остроумными и правдоподобными, но не во всем убедительными». В роли же редактора произведений Шекспира Ритсон считал своего коллегу лишенным истинного поэтического чувства и должного почитания шекспировского гения.

²²⁸ Bronson B. *Joseph Ritson: Scholar-at-Arms*. P. 180–182.

²²⁹ Ritson J. *Bibliographia Poetica: A Catalogue of English Poets of the Twelfth, Thirteenth, Fourteenth, Fifteenth, and Sixteenth, Centurys, with a Short Account of Their Works*. L.: C. Roworth, 1802. P. i.

²³⁰ *The Letters of Joseph Ritson, Esq.* / Ed. by N.H. Nicolas. V. 1. L.: W. Pickering, 1833. P. liii.

2.3. «Скромная насмешка» Дж. Ритсона и его критика издания произведений У. Шекспира Э. Мэлоуна

В переиздании произведений Шекспира под редакцией Джонсона и Стивенса 1785 г. (в котором, по всей видимости, участвовал и шекспировед И. Рид (Reed, Isaac, 1742–1807) Ритсон обнаружил что редакторы присвоили себе более двухсот исправлений, предложенных им в «Критических и пояснительных замечаниях», не ссылаясь на его труд. С учётом журнальных рецензий, в которых Ритсону отказывали в литературоведческих способностях и высмеивали как «орфографического мятежника», это побудило писателя к борьбе с несправедливостью. Он поднял свои старые заметки, которые делал еще во время подготовки «Критических и пояснительных замечаний», написал на их основе новое критическое эссе и передал его в печать. Так была опубликована работа «Скромная насмешка, несколько слов в качестве дополнения к «Критическим и пояснительным замечаниям к тексту и примечаниям последнего издания Шекспира»; высказанные в связи с его переизданием, исправленным и дополненным издателем старых пьес Додсли» (1788). В предисловии к этому сочинению Ритсон в полной мере выразил свое отношение к «очень хорошим христианам», «либеральным и искренним друзьям», а также рецензентам. Как отмечают биографы Ритсона, он ошибочно полагал, что заимствование другими людьми его собственных идей было осуществлено при поддержке Дж. Стивенса, но после публикации «Скромной насмешки» писатель осознал поспешность своих выводов.²³¹ Впоследствии он охарактеризовал свою работу «слишком сильно задевающей лицо, о котором идет речь» и приостановил продажу отпечатанных экземпляров на достаточно долгое время.²³²

²³¹ Burd H.A. Joseph Ritson and Some Eighteenth-Century Editors of Shakespeare. P. 260.

²³² Bronson B. Joseph Ritson: Scholar-at-Arms. P. 260–261.

Рецензенты отнесли к «Скромной насмешке» как к несущественному произведению эксцентричного критика,²³³ и такая оценка побудила Ритсона продолжить публично отстаивать значение высказанных им идей. Издание 1790 г. произведений Шекспира под редакцией шекспироведа Э. Мэлоуна стало следующим объектом его тщательного анализа, результаты которого были опубликованы под названием «Беглая критика издания Шекспира, опубликованного Эдмондом Мэлоуном» (1792). В этом труде ритсоновское негодование обрушилось не только на Мэлоуна, но и на анонимных журнальных рецензентов. Нет необходимости подробно останавливаться на суждениях Ритсона из этой работы: она, несомненно, внесла вклад в текстологический анализ произведений Шекспира, при этом находясь в русле уже разобранных сочинений писателя. Правда, внимания заслуживает реакция Э. Мэлоуна на критические замечания в свой адрес.

Журнальная полемика, начавшаяся с опубликованного 27 марта 1792 г. в газете «Сент-Джеймс Кроникл» (St. James's Chronicle, 1761–1843) письма в защиту шекспироведа, оказалась губительной для репутации Ритсона. По всей видимости, это письмо было написано самим Мэлоуном,²³⁴ но Ритсон, к неудовольствию своего оппонента, его проигнорировал. Месяц спустя Мэлоун опубликовал «Письмо к преподобному Ричарду Фармеру» (A Letter to the Rev. Richard Farmer, 1792), в котором обсудил свое издание произведений Шекспира, опубликованное в 1790 г., и некоторые критические замечания к нему. Ученый не скрыл, что «Беглая критика» оскорбила его: «Я не буду пятнать свою статью переписыванием вульгарного сквернословия, которым [«Беглая критика»] изобилует»,²³⁵ и продемонстрировал «ответную» неприязнь по отношению к Ритсону, желая

²³³ Burd H.A. Joseph Ritson and Some Eighteenth-Century Editors of Shakespeare. P. 261.

²³⁴ Ibid. P. 263.

²³⁵ Зд. и далее цит. по: Malone E. A Letter to the Rev. Richard Farmer, D. D. Relative to the Edition of Shakspeare, Published in 1790, and Some Late Criticisms on That Work. L.: G.G. J. and J. Robinson, 1792. P. 4.

ему «покоиться с низшими слоями общества, где его подобрали, и на складе книготорговца, где вместе с другим забытым хламом он долго будет оставаться в ничем не нарушаемом покое».²³⁶ Свое редакторское вмешательство в шекспировский текст Мэлоун оправдывал не «капризным нововведением или причудливой догадкой», а попыткой восстановить «слова поэта в том виде, в каком они находятся в единственных авторитетных экземплярах».²³⁷ Заметим, что Мэлоун пусть и неохотно, но согласился со справедливостью некоторых ритсоновских упрёков: «хотя [Ритсон] перечислил тринадцать недочётов, пять [только пять! – *Е.К.*] из них не имеют под собой оснований»²³⁸ и обратил внимание Р. Фармера на то, что писателем «были упомянуты два или три факта, которые, хотя и искажены или обесцвечены, но несут что-то вроде подобия истины, хотя и не имеют ничего общего с реальностью».²³⁹

Публично Ритсон проигнорировал «Письмо к преподобному Ричарду Фармеру», хотя в частном письме хвастался своему другу Р. Харрисону (*Harrison, Robert, 1715–1802*): «Льщу себе за то, что полностью уничтожил великого Мэлоуна. Он попытался ответить на это [«Беглую критику»] самой презренной вещью в природе [т.е. своей последующей публикацией]».²⁴⁰ Как уже демонстрировалось, Ритсон был способен спустя некоторое время переосмыслять свои критические выступления и дискуссии с литературными оппонентами. В 1796 г. он писал своему племяннику: «Вы будете слишком несправедливы к мистеру Мэлоуну, если сочтете его во всех отношениях таким, каким я, возможно, пытался представлять его в некоторых работах».²⁴¹

²³⁶ Ibid.

²³⁷ Ibid. P. 8–9.

²³⁸ Ibid. P. 11.

²³⁹ Ibid.

²⁴⁰ *The Letters of Joseph Ritson, Esq. V.1. P. 215.*

²⁴¹ Ibid. P. lii.

В предисловии к «Беглой критике» Ритсон в привычной манере спорил с избранной Мэлоуном редакторской стратегией: «полная глухота и неспособность к верному суждению – качества, обладая которыми, мистер Мэлоун вынужден работать – несомненно, являются природными недостатками, из-за которых он становится, скорее, объектом жалости, нежели упреков...».²⁴² Однако далее Ритсон выдвинул куда более серьезное обвинение в адрес шекспироведа: «он обвиняется во многих других тяжких преступлениях и проступках против божественного величия нашего царственного повелителя драмы...».²⁴³ Мнение писателя основывалось на его глубокой уверенности в том, что Мэлоуну, подобно С. Джонсону и Дж. Стивенсу, не удалось полноценно сопоставить старые издания шекспировских произведений с новыми. Однако на самом деле шекспироведа задела не только критика в свой адрес. Концепция будущего издания, изложенная Ритсоном еще в «Критических и пояснительных замечаниях», заставила Мэлоуна ускорить работу над собственным изданием произведений Шекспира. В сентябре 1783 г. он написал Т. Перси: «В конце его очень дерзкого и непристойного памфлета ... он [Ритсон] сообщил об издании [произведений Шекспира] ... Я тотчас же решил, что он не должен отбирать наш хлеб...».²⁴⁴ Таким образом, можно прийти к заключению, что издатели Шекспира признавали Ритсона сильным соперником – одно упоминание им своих планов пробуждало в них дух состязательности, заставляло ускорить работу по подготовке новых публикаций.

²⁴² Ritson J. *Cursory Criticisms on the Edition of Shakspeare Published by Edmond Malone*. L.: Hookham and Carpenter, 1792. P. vii–viii.

²⁴³ Ritson J. *Remarks, Critical and Illustrative*. P. viii.

²⁴⁴ Цит. по: Bronson B. *Joseph Ritson: Scholar-at-Arms*. P. 464.

2.4. Несостоявшееся издание произведений У. Шекспира под редакцией Дж. Ритсона; роль последнего в подготовке публикаций произведений драматурга во второй половине XVIII в.

Ритсон всерьез планировал издать многотомное собрание произведений Шекспира, опираясь на тексты из первых двух фолио, а также отрывки из старых кварто, которые, по мнению редактора, заслуживали особого внимания. «Никакие исправления не могут быть внесены на основе последних [т.е. современных] изданий без уведомления об этом читателя, если только отличия не будут заключаться в небольшой типографской ошибке»,²⁴⁵ – писал Ритсон, дополнительно отмечая, что при малейшем сомнении лучше не редактировать тексты ранних изданий наугад, а разместить свои соображения и аргументы в примечаниях. Отдельное внимание Ритсон намеревался уделить орфографии – он хотел сделать ее более понятной современному читателю, за исключением тех случаев, когда изменение могло, по его мнению, нанести ущерб авторскому замыслу. Писатель предупреждал, что не считает нужным восстанавливать утраченные элементы текста, будь то строки или целые строфы. К сожалению, замыслу Ритсона не суждено было реализоваться. По сведениям биографа Ритсона Б. Бронсона, в 1787 г. писатель попытался издать одну из ранних комедий Шекспира «Два веронца», но и это не было реализовано.²⁴⁶

П. Мартин сообщает, что за несколько месяцев до публикации нового издания шекспировских текстов С. Джонсоном и Дж. Стивенсом в 1778 г. Мэлоун поделился с последним своими размышлениями по поводу подготовки книги и составил к ней ряд примечаний.²⁴⁷ Шекспировед

²⁴⁵ Ritson J. Remarks, Critical and Illustrative. P. 3.

²⁴⁶ Bronson B. Joseph Ritson: Scholar-at-Arms. Berkeley. P. 462.

²⁴⁷ Martin P. Edmond Malone, Shakespearean Scholar. Cambridge: Cambridge UP, 1995. P. 353.

советовал коллегам повременить со сдачей рукописи в печать и уделить внимание выявленным недостаткам, однако издание вышло, как и планировал Стивенс, в январе 1778 г. П. Мартин отметил, что предложения Мэлоуна, тем не менее, не остались без внимания – в первом томе было опубликовано его эссе «Попытка установить порядок, в котором были созданы приписываемые Шекспиру пьесы» (*An Attempt to Ascertain the Order in Which the Plays Attributed to Shakspeare Were Written*, 1778). А. Шербо оценил вклад Мэлоуна в труд Джонсона и Стивенса и обнаружил, что среди всех томов издания 1778 г. насчитывается около 270 комментариев Мэлоуна, так что удивительно, что первые шаги ученого-шекспироведа в редакторском деле оказались практически никем не замеченными.²⁴⁸ Однако они не уклонились от внимания Ритсона: в своих «Критических и пояснительных замечаниях» он не забыл упомянуть и Мэлоуна, хотя, по наблюдению Б. Бронсона, сделал это в весьма нелицеприятной форме.²⁴⁹

Издание произведений Шекспира 1790 г. под редакцией Э. Мэлоуна, в котором он учел среди прочего и редакторские рекомендации Ритсона, подготовило почву для его последователей. Таким образом, Ритсон повлиял не только на следующее поколение издателей-шекспироведов, но и на собирателей баллад, таких, как Т. Перси, с которым Мэлоуна объединяли дружеские и профессиональные отношения. Как полагает М. де Грациа, Мэлоун полностью порвал с «предпросветительскими» редакторскими методами: «...обеспокоенность Мэлоуна объективностью знаменует собой качественный переход ... к информации, точность которой проверена документами и письменными источниками».²⁵⁰ По убеждению де Грациа, именно Мэлоун первым осознал необходимость восстановления самых ранних версий произведений Шекспира на основе Первого фолио и ранних

²⁴⁸ Sherbo A. *Edmond Malone and the Johnson-Steevens 1778 Shakespeare*. P. 314.

²⁴⁹ Bronson B. *Joseph Ritson: Scholar-at-Arms*. P. 394–403.

²⁵⁰ Grazia M. *Shakespeare Verbatim: The Reproduction of Authenticity and the 1790 Apparatus*. Oxford: Clarendon, 1991. P. 5.

кварто, дабы «устранить в современных изданиях «нововведения», восходящие ко Второму фолио».²⁵¹ Именно к этой стратегии еще раньше призывал Ритсон. Правда, подобное мнение разделяется не всеми современными литературоведами: так, П. Сири утверждает, что «М. де Грация (как и сам Мэлоун) сводит к минимуму преемственность традиции исследований Шекспира в XVIII в. и предполагает (как хотелось бы и самому Мэлоуну), что Мэлоун был первопроходцем в области своих научных и редакторских интересов».²⁵² Взгляды М. де Грация также не разделяет и Э. Мерфи, считая не Мэлоуна, а Э. Кэпелла «первым шекспироведом, который подверг радикальному пересмотру идею о том, что редакторы должны использовать сконструированный ими [современный] текст в качестве основы своего издания».²⁵³

Кэпелл действительно полагал, что «его предшественники ошибались, выводя свой текст, прямо или косвенно, из Четвертого фолио», и «надеялся вернуться исключительно к старым текстам».²⁵⁴ Во введении к своему шекспировскому изданию 1768 г. он в равной степени отверг редакторские концепции как А. Поупа, так и Л. Теобалда: «оба суждения могут быть в равной степени подвергнуты сомнению».²⁵⁵ Рассуждал Кэпелл при этом не с позиции сторонника сохранения исторического контекста – в первую очередь его беспокоило небрежное сопоставление Поупом весьма ограниченного количества материалов, что «принесло его трудам дурную славу и, в конце концов, привело к их забвению».²⁵⁶ Что касается издания Теобалда, то, по мнению Кэпелла, оно «лишь немногим лучше благодаря

²⁵¹ Ibid. P. 60.

²⁵² Seary P. Lewis Theobald, Edmond Malone, and Others // Reading Readings: Essays on Shakespeare Editing in the Eighteenth Century/ ed. by J. Gondris. Madison: Fairleigh Dickinson UP, 1998. P. 113.

²⁵³ Murphy A. Shakespeare in Print: A History and Chronology of Shakespeare Publishing. Cambridge: Cambridge UP, 2003. P. 97.

²⁵⁴ Цит. по: Sen S. Capell and Malone, and Modern Critical Bibliography. Calcutta: Mukhopadhyay, 1960. P. 13.

²⁵⁵ Capell E. Mr. William Shakespeare, his Comedies, Histories, and Tragedies. L.: Tonson, 1768. P.16.

²⁵⁶ Ibid.

тому, что у него было несколько больше материала, из которого он, правда, извлекал не больше, чем другой автор [т.е. А. Поуп]...». ²⁵⁷ Редакторская стратегия самого Кэпелла была построена на «контекстуализирующих компонентах», по выражению исследователя М. Уолша. ²⁵⁸ Кэпелл подготовил корпус произведений У. Шекспира и оснастил его собственными комментариями, в которых разъяснил «некоторые конкретные шекспировские аллюзии» и предложил «общие иллюстрации лингвистического характера и обычаев, не всегда ограничивающиеся шекспировскими [т. е. примерами не из текстов У. Шекспира. – *Е.К.*]». ²⁵⁹ Примечательно, что такой подход созвучен методу, которого придерживался Ритсон во время работы над старинными текстами. Отличие заключалось в материалах, которые редакторы выбирали для себя в качестве «отправной точки» – основы для собственных изданий. Кроме того, призывы Ритсона вернуться к редактированию старых текстов, а не улучшению новейших изданий, были лучше усвоены современниками благодаря его публикациям и даже его яркому, нетривиальному и подчас дерзкому стилю ведения спора. Например, вслед за А.Б. Фридманом, можно отметить, что в четвертом томе «Памятников старинной поэзии» Т. Перси заметно меняет свой подход к редактированию публикуемых произведений, что, вероятно, стало результатом «реакции Перси на критику Ритсона в связи с его вмешательством в авторские тексты»; ²⁶⁰ произведения в четвертом издании «приближены к рукописным источникам» и демонстрируют «новые стандарты точности в редактировании баллад, выработавшиеся за тридцать лет после первой публикации «Памятников»». ²⁶¹ Издание произведений Шекспира под редакцией С.

²⁵⁷ Ibid. P.17.

²⁵⁸ Walsh M. Shakespeare, Milton, and Eighteenth-Century Literary Editing: The Beginnings of Interpretative Scholarship. P. 184.

²⁵⁹ Ibid. P. 186

²⁶⁰ Friedman A.B. Ballad Revival. Chicago: Chicago UP, 1961. P. 202.

²⁶¹ Ibid.

Джонсона и Дж. Стивенса (1778 г.) и двухтомное дополнение Э. Мэлоуна к нему (1780 г.) коренным образом изменили направление шекспировских исследований, а потому невозможно игнорировать вклад Ритсона, который «опосредованно» участвовал в редактировании великих пьес, укрепил и развил самостоятельно выработанный редакторский подход.

Можно сделать вывод, что редактирование и издание старинных произведений было интересно многим литераторам XVIII в. Этому феномену М. Уолш дал точное определение: «Редакторскую политику XVIII в. следует рассматривать не как (или не только как) адаптацию письменных источников прошлого к ценностям более поздней культуры, ... но как обдуманый, последовательный и самостоятельный феномен – сознательную попытку подлинного понимания великих авторов английской литературы».²⁶² Эту «попытку подлинного понимания» позволительно иначе назвать контекстуализацией – стремлением ученых XVIII в. изучать литературное произведение в его историко-литературном контексте. Этим занимались А. Поуп, У. Уорбертон, Л. Теобалд, Э. Кэпелл, С. Джонсон, Дж. Стивенс, Э. Мэлоун, Дж. Ритсон и другие, по-своему редактируя и комментируя произведения У. Шекспира. Ритсон был одним из немногих, кто обратил внимание на то, что его коллеги по цеху не проявляют интерес к ранним, «оригинальным» текстам,²⁶³ отдавая предпочтение современным изданиям, и сетовал на это даже в одной из последних своих работ – «Старинных английских романах в стихах» (1802).

Его вклад в развитие шекспировской текстологии можно оценить по трем критическим работам – «Критические и пояснительные замечания к

²⁶² Walsh M. Shakespeare, Milton, and Eighteenth-Century Literary Editing: The Beginnings of Interpretative Scholarship. P. 201.

²⁶³ Ritson J. Ancient English Metrical Romances. L.: Nicol, 1802. P. iii.

тексту и примечаниям последнего издания Шекспира» (1783), «Скромная насмешка» (1788) и «Беглая критика издания Шекспира, опубликованного Эдмондом Мэлоуном» (1792). По оценке биографа Ритсона Х.А. Бёрда, в «Скромной насмешке» и «Беглой критике» было предложено не так много нового – эти сочинения в большей степени пересматривали ранее предложенные редакторские идеи, зато практически все комментарии, содержащиеся в «Критических и пояснительных замечаниях», обладали научной ценностью как с текстологической, так и литературоведческой точек зрения.²⁶⁴ С. Джонсон и Дж. Стивенс учитывали критику Ритсона, особенно Стивенс, который единственный из всех коллег завязал плодотворную дружбу с Ритсоном. Критические замечания Ритсона отразились и в издании произведений У. Шекспира под редакцией Э. Мэлоуна (1790), и этот труд по сей день высоко оценивается современными литературоведами.

К сожалению, самому Ритсону не посчастливилось претворить в жизнь замысел собственного многотомного издания произведений Шекспира, о котором он честолюбиво объявил в «Критических и пояснительных замечаниях». Тем не менее, и эта идея положительно отразилась на развитии шекспировской текстологии в XVIII в.: Мэлоун увидел в Ритсоне серьезного конкурента и ускорил подготовку собственного издания.

²⁶⁴ Burd H.A. Joseph Ritson and Some Eighteenth-Century Editors of Shakespeare. P. 265.

ГЛАВА 3. Дж. Ритсон как забытый создатель цельного образа Робина Гуда

В 1795 г. Дж. Ритсон опубликовал двухтомное поэтическое собрание «Робин Гуд: собрание всех древних стихов, песен и баллад, сохранившихся до наших дней» (Robin Hood: A Collection of All the Ancient Poems, Songs, and Ballads, Now Extant Relative to That Celebrated English Outlaw: To Which are Prefixed Historical Anecdotes of His Life, 1795), посвященное популярнейшему герою английских средневековых баллад – Робину Гуду. Как следует из названия, книга содержит все старинные стихи, песни и баллады, дошедшие до Ритсона и его современников.

Собрание открывает раздел «Жизнь Робина Гуда» (The Life of Robin Hood), посвященный биографии Робина Гуда как исторического лица, и дополняется разделом «Примечания и иллюстрации» (Notes and Illustrations). Поэтическая часть собрания разделена на две части. В первую вошла «Малая жеста о Робине Гуде» (Lytell Geste of Robin Hode) и четыре наиболее известные баллады – «Робин Гуд и гончар» (Robin Hood and the Potter), «Робин Гуд и нищий» (Robin Hood and the Beggar), «Робин Гуд и Гай Гисборн» (Robin Hood and Guy of Gisborne) и «Подлинная история Робина Гуда» (A True Tale of Robin Hood). Во вторую часть вошли двадцать восемь баллад, одна из которых является вариацией «Робина Гуда и нищего» из первой части. Таким образом, поэтическая часть собрания насчитывает тридцать три текста, расположенных в хронологическом порядке, начиная с «Малой жесты о Робине Гуде», песни начала XVI в., напечатанной английским издателем Винкном де Ворде (de Worde, Wynkyn, 1455–1534), и заканчивая произведениями, взятыми из современных Ритсону антологий народных баллад.

Значение ритсоновского собрания сложно переоценить: до публикации «Английских и шотландских народных баллад» (The English and Scottish Popular Ballads, 1882–1898) Ф.Дж. Чайлда (Child, Francis James,

1825–1896) собрание Ритсона считалось единственным авторитетным источником поэтических произведений об этом знаменитом герое, к которому исследователи и читатели не переставали обращаться вплоть до начала XX в. Р. Добсон и Д. Тейлор в предисловии к книге «Баллады о Робине Гуде» (*Rymes of Robin Hood*, 1976) отмечают, что «примечания Джозефа Ритсона к его «Робину Гуду» (книге 1795 г. и более поздним изданиям) до сих пор остаются непревзойденными по качеству реконструкции легенды о Робине Гуде».²⁶⁵ Размышляя над проблемой авторитетных источников, специалисты также приходят к выводу, что «они [баллады о Робине Гуде] доступны только в больших и временами устаревших собраниях Джозефа Ритсона и Фрэнсиса Чайлда».²⁶⁶

3.1. Биография «подлинного» Робина Гуда: реконструкция Дж. Ритсона

Попытки доказать, что Робин Гуд был не только героем народного творчества, но и исторической личностью, предпринимались и до Ритсона. Два историка XVI в., Ричард Графтон (*Grafton, Richard*, 1511–1572) и Джон Стоу (*Stowe, John*, 1525–1605), подражая шотландским хронистам, на основе известных им баллад предположили, что у Робина Гуда в действительности был прототип.²⁶⁷ Позднее произведения английского драматурга Энтони Мандея (*Munday, Anthony*, 1560–1633), в создании которых также участвовал другой драматург елизаветинской эпохи Генри Четтл (*Chettle, Henry*, 1564–1606), «Падение Роберта, графа Хантингтона» (*The Downfall of Robert Earl of Huntington*, 1601) и «Смерть Роберта, графа Хантингтона» (*The Death of Robert Earl of Huntington*, 1601) положили

²⁶⁵ Dobson R.B., Taylor J. *Rymes of Robyn Hood: An Introduction to the English Outlaw*. L.: Heinemann, 1976. P. 37.

²⁶⁶ Ibid. P. IX.

²⁶⁷ Grafton R. *Abridgement of the Chronicles of England*. L.: Richardi Tottyll, 1562. P. 54; Stowe J. *Annals of England to 1603*. S.l.: S.N., 1615. P. 259.

начало представлениям о личности «настоящего» Робина Гуда, которые до сих пор используются в детской литературе и кинематографе. Ритсон же хотел не только доказать, что Робин Гуд действительно существовал, но также ставил перед собой задачу сформировать его цельный детальный образ. Это было бы сложно сделать, полагаясь исключительно на фольклорную традицию, поэтому в названии собрания Ритсона заявлены не только поэтические отрывки, но и «исторические анекдоты» (historical anecdotes) из жизни средневекового героя. Ритсон собрал воедино все обрывки сведений, которые только можно было найти, включая упоминания Робина Гуда в хрониках, пословицах, а также малоизвестных преданиях местного значения. На основе собранных материалов писатель предпринял попытку изложить биографию «исторического» Робина Гуда.

Для того чтобы попытаться идентифицировать Робина Гуда, следует сказать несколько слов о той социальной среде, в которой возникла легенда об этом средневековом герое. Период зарождения жанра баллады в Европе (XIII–XIV вв.) характеризовался предельной неоднородностью общества, в котором были обострены отношения крестьянства и дворянства. К тому же, с ростом численности свободных крестьян усиливалось и расслоение этого сословия. Разбогатевшие крестьяне-фригольдеры нередко приобретали рыцарское звание и таким образом приближались к низшим слоям феодалов. Соответственно, размышляя о создателях народных песен и хранителях этой традиции, исследователь Р.Х. Хилтон отдельно выделяет беднейший слой как носителя крестьянского фольклора, противопоставляя его более обеспеченным сословиям.²⁶⁸ С уверенностью можно сказать, что представители беднейших слоев общества, которые являлись создателями и исполнителями баллад, жили в тяжёлых условиях и, как могли, отстаивали свои права, нередко прибегая к насилию. Поэтому следует понимать, что они явно мыслили грубое окружение Робина Гуда не теми

²⁶⁸ Hilton R.H. The Origins of Robin Hood // Past & Present. 1958. No. 14. P. 34.

благородными разбойниками, какими они представлялись английскому медиевисту XX в. А.Л. Пулу²⁶⁹ или, ранее, Ф.Дж. Чайлду.

Робина Гуда часто называют «йоменом», представителем сословия йоменов (*yeomen*, *yeomanry*), и потому неудивительно, что герой стремится защищать интересы именно этой социальной группы. В этом отношении важно отметить, что смысл слова «йомен» менялся с течением времени. В XVI–XVII вв. йомен считался богатым крестьянином-фермером, который владел большей частью своей земли и мог самостоятельно нанимать подёнщиков. Таким образом, он занимал среднее положение между крестьянином и мелкопоместным дворянином. В XIII–XIV вв. дело обстояло иначе: например, йомены в «Кентерберийских рассказах» (*The Canterbury Tales*, конец XIV в.) Дж. Чосера (ок. 1340/1345–1400) оказываются слугами рыцаря или священнослужителя. Слово, используемое в балладах, вероятнее всего, относилось к крестьянам со свободным статусом.

«Жеста о Робине Гуде»,²⁷⁰ как и ранние баллады и песни демонстрируют, что Робин Гуд и его окружение способны на недвусмысленную жестокость по отношению к своим врагам, что выходит за рамки образа безусловно справедливого разбойника, однако характерно для средневекового общества с его суровой пенитенциарной системой и не менее решительным противодействием ей. Как отмечает Р.Х. Хилтон: «Если лорды считали себя вправе избивать и вешать мятежных крестьян, крестьяне отвечали при удобном случае такой же жестокостью».²⁷¹ В начале жесты Робин Гуд советует Маленькому Джону «избить и связать» (*beat and bind*) епископа, архиепископа или шерифа. В шестой части жесты Робин пронзает шерифа Ноттингема стрелой, а затем отрубает мечом его голову.

²⁶⁹ См.: Poole A.L. *From Domesday Book to Magna Carta, 1087–1216*. Oxford: Clarendon Press, 1955.

²⁷⁰ Жеста (*geste*) или «деяния» – особый жанр средневековой литературы, рассказывающий о боевых и куртуазных заслугах героев.

²⁷¹ Hilton R.H. *The Origins of Robin Hood*. P. 36.

После смертельной схватки между Робинем и сэром Гаем Гисборном (Sir Guy of Gisbourne, также встречается написание Gisburne, Gisborne, Gysborne и Gisborn) из одноименной баллады Робин отрезает голову мертвого противника и насаживает ее на острый конец лука. В «Робине Гуде и монахе» (Robin Hood and the Monk) Маленький Джон берет в плен монаха, который передал Робина шерифу. Он отрубает голову не только монаху, но и Мачу (Much), маленькому пажу, чтобы исключить возможность предательства. Смерть Робина Гуда от рук настоятельницы Киркклиса в балладе «Смерть Робина Гуда» (Robin Hood's Death) столь же жестока, как и рассказы о некоторых деяниях разбойника:

She took him by the lilly-white hand,
And led him to a private room,
And there she blooded bold Robin Hood,
Whilst one drop of blood would run.
She blooded him in the vein of the arm,
And lock'd him up in the room ;
There did he bleed all the live-long day,
Untill the next day at noon.²⁷²

Открывающий собрание раздел «Жизнь Робина Гуда» занимает одиннадцать страниц, включая обширную цитату из топографической поэмы «Поли-Албион» (Poly-Olbion, 1612) М. Дрейтона (Drayton, Michael, 1563–1631). В соответствующем разделе книги Ритсон предоставляет читателю общие сведения о жизни фольклорного героя: Роберт Фицут (Robert Fitzooth; якобы настоящее имя Робина Гуда) родился в 1160 г. в Локсли и мог претендовать на титул графа Хантингтона, если бы не был

²⁷² Зд. и далее цит. по: Ritson J. Robin Hood: A Collection of All the Ancient Poems, Songs, and Ballads, Now Extant, Relative to That Celebrated English Outlaw. L.: J. C. Nimmo, 1885. P. 336–337.

осуждён за неуплату долгов, из-за чего был вынужден скрываться в лесах. В скитаниях к нему присоединились Маленький Джон (Little John), Уильям Скэдлок (William Scadlock), Джордж Зеленый (George a Green), Мач (Much), монах Тук (Tuck) и дева Мэриэн (Maid Marian). Будучи в преклонном возрасте, он заболел и обратился к своей двоюродной сестре, настоятельнице монастыря в Кирклисе, с просьбой сделать ему кровопускание. Однако настоятельница, вступив в сговор со своим любовником сэром Роджером Донкастером, выпустила Робину Гуду всю кровь, тем самым убив его. Так он умер 12 ноября 1247 г. в возрасте восьмидесяти семи лет.²⁷³

Скромный объем первого, биографического, раздела собрания компенсируется следующими далее «Примечаниями и иллюстрациями», которые занимают более ста страниц. Каждое утверждение из предшествующего раздела подкрепляется сложной и часто запутанной (а подчас даже противоречивой) системой доказательств с многочисленными цитатами из старинных и современных Ритсону источников. Дж.Т. Макнат, оценивая собранное Ритсоном, замечает, что «к сегодняшнему дню прибавилось на удивление мало [баллад о Робине Гуде]»²⁷⁴ – всего одна ранее не изученная сатирическая баллада начала XVIII в., которую обнаружил биограф Ритсона С. Басдео в 2015 г., что еще раз подчеркивает масштаб проделанной писателем работы.

3.2. Социополитический контекст подготовки собрания «Робин Гуд» Дж. Ритсона

Не следует забывать, что Ритсон трудился над своим собранием на рубеже XVIII–XIX вв., во времена Французской революции, которая серьёзно повлияла на политические взгляды писателя, ставшие

²⁷³ Ibid. P. v–xi.

²⁷⁴ McNutt G.T. Joseph Ritson and the Publication of Early English Literature. P. 165.

бескомпромиссно либеральными. С ними также сочеталось сознаваемое и отстаиваемое им право свободно высказываться о прошлом своей страны. В юности Ритсон был горячим сторонником восстановления династии Стюартов на английском престоле, но постепенно отошёл от монархических идеалов, что наглядно видно по тому, как в 1780-е гг. он комментировал в письмах политическую ситуацию в стране.²⁷⁵ Особенно заметно политическая позиция писателя радикализировалась после лондонского бунта лорда Гордона (Gordon Riots, 2–9 июня 1780 г.), который пришёлся на 2–9 июня 1780 г. и стал самым разрушительным мятежом в Англии в XVIII в.

События 1780 г. были спровоцированы принятием ряда законопроектов о помощи Римско-католической церкви (Roman Catholic Relief Bills, 1778 г.), которые еще больше ограничили свободу вероисповедания и обязывали католиков присягать на верность Георгу III, открыто отрекаясь от свергнутой династии Стюартов. Ритсон стал очевидцем массовых беспорядков, вызванных серией этих мер, и описал их 7 июня 1780 г. в письме своей семье: «... царящее здесь смятение помешало мне написать раньше. Общий дух недовольства давно нарастал в народе: он, наконец, вырвался наружу в лондонском низшем сословии».²⁷⁶ На четвертый день беспорядки окончательно вышли из-под контроля властей. Если вначале они носили антикатолический характер, то теперь силы протестующих были направлены против всех богатых людей, вне зависимости от их религиозных убеждений: «Пятеро бандитов были отправлены в Ньюгейт, смотритель отказался освободить их, и вчера вечером их товарищи сожгли дотла [Ньюгейтскую тюрьму] и отпустили на свободу не только своих, но и всех должников и преступников, трое или четверо из которых должны были быть казнены в течение нескольких дней

²⁷⁵ The Letters of Joseph Ritson / Ed. by J. Frank. L.: William Pickering, 1833. P. 13–17.

²⁷⁶ Ritson J. Letter VI // The Letters of Joseph Ritson / Ed. by J. Frank. L.: William Pickering, 1833. P. 14–15.

... В доме сэра Джона Филдинга также было все разграблено, мебель и т.п. сожжены на улице ... Сегодня утром сгорел дом лорда Мэнсфилда на Блумсбери-сквер ... Говорят, что загородная резиденция лорда Мэнсфилда, примерно в четырех милях от города, сейчас охвачена пламенем ... Грозятся уничтожать дома и убивать знатных людей, епископов и дворян».²⁷⁷ Хотя якобинская идеология окончательно завоюет мысли Ритсона после поездки во Францию в 1791 г., события 1780 г. подготовили для нее благодатную почву.

В Великобритании XVIII в. главенствовали две основные политические силы: тори и виги. И хотя старая партия тори, симпатизирующая якобитам, к 1760 г. распалась на несколько близких по взглядам к вигам групп, термин «тори» продолжал применяться к тем, кто поддерживал королевскую власть и верил в необходимость сохранения сильной монархии и главенствующую роль англиканской церкви. Виги, напротив, подчеркивали необходимость ограниченной власти монарха, боролись за свободу торговли внутри страны и, в сущности, были партией, представляющей интересы третьего сословия (среднего класса). Антиганноверские взгляды Ритсона вскоре переросли в республиканские, и он пришел к идее революции, которая должна была коренным образом преобразовать социальное устройство Великобритании. Это совпало по времени с революцией во Франции, которую Ритсон с энтузиазмом приветствовал. В августе 1791 г. он вместе со своим другом, английским композитором У. Шилдом прибыл в Париж, и там его, в первую очередь, поразил уровень развития свободной журналистики. И богатые, и бедные представители французского общества пристально следили за последними политическими новостями, которые освещались с разнообразных точек зрения. Ранее вся власть во Франции принадлежала королю и небольшой группе приближенных, которые контролировали все сферы общественной

²⁷⁷ Ibid. P. 16.

жизни, включая прессу: до 1789 г. газеты должны были получать королевскую лицензию, из-за чего подвергались жесткой цензуре. С созывом Генеральных штатов в мае 1789 г. для журналистов был создан официальный свод правил, и до 1799 г. успело появиться более тысячи новых газет и периодических изданий, в сложившейся политической обстановке неподконтрольных властям; в свет выходило множество памфлетов, брошюр, выражающих самые разные политические позиции.

Помимо свободы прессы Ритсону импонировала «Декларация прав человека и гражданина» (фр. *Déclaration des Droits de l'Homme et du Citoyen*), принятая Национальным учредительным собранием (фр. *Assemblée nationale constituante*) 26 августа 1789 г. Писатель даже сетовал на то, что в Великобритании нет ничего подобного. Однако в конечном счете опыт Французской революции убедил его в том, что, перед тем как осуществлять социальные преобразования, британцам следует увериться в наличии у страны ресурсов, которые позволят пережить нелегкие времена.²⁷⁸ Поэтому Ритсон избрал путь писателя, а не политического деятеля, сохранив при этом радикальный настрой, который чувствуется в сконструированном им образе Робина Гуда.

Ф.Дж. Чайлд резонно полагал, что Робин Гуд «не был политическим деятелем»,²⁷⁹ и этот фольклорный герой действительно не участвовал в политической жизни страны напрямую. Однако старинные баллады позволяют проследить способы взаимодействия Робина Гуда с некоторыми представителями власти. Так, в «Малой жесте о Робине Гуде» Маленький Джон предлагает Робину Гуду отобедать, но тот отказывается делать это без гостя, который мог бы заплатить за еду, и посылает своих людей на поиски такого человека. Маленький Джон обращается к нему с вопросом о

²⁷⁸ Basdeo S. *Discovering Robin Hood: the life of Joseph Ritson – Gentleman, Scholar and Revolutionary*. P. 95–103.

²⁷⁹ Child F.J. *English and Scottish Popular Ballads*. P. 43.

том, как следует вести себя с представителями разных сословий, и получает ответ:

No more ye shall no good yemàn,
That walketh by grene wode shawe,
Ne no knyght, ne no squyèr,
That wolde be a good felawe.
These bysshoppes, and thyse archebysshoppes,
Ye shall them bete and bynde ;
The hye sheryfe of Notynghame,
Hym holde in your mynde.
This worde shall be holde, sayd Lytyll Johan,
And this lesson shall we lere ;
It is ferre dayes, god sende us a gest,
That we were at our dynere.²⁸⁰

Робин Гуд велит товарищу не причинять вреда крестьянам, йоменам или джентльменам, но в то же время грабить при встрече епископов, архиепископов и шерифа Ноттингема. Маленький Джон, сын мельника Мач и Уильям Скарлок отправляются на поиски подходящего гостя и встречаются Печального Рыцаря (Sorrowful Knight). Робин Гуд и его окружение преклоняют перед рыцарем колена и оказывают тому теплый прием, однако довольно скоро Робин Гуд объявляет, что гость должен заплатить перед отъездом, поскольку йомену не подобает угождать рыцарю. У гостя оказывается с собой лишь десять шиллингов, и он объясняет причины своего бедственного положения: рыцарь занял деньги у аббата церкви Св. Марии в Йорке и предложил все свои земли в качестве залога. Когда же настал день погашения, денег у него не оказалось. Узнав эту историю, Робин Гуд одалживает рыцарю достаточную сумму, переодевает и

²⁸⁰ Ritson J. Robin Hood. P. 5.

отправляет с ним в качестве сопровождающего Маленького Джона. Вместе они прибывают к аббату, окружённому состоятельными друзьями, среди которых представитель высокого суда Англии. Рыцарь вновь просит отсрочки и получает мгновенный отказ, после чего, к досаде уже считающего землю своей аббата, рыцарь бросает деньги на стол и уходит. Сюжет демонстрирует безнравственность недостойного аббата и христианское милосердие йомена-разбойника.

В старинных балладах о Робине Гуде неоднократно появляется шериф Ноттингема – самый известный (благодаря балладной традиции) шериф эпохи Плантагенетов. Например, в третьей части «Малой жести» Маленький Джон, переодетый Рейнолдом Гренелефом (Reynold Grenelefe; «псевдоним» Маленького Джона) из Холдернесса (область на северо-восточном побережье Англии) демонстрирует мастерство на соревнованиях по стрельбе из лука в Ноттингеме, и за это шериф берёт его к себе на службу. Рейнолд устраивает в его доме мелкие каверзы и даже ввязывается в драку с поваром. Но вскоре противники становятся друзьями и сбегают из дома шерифа с украденным серебром и деньгами.

Притворяясь Рейнолдом, Маленький Джон заманивает шерифа к Робину Гуду, где его раздевают до рубахи и штанов и, заставив лечь на землю, оставляют в таком виде на всю ночь. В обмен на свободу разбойники хотят взять с шерифа обещание обеспечить неприкосновенность Робина Гуда и его людей. Конечно, впоследствии шериф нарушает обещание: в пятой части баллады Робин и его соратники отправляются в Ноттингем соревноваться в стрельбе из лука и всех обыгрывают. После соревнования посетители ярмарки начинают кричать и трубить в рожки – помощники шерифа выпускают стрелы в людей Робина Гуда и тем самым нарушают данное ранее шерифом обещание. Многие из товарищей разбойника ранены, в том числе Маленький Джон, которому стрела попадает в колено. Он просит друзей обезглавить его, чтобы ни в коем случае не оказаться во власти шерифа, но этого не происходит. Разбойники убегают и укрываются

неподалеку в замке Печального рыцаря – сэра Ричарда из Ли (Sir Richard at the Lee). Рыцарь помогает разбойникам, однако в шестой части баллады шериф застаёт его врасплох и заключает в тюрьму. Далее по просьбе жены рыцаря Робин Гуд и множество его последователей штурмуют Ноттингем, убивают шерифа и спасают рыцаря.

Иная судьба ожидает шерифа в балладе «Робин Гуд и Гай Гисборн». Робину Гуду снится, что на него нападают несколько йоменов. Проснувшись, он решает найти их: вместе с Маленьким Джоном они обыскивают лес и в конце концов случайно встречаются с Гаем Гисборном, одетым в лошадиную шкуру. Маленький Джон и Робин Гуд спорят о том, кто будет соревноваться с Гисборном. В итоге Джон уходит и вскоре обнаруживает, что шериф со своими людьми ищет в лесу Робина Гуда, а попытки воспрепятствовать этому приводят к тому, что шериф берет Джона в плен. Тем временем Робин и Гисборн (ещё не открывая друг другу настоящих имен) соревнуются в стрельбе из лука. Только после победы Робин открывает, кто он. Гай Гисборн, преследующий Робина Гуда с целью получить вознаграждение за его голову, вступает в бой и проигрывает. Так Робин убивает Гая Гисборна, и, поскольку тот был другом шерифа, разбойник надевает на себя его одежду из конской кожи и трубит в его рог, чтобы шериф явился на встречу с приятелем. Шериф не подозревает, что перед ним переодетый в одежду Гисборна Робин Гуд, и предлагает ему любую награду, которую тот попросит. Тогда Робин Гуд просит позволения убить пленного Маленького Джона, но, конечно же, делает противоположное и освобождает Джона при помощи своего «ирландского ножа» (Irish kniffe).²⁸¹

Свидетельства о жизни крестьян за полтора века до крупного крестьянского восстания Уота Тайлера (The Peasants' Revolt; Wat Tyler's Rebellion; the Great Rising), охватившего в 1381 г. почти всю Англию,

²⁸¹ Ibid. P. 125.

позволяют предположить, что недовольство сельских жителей Англии налагаемыми на них налогами и податями, а также притеснениями со стороны лендлордов было повсеместным. До середины XIV в. жалобы крестьян касались в основном высокой арендной платы помещикам и сопутствующих ей сборов, серьёзно ограничивавших личную свободу должников. С середины XIV в. добавилась еще одна причина для недовольства – попытки вводить частичное замораживание заработной платы в 1349 и 1351 гг. Совокупность ограничений экономического и правового характера, затрагивающих как зажиточных, так и бедных крестьян, по всей видимости, и дала жизнь балладам о Робине Гуде. В этот контекст хорошо встраивается образ шерифа как главного врага йоменов: в XIII – начале XIV вв., прежде чем появились мировые судьи и система регуляции прав арендаторов, шериф был основным представителем власти. Прежде всего, он регулировал финансовые вопросы, выполнял все административные функции (включая право на арест имущества, вручение повесток, арест обвиняемых, бунтовщиков и т.д.) и часто злоупотреблял своими полномочиями.²⁸²

Что касается священнослужителей – они не пользовались народной симпатией не по религиозным соображениям, а потому что представлялись простому народу частью безжалостного помещичьего гнёта. Именно землевладельцы духовного звания, как правило, обладали ничем не ограниченными правами. Поэтому в балладах о Робине Гуде аббат церкви Св. Марии был таким же объектом крестьянской сатиры, как и шериф.

В собрании «Робин Гуд» Ритсон впервые выступает не только с позиции ученого-антиквария, руководствующегося объективными фактами и беспристрастно отбирающего материал, но и с позиции политического радикала и атеиста, поэтому его Робин Гуд – заклятый враг погрязшего в

²⁸² Buckwold T.M. From Sherwood Forest to Saskatchewan: The Role of the Dheriff in a Redesigned Judgment Enforcement System // Saskatchewan Law Review. 2003. V. 1. No. 66. P. 227–230.

земных излишествах, купленного сильными мира сего духовенства и преступной тирании. Отсутствие письменных сведений о Робине Гуде как историческом лице Ритсон объясняет преднамеренной попыткой религиозных и политических властей уничтожить память о сопротивляющейся им влиятельнейшей силе. Таким образом, актом сопротивления Ритсона становится само стремление сохранить образ Робина Гуда как действительно существующую историческую личность.

3.3. Йомен или дворянин? Робин Гуд как враг преступной тирании

Согласно концепции Ритсона, настоящим именем Робина Гуда было Роберт Фицут, которое видоизменилось со временем из-за «вульгарного произношения».²⁸³ Он оспорил тезис, выдвинутый в 1793 г. в ежемесячнике «Джентльменс Мэгезин». Автор журнальной заметки, подписавшийся инициалами Д.Х. (D.H.), полагал, что «Hood» – всего лишь имитация слова «дерево» (wood). Следует сказать, что обе гипотезы нашли своих сторонников в XIX в.: английский антикварий и издатель Т. Райт (Wright, Thomas, 1810–1877) отчасти следует за Ритсоном, предполагая, что с именем Робина Гуда произошли изменения, похожие на те, благодаря которым возникли многочисленные варианты произношения имени немецкого духа Хёдекин (Hudekin).²⁸⁴ На других позициях стоял Ф.Дж. Чайлд, поддержавший точку зрения Д.Х. в своих «Английских и шотландских балладах». Ссылаясь на легендарный образ французской традиции Робина де Буа (Robin de Bois), Чайлд предполагал, что Гуд (Hood) – не фамилия героя, а название места, где он живет: «Естественным убежищем и оплотом разбойника были леса. Поэтому латинские писатели

²⁸³ Ritson J. Robin Hood. P. iii.

²⁸⁴ Wright T. Essays on Subjects connected with the Literature, Popular Superstitions and History of England in the Middle Ages. L.: J.R. Smith, 1846. P. 207–208.

называют его «*silvaticus*» (лесной, живущий или растущий в лесу, дикий), а норманны – «*forestier*» (лесником) ... Ранее предполагалось, что Робин Гуд – искаженная или диалектная форма фразы «Робин из леса» (*Robin of the Wood*), и если вспомнить, что в некоторых частях Англии слово «лес» произносится как «*hood*» (совр. англ. *Wood* – дерево) и что разбойник во многих языках носит имя, описывающее его жилище, то эта идея не покажется праздной фантазией». ²⁸⁵

Одной из главных задач Ритсона стало выяснение происхождения Робина Гуда, причем особенно важно было доказать благородство его крови, что объясняется несколькими причинами. Во-первых, главный литературный оппонент Ритсона Т. Перси в «Памятниках старинной английской поэзии» оспаривал принадлежность Робина Гуда к высшим слоям общества, и это Ритсон отразил в разделе «Примечания и иллюстрации». Неоднократно обращаясь к своему давнему сопернику, писатель стремился отстоять противоположную Перси точку зрения. Например, исследуя обстоятельства смерти разбойника, он пишет: «Следующая цитата может оказаться полезной доктору Перси, который имел удовольствие подвергнуть сомнению благородство нашего героя, так как «в самых древних поэмах не упоминается это «графство»», а старинная легенда прямо гласит, что он «был йоменом». Это совершенно верно; но здесь [в двух тесно связанных пьесах Э. Мандея и Г. Четтла «Падение графа Хантингтона» и «Смерть Роберта, графа Хантингтона». – *Е.К.*] мы должны не только обнаружить его [Робина Гуда] титул, но и раскрыть секрет того, что он попросту не представлялся, как ему подобало, и не предназначался для него [т.е. отказался от титула. – *Е.К.*] ... Итак, причина, по которой «в самых древних поэмах не упоминается это «графство»», а старая легенда прямо гласит, что он «был йоменом», с достаточной очевидностью заключается в том, что, следуя своему собственному уставу, ни он [Робин

²⁸⁵ Child F.J. *English and Scottish Ballads*. P. xxiv–xxv.

Гуд], ни его последователи, ни его окружение никогда не называли его никаким другим именем, кроме как Робин Гуд...».²⁸⁶ Стоит вспомнить и тот факт, что антикварий XVIII в. Уильям Стюкли (Stukeley, William, 1687–1765) сфальсифицировал родословную, прослеживающую происхождение Робина Гуда (предположительно современника Ричарда I) от баронов периода Нормандского завоевания Англии. В оценке данной фальсификации Т. Перси оказался более догадлив и решительно опроверг ее подлинность, в то время как Ритсон, напротив, использовал эту родословную в реконструкции жизни средневекового разбойника. Не остается сомнений в том, что в подобных случаях писатель принимал те факты, которые соответствовали его собственным представлениям о фигуре Робина Гуда, а также действовал из чувства протеста, продолжая конкурировать с Перси с целью скомпрометировать его авторитет в глазах ученой публики.

В своем стремлении составить исторический портрет Робина Гуда Ритсон не отклонялся от основ выработанной им самим редакторской концепции, которая предписывала руководствоваться только установленными источниками. При подготовке собрания писатель осуществил масштабную антикварную работу, отыскивая, приобретая и редактируя большое количество старинных рукописей. Несмотря на сопутствующие трудности, писателю удалось собрать материалы из коллекций Британского музея, университетских библиотек и частных коллекций. Практически все научные находки Ритсона задокументированы как в библиотечных книгах, так и в его письмах, хотя Дж.Т. Макнат предприняла не увенчавшуюся успехом попытку установить, когда и каким образом писатель получил доступ к балладам, собранным офицером британской армии и библиофилом Т. Пирсоном (Pearson, Thomas, c. 1740–1781). В 1788 г. собрание Пирсона было куплено герцогом Роксбургом (Ker,

²⁸⁶ Ritson J. Robin Hood. P. lxiv–lxv.

John, 3rd Duke of Roxburghe, 1740–1804).²⁸⁷ Известно, что в письме 1803 г. Ритсон упоминает о посещении библиотеки Роксбурга для сопоставления изданий баллад, найденных в собрании А. Рэмзи «Стихи за чаепитием», однако это произошло уже после публикации ритсоновского собрания.

Примечания Ритсона полны ссылок на всевозможные источники, рукописи и высказывания авторитетных писателей. Так, обстоятельства рождения Робина Гуда Ритсон изложил с опорой на манускрипты из хранящегося в Британской библиотеке собрания рукописей натуралиста и коллекционера Ханса Слоуна (Sloane, Hans, 1660–1753), и каждое свое предположение подтверждал соответствующими цитатами. Он обращался к труду историка Т. Фуллера «Герои Англии» (*Worthies of England*, 1662)²⁸⁸ и «Истории Великобритании, как Англии, так и Шотландии» (*Historia Majoris Britanniae, tam Angliae quam Scotiae*, 1521) Дж. Мейджора,²⁸⁹ «Шотландской хронике» (лат. *Scotichronicon*, XV в.) шотландского летописца У. Боуэра²⁹⁰ и т.д. Ритсон определил, что рукописи из собрания Слоуна датируются XVI в. и не ставил под сомнение авторитетность данного источника.²⁹¹ Однако обнаруживается и некоторая непоследовательность редакторского выбора: «Один современный писатель, хотя и не обладающий авторитетом в данном вопросе, сделал достаточно, чтобы утверждать, что [Робин Гуд] жил «во дни аббата Ричарда и его последователя Питера»; то есть между 1176 и 1211 гг.». ²⁹² Ритсон имеет в виду английского топографа Л. Чарлтона (Charlton, Lionel, 1720–1788) и его труд «История Уитби и аббатства Уитби. Собрание оригинальных записей Аббатства и других подлинных воспоминаний, никогда ранее не обнародованных» (*The History of Whitby, and Whitby*

²⁸⁷ McNutt G.T. *Joseph Ritson and the Publication of Early English Literature*. P. 169.

²⁸⁸ Ritson J. *Robin Hood*. P. xv–xvi.

²⁸⁹ *Ibid.* P. iv, ix, xli.

²⁹⁰ *Ibid.* P. xliv.

²⁹¹ *Ibid.* P. xv.

²⁹² *Ibid.* P. xvi.

Abbey. Collected from the Original Records of the Abbey, and Other Authentic Memoirs, Never Before Made Public, 1779).²⁹³ Полагаться на собранные Чарлтоном свидетельства было бы некорректно, ведь Ритсон не признает его достаточно авторитетным в своей области, и, тем не менее, писатель использует его идеи в поддержку своей гипотезы. После приведенной цитаты он выдвигает следующее утверждение: «Автор двух пьес, посвященных истории нашего героя [т.е. Э. Мандей], о которых в дальнейшем будет дан особый отчет, делает его [Робина Гуда] современником короля Ричарда ... Следовательно, мы не должны принимать во внимание то, что говорится такими, как, например, автор «Джордж-э-Грин, гуртовщик из Уэйкфилда», который представляет нашего героя современником короля Эдуарда IV».²⁹⁴ Отметим, что пьесы Э. Мандея и Г. Четтла «Падение Роберта, графа Хантингтона» (1601) и «Смерть Роберта, графа Хантингтона» (1601) и пьеса «Джордж-э-Грин» (George a Greene the Pinner of Wakefield, 1599), приписываемая английскому драматургу и памфлетисту Р. Грину (Greene, Robert, 1558–1592), были написаны приблизительно в одно время. Последнее произведение основано на балладе о Робине Гуде и веселом гуртовщике из Уэйкфилда (Robin Hood and the Pinder of Wakefield), но Ритсон игнорирует данный факт, так как он противоречит его «робингудовской» концепции.

Одна из главных претензий исследователя К.К. Морленд к концепции Ритсона сводится к невозможности сопоставить некоторые факты о смерти Робина Гуда с «Видением о Петре Пахаре» У. Ленгленда – именно в этой аллегорической поэме обнаруживается самое раннее упоминание о средневековом герое.²⁹⁵ «Видение о Петре Пахаре» К.К. Морленд датирует 1362 г., то есть речь идет о времени спустя сто лет после указанной Ритсоном даты смерти героя. Первым хронистом, упомянувшим Робина

²⁹³ Charlton L. The history of Whitby, and Whitby Abbey. L.: A. Ward, 1779.

²⁹⁴ Ritson J. Robin Hood. P. xvi–xvii.

²⁹⁵ Moreland C.C. Ritson's Life of Robin Hood // PMLA. 1935. V. 50. No. 2. P. 527–528.

Гуда между 1377 и 1384 гг., был Иоанн Фордунский (ум. ок. 1384), автор «Хроник шотландской нации» (лат. *Chronica gentis Scotorum*). Данное несоответствие Ритсон объясняет так: «Главной, если не единственной причиной, по которой наш герой ни разу не упоминается ни Матвеем Парижским [Matthew Paris, 1200–1259; английский хронист, монах-бенедиктинец. – *Е.К.*], ни Бенедиктом из Питерборо [Benedictus Abbas, 1135–1193; английский церковный иерарх, настоятель собора в Питерборо. – *Е.К.*], ни каким-либо другим древнеанглийским историком, заключалась, скорее всего, в его откровенной враждебности к церковникам; а историю в прежние времена писали только монахи».²⁹⁶ Антикварий Т. Райт ставит под сомнение сознательное намерение ранних историков не упоминать имена открытых врагов церкви и не находит ответа на вопрос, почему тот факт, что Иоанн Фордунский и Мейджор были «иностранцами», как-то повлиял, по мысли Ритсона,²⁹⁷ на их «профессиональную солидарность».²⁹⁸

Многообразие источников собрания поражает, хотя сам Ритсон, как он делал и в предисловиях к другим своим книгам, продолжал сетовать на недостаточный объём материала: «В самом деле, он [Ритсон, составитель собрания. – *Е.К.*] не может делать вид, что его исследования, какими бы обширными они ни казались, увенчались успехом, которого он мог бы желать...».²⁹⁹ Однако «Робин Гуд» отличается от всех предыдущих трудов Ритсона, и в значительной степени на это повлиял его опыт текстологического анализа шекспировских произведений, рассмотренный в Главе 2 настоящей диссертации. Примечательно, что в неизданном «Каталоге рыцарских романов в стихах» (*Catalogue of Romances*) писатель планировал опубликовать материалы, взятые из частных собраний Р. Фармера, Дж. Стивенса, И. Рида и Ф. Доуса (Douce, Francis, 1757–1834) –

²⁹⁶ Ritson J. *Robin Hood*. P. xv.

²⁹⁷ *Ibid.*

²⁹⁸ Wright T. *Essays on Subjects Connected with the Literature, Popular Superstitions and History of England in the Middle Ages*. P. 202.

²⁹⁹ Ritson J. *Robin Hood*. P. i.

ученых, которые в той или иной степени были вовлечены в исследование произведений Шекспира. В разделе «Примечания и иллюстрации» собрания «Робин Гуд» Ритсон продолжал обращаться к работам своих литературных оппонентов, но уже в более благожелательном ключе. Например, Э. Мэлоун в своем издании шекспировских произведений назвал Э. Мандея и Г. Четтла авторами пьес о Робине Гуде, и Ритсон отразил эту оценку в собрании: «Эти две пьесы, обычно называемые первой и второй частями «Робина Гуда», со слов Киркмана,³⁰⁰ всегда ложно приписывались Томасу Хейвуду,³⁰¹ пока мистер Мэлоун, к счастью, не восстановил имена настоящих авторов, Энтони Мандея и Генри Четтла».³⁰²

Уверенность Ритсона в дворянском происхождении Робина Гуда была весьма примечательной. Несмотря на то, что почти во всех балладах средневековый герой выступает в качестве йомена, внимание писателя привлекло другое обстоятельство: «В «старинной и древней брошюре», которую видел летописец Графтон, было написано, что «этот человек благородного происхождения». В манускрипте из Слоанского собрания говорится: «Он был <...> происхождения»; и хотя данное слово неразборчиво, по смыслу, очевидно, подходит «благородного»».³⁰³ К тому же, в списке художественных произведений, посвященных Робину Гуду, Ритсон довольно часто упоминает две пьесы Э. Мандея и Г. Четтла (которые нередко объединяют в один цикл), благодаря которым он получил дополнительное подтверждение своей гипотезы.

³⁰⁰ Фрэнсис Киркман (Kirkman, Francis, 1632–с.1680) – английский издатель, писатель и библиограф.

³⁰¹ Томас Хейвуд (Heywood, Thomas, ок. 1570–1641) – английский драматург и актер.

³⁰² Ibid. P. 1.

³⁰³ Ibid. P. xviii.

3.4 Преодолевая влияние елизаветинской традиции: радикализация образа Робина Гуда

В елизаветинскую эпоху легенда о Робине Гуде как бы получила «второе дыхание», соответственно, в ритсоновском собрании две тесно связанные друг с другом пьесы Энтони Мандея и Генри Четтла «Падение Роберта, графа Хантингтона» (1601) и «Смерть Роберта, графа Хантингтона» (1601) служили основным источником сведений о знатном происхождении Робина Гуда и его графском титуле. Прежде в балладной традиции Робин Гуд никогда не представлял титулованной особой. Хотя сегодня эти пьесы известны мало, они коренным образом преобразили легенду о средневековом герое. Отныне он изображался не йоменом-преступником, а аристократом, который из-за заговора завистливых придворных утратил свое положение. Причина же, по которой Робин Гуда объявили преступником, заключалась в его верности королю Ричарду. Мандей не стал останавливаться на радикальных политических взглядах героя и таким образом, вместо того, чтобы бросать вызов власти, в его пьесах Робин Гуд стал сторонником установленного порядка. М. Скура отмечает, что вскоре после успеха пьесы на сцене театра «Роза» для соперничающей с последним труппы «Слуги лорда-камергера» Шекспир сочинил пасторальную комедию «Как вам это понравится» (*As You Like It*, 1623) о живущем в изгнании дворянине.³⁰⁴ Сам Робин Гуд постепенно начал ассоциироваться с утратившим свой прежний социальный статус изгнанником. Р. Добсон и Д. Тейлор утверждают, что пьеса Мандея и Четтла была, с одной стороны, «самой своевольной и бесцеремонной» в обращении с фольклорными сюжетами и «несомненно, самой влиятельной из всех драматических произведений о Робине Гуде» с другой.³⁰⁵

³⁰⁴ Skura M. Anthony Munday's "Gentrification" of Robin Hood // *English Literary Renaissance*. 2003. V. 2. No. 33. P. 155.

³⁰⁵ Dobson R.B., Taylor J. *Rymes of Robyn Hood*. P. 44.

Эпиграфом к собранию «Робин Гуд» 1795 г. служит цитата, взятая из топографической поэмы «Поли-Албион» (1612) М. Дрэйтона:³⁰⁶

In this our spacious isle I think there is not one,
But he "of Robin Hood hath heard" and Little John;
And to the end of time the tales shall ne'er be done
Of Scarlock, George a Green, and Much the miller's son,
Of Tuck, the merry friar, which many a fermon made
In praise of Robin Hood, his out-laws, and their trade.

Дрэйтон подчеркнул широкую известность Робина Гуда в народе, которая не ослабла к началу семнадцатого столетия. Хотя в XVII в. образ этого героя приобрел иные черты, он перестает восприниматься опасным преступником: например, в незаконченной пьесе Бена Джонсона «Печальный пастух, или Сказка о Робине Гуде» (The Sad Shepherd, or, A Tale of Robin Hood, 1641) Робин Гуд изображается «предводителем лесников и знатоком пиров» (Chief Woodsman, and Master of the Feast).³⁰⁷ Кроме того, в пьесе Джонсона герой не занимается воровством, а созывает всех пастухов и пастушек долины Бельвуар на пир в Шервудском лесу, на котором и узнает, что пастух Эгламур (Aeglamour) опасается гибели своей возлюбленной. Ритсоновский Робин Гуд также вбирает в себя качества такого «добропорядочного хозяина» (gentle master),³⁰⁸ но отказывается от лояльности власти и, несмотря на собственное благочестие, становится заклятым врагом безнравственного, лицемерного духовенства. «Наш герой, по-видимому, вызывал у епископов, аббатов, священников и монахов, одним словом, у всего духовенства, как обычного, так и светского, явное

³⁰⁶ См.: Andrews M.C. Michael Drayton, Shakespeare's Shadow // Shakespeare Quarterly. 2014. V. 65. No. 3. P. 273–306.

³⁰⁷ Jonson B. The Sad Shepherd, or, A Tale of Robin Hood. L.: J. Nichols, 1784. P. 6.

³⁰⁸ Ritson J. Robin Hood. P. 12.

отвращение», – пишет Ритсон в «Примечаниях и иллюстрациях», подкрепляя свое утверждение цитатой из «Жесты о Робине Гуде»:

These byshoppes and thyse archebyshoppes,
Ye shall them bete and bynde.³⁰⁹

В контексте 1795 г. нападки на духовенство имели очевидную связь с распространением атеизма и революционными событиями во Франции. Отметим, что отношение Робина Гуда и его окружения к шерифу и аббату странным образом противоречит их отношению к самому крупному из всех землевладельцев – королю. В «Жесте о Робине Гуде» король отвечает на просьбу шерифа приехать, чтобы наказать сэра Ричарда за сокрытие преступника. Рыцарские земли конфискованы и предложены в качестве вознаграждения тому, кто сможет принести его отрубленную голову королю. Однако короля предупреждают, что пока сэр Ричард находится под защитой Робина Гуда, любой посягнувший на жизнь рыцаря рискует лишиться собственной головы. Тогда по совету одного из приближенных король отправляется в лес, переодевшись монахом, в надежде хитростью договориться с преступниками. В ходе этой встречи Робин Гуд и рыцарь добиваются помилования, король принимает от разбойника ливрею зеленого цвета из линкольнского сукна, а Робин Гуд отправляется на пятнадцать месяцев к королевскому двору на службу.

В Средние века крестьяне не видели в короле первого среди лендлордов, охраняющего власть и привилегии своего сословия.³¹⁰ Они считали монарха источником справедливости, которая в свою очередь подразумевала защиту от тех, кто их угнетал (то есть своих помещиков), а также от местных чиновников, которые защищали злоупотребляющее властью лицо (шерифа) и помогали ему. Отраженные в балладах о Робине

³⁰⁹ Ibid. P. ix–x.

³¹⁰ Hilton R.H. The Origins of Robin Hood. P. 42.

Гуде чаяния и иллюзии английских крестьян относительно того, что король в действительности может быть на их стороне, показывают, что их бунтарские настроения, выраженные в песнях и балладах, не были протестом против мироустройства в целом, но естественной реакцией на насилие и несправедливость. Ритсон же был склонен приписывать создателям изучаемых им фольклорных памятников подлинно революционное мировоззрение.

Так, например, в своих комментариях Ритсон переходит от описания стрельбы из лука к размышлениям об утрате этого навыка в связи с появлением артиллерии: «Потери, в целом понесенные в результате этого изменения, выглядят невосполнимыми. В древности использование лука или гизармы делало каждого человека солдатом; и группа крестьян, возглавляемая Тайлером [Имеется в виду восстание Уота Тайлера. – *Е.К.*] или Кэдом [Имеется в виду восстание Джека Кэда, 1450–1451 гг. – *Е.К.*], была не менее устрашающей, чем любая военная сила, которую можно было поднять, чтобы противостоять им: благодаря этому народ время от времени сохранял ту очень небольшую свободу, которую он имел, и которую тираны постоянно пытались у него отнять».³¹¹ Упоминание глав крестьянских восстаний – У. Тайлера (Tyler, Wat, с. 1320/1341–1381) и Дж. Кэда (Cade, Jack/John, ок. 1420–1450) – не остались без внимания анонимного рецензента ежеквартального журнала «Бритиш Критик» (*British Critic*, 1793–1843): «... Негодование этого писателя направлено не только против духовенства, оно, по всей видимости, в равной степени относится ко всем наиболее уважаемым членам общества; подобным уважаемым судьям и аристократам, кого Тайлер и Кэд со своими кровавыми толпами пытались уничтожить».³¹² Очевидная параллель между крестьянскими восстаниями и потенциальной революцией в современной Ритсону Великобритании, по всей видимости, издателям показалась

³¹¹ Ritson J. Robin Hood. P. xxxvii.

³¹² Rev. of Robin Hood by Joseph Ritson // *The British Critic*. 1797. January 9. P. 17.

чрезмерной, поэтому из издания 1820 г. отрывок с упоминанием У. Тайлера и Дж. Кэда был исключен.

При этом сам Робин Гуд остается для Ритсона преступником, и он не стремился смягчить это обстоятельство, как делали большинство его знаменитых предшественников-собрателей фольклора. В англосаксонский и норманнский период статус преступника предполагал конфискацию имущества и всех социальных прав. К XIII в. ситуация изменилась: например, обвиняемый, не явившийся в четыре окружных суда (Successive County Court) для судебного разбирательства, автоматически объявлялся преступником, так что присвоение данного статуса было не приговором, но служило побуждением явиться в суд. Несмотря на то, что в XIII в. уже нельзя было убить преступника безнаказанно, такой статус подразумевал конфискацию земли и имущества. В комментариях Ритсона разбойник изображается «самочинным правителем» (independent sovereign) в пределах своего небольшого земельного владения, всегда готовым противостоять королю Англии и всем его подданным, за исключением нищих и нуждающихся. И вместе с тем, согласно Ритсону, Робин Гуд не мог быть по умолчанию обвинен в измене или мятеже в силу своего положения.³¹³ Но Ритсону было важно настоять именно на разбойничьем статусе своего героя, так как это подчёркивало его особую свободу: «В те времена преступник, лишенный защиты, не был в вассальной зависимости».³¹⁴ Таким образом, ритсоновский Робин Гуд – предводитель бунтарей, который никому ничем не обязан и может оспорить любые претензии на власть над собой.³¹⁵ В представлении Ритсона, каждый человек, обладающий влиянием, имел право преследовать свои цели, однако цели правителей обязательно должны были служить идее справедливости.

³¹³ Ritson J. Robin Hood. P. vi.

³¹⁴ Ibid.

³¹⁵ Ibid. P. ix.

Будучи своего рода «сувереном», Робин Гуд наделяется и правом убивать представителей власти, если это необходимо для освобождения угнетенного народа; подобные черты нарисованного Ритсоном портрета особенно волновали умы читателей и рецензентов в политически напряженный период рубежа XVIII–XIX вв. Собрание было выпущено в свет издателями Томасом Эгертоном (Egerton, Thomas, 1521–1590/97) и Джозефом Джонсоном (Johnson, Joseph, 1738–1809), которые и прежде публиковали труды Ритсона. Джонсон, глубоко вовлечённый в радикальные политические круги, был осужден и заключен в тюрьму в 1798 г. за издание «Ответа на некоторые части Обращения епископа Ландаффа к народу Великобритании» (A Reply to Some Parts of the Bishop Llandaff's Address to the People of Great Britain, 1798) английского ученого и полемиста Г. Уэкфилда (Wakefield, Gilbert, 1756–1801), направленного против привилегированного положения богатых сословий.

После смерти Ритсона в 1803 г. английский журналист, политический философ и писатель У. Годвин (1756–1836) написал краткие мемуары для журнала «Мантли Мэгэзин ор Бритиш Рэджистер» (Monthly Magazine, or British Register, 1796–1843), в которых подчеркнул, что Ритсон, до самой своей смерти остававшийся стойким приверженцем республиканских принципов, был объектом пристального наблюдения первого главного судьи Ньюфаундленда и активиста-консерватора Джона Ривза (Reeves, John, 1752–1829).³¹⁶ В 1792 г. Ривз основал «Ассоциацию по защите свободы и собственности против республиканцев и левеллеров» (англ. Association for Preserving Liberty and Property against Republicans and Levellers) с целью предотвратить распространение публикаций, написанных британскими сторонниками Французской революции. Так что без преувеличения можно сказать, что Ритсон был под угрозой судебного

³¹⁶ Godwin W. Character of Ritson // Monthly Magazine, or British Register. 1803. November. P. 376.

преследования и рисковал своей свободой, публикуя прославившее его собрание сочинений о Робине Гуде.

3.5. Судьба ритсоновского Робина Гуда в XIX в.

Благодаря Ритсону в дальнейшем возник интерес к поиску свидетельств о существовании реального Робина Гуда или его возможных прототипов. Развитие исторической науки как точной дисциплины в XIX в. привело к ряду попыток проследить биографию знаменитого разбойника на основании подлинных документов с минимальным обращением к балладной традиции. Поскольку баллады о Робине Гуде были популярны в XIV в., занимавшиеся ими учёные решили подробнее изучить политическую историю XIII – начала XIV вв. В ходе таких исследований были сформированы две основные теории, которых придерживаются те, кто считает Робина Гуда исторической личностью, а не только фольклорным персонажем. Издание английского журналиста и историка Дж.М. Гатча (Gutch, John Mathew, 1776–1861) «Малая жеста о Робине Гуде и другие баллады о Робине Гуде» (Lytell Geste of Robin Hood and Other Robin Hood Ballads, 1847) предварялось обсуждением проблемы идентификации. Гатч отверг теорию знатного происхождения героя вслед за Огюстеном Тьерри (Thierry, Augustin, 1795–1856) – французским историком, который полагал, что Робин Гуд выступал на стороне саксов против норманнов, подобно Хереварду Уэйку (англ. Hereward; the Wake – прозвище, ок. 1035 – ум. после 1072).³¹⁷ Гатч также опроверг идею о том, что Робин Гуд был современником Ричарда I. После статьи в журнале «Лондон энд Вестминстер Ревью» (London and Westminster Review, 1824–1914) в марте 1840 г. исследователь предположил, что Робин Гуд был одним из обездоленных сторонников военного лидера крестового похода против

³¹⁷ Thierry A. History of the Conquest of England. L.: J.M. Dent, 1847. P. 223–229.

альбигойцев Симона де Монфора (de Montfort, Simone, 1160/1165–1218), который скрылся после поражения в битве при Ившемеве 1265 г. Это предположение подтверждалось сведениями из хроник Иоанна Фордунского, который называл Робина Гуда и Маленького Джона «лишенными наследства» (disinherited). Убедительных свидетельств наличия у Робина Гуда дворянства и, тем более, титула найдено не было; установить подобное обстоятельство не представляется возможным, поскольку система наследования титулов в феодальной Англии отличалась в разные столетия и в разных графствах.

Другим убедительным описанием жизни Робина Гуда в XIX в. стала работа «Герой баллад, Робин Гуд»³¹⁸ (The Ballad Hero, Robin Hood), вошедшая в книгу «Критические и исторические трактаты» (Critical and Historical Tracts, 1852), историка и издателя Джозефа Хантера (Hunter, Joseph, 1783–1861). Он отвергал мифологическое происхождение легенды о Робине Гуде, считая, что этот герой не является обыкновенным архетипическим образом разбойника. Настоящий Робин Гуд, в его представлении, жил в период правления Эдуарда II (1307–1327 гг.). Заслуга Хантера состоит в том, что он тщательно проанализировал события, упоминаемые в балладах, создание которых он относил к XIV в., и сопоставил их с событиями, подтверждающимися документальными свидетельствами. Он пришел к выводу, что Робин Гуд и его окружение служили графу Ланкастеру (Earl of Leicester and Lancaster, Thomas, ок. 1278–1322), потерпевшему поражение в битве при Боробридже (1322 г.), после чего король конфисковал имущество большинства сторонников мятежного графа. Среди тех, кто упоминается в официальных документах, был некий Годфри из Стейнтон (Godfrey of Stainton), и Хантер предположил, что этот человек был родственником Элизабет Стейнтон, той самой настоятельницы Кирклиса, которая, как традиционно считается,

³¹⁸ Hunter J. The Great Hero of the Ancient Minstrelsy of English: Robin Hood, His Period, Real Character, etc. Investigated // Critical and Historical Tracts IV. L.: Smith, 1852.

была родственницей и убийцей Робина Гуда. Визит, короля, в поэтической форме описанный в балладах, рассказывает о путешествии Эдуарда II на север в 1323 г. Наконец, в отчетах о выплате заработной платы придворным Хантер обнаружил привратника по имени Роберт Гуд, и заключил, что это обстоятельство превосходно согласуется с упоминанием пребывания Робина Гуда при королевском дворе, отражённым в балладах.

Сопоставление балладного образа Робина Гуда со свидетельствами о предполагаемом «историческом» Робине Гуде из официальных источников получило продолжение в XX в. В 1944 г. Дж.У. Уокер опубликовал в ежегодном Йоркширском археологическом журнале (*Yorkshire Archaeological Journal*, издаётся с 1870 г.) результаты своего исследования.³¹⁹ Р.Х. Хилтон подверг критическому анализу попытку Уокера идентифицировать Робина Гуд, которая была основана на записи в казначейских свитках (*Pipe Rolls*) 1230 г.³²⁰ Запись показывает, что шериф Йоркшира давал отчет королевскому казначейству относительно стоимости движимого имущества Роберта Гуда, скрывающегося от правосудия. Однако Хилтон указывает на то, что некоторые важные элементы этой теории не подтверждаются историко-литературными фактами. Например, в народных балладах о Робине Гуде нет упоминаний мятежного Томаса Ланкастера, который, хотя и не был угоден правителю прижизненно, но все же остался в народной памяти, особенно на севере Британии, подобно Симону де Монфору. В судебных протоколах Уэйкфилда (*Wakefield Court Rolls*) Уокер заметил частое упоминание семьи Худов, одного из членов которой звали Роберт.³²¹ Уокер строит свою теорию исходя из того, что люди из исследуемых им документов, носящие имя Роберт Гуд (или же его варианты: «Hade», «Hod», «Hodde» или «Node») на самом деле являются

³¹⁹ Walker J.W. Robin Hood Identified. *Yorkshire Archaeological Journal*. V. 36. 1944. P. 4–46.

³²⁰ Hilton R.H. *The Origins of Robin Hood*. P. 34.

³²¹ *Court Rolls of the Manor of Wakefield // Yorkshire Archaeological Society Record Series*. 1930. No. IV. P. vii.

одним человеком – Робин Гудом из народных баллад. Правда, следует учитывать, что имя Робин Гуд нередко встречалось в Йоркшире и носили его разные лица.

Дж. Ритсон был писателем, а не политическим деятелем, поэтому его борьба с социальной несправедливостью развернулась в сфере литературы. Он обнаружил подозрительное, на его взгляд, отсутствие письменных сведений о Робине Гуде как историческом лице и в ходе своего исследования пришел к выводу, что эта лакуна объясняется преднамеренной попыткой религиозных и политических властей уничтожить память о влиятельной сопротивляющейся им силе. Актом сопротивления Ритсона становится сама попытка сохранить образ Робина Гуда как действительно существующую историческую личность в массовой культуре. Как было показано, поиск материалов для этой работы оказался нелегкой задачей для Ритсона: дошедшие до XVIII в. сведения об этом фольклорном герое были настолько разнообразны, что писателю приходилось подчас примирять противоречивые сведения. Собрание «Робин Гуд: собрание всех древних стихов, песен и баллад, сохранившихся до наших дней» (1795) стало первым сочинением, при создании которой писатель руководствовался не только научными фактами, но и личными убеждениями, поэтому, как мы видим, в собрании отдается предпочтение преимущественно тем историко-литературным обстоятельствам, которые отвечали взглядам Ритсона на политику и устройство общества.

Писатель не терял надежды на политические изменения в современной ему Великобритании, поэтому неслучайно его Робин Гуд предстает перед читателем практически «средневековым» Томасом

Пейном³²² – деятельным, непоколебимым и преданным интересам народа, убежденным борцом за свободу. Благодаря писателю образ Робина Гуда из преступника, вынужденного скрываться в лесах, трансформировался в заклятого врага преступной тирании и был высоко оценен в XIX в. писателями-романтиками.

В знаменитом историческом романе У. Скотта «Айвенго» (Ivanhoe, 1819) Робин Гуд предстает человеком, который «делает добро, несмотря на обладание неограниченной властью творить зло, и заслуживает похвалы не только за добро, которое совершает, но и за зло, которое терпит».³²³ По замыслу Скотта, образ йомена Локсли, который ближе к финалу раскрывает свое истинное имя и представляется Робин Гудом из Шервудского леса, был важен для понимания всей национальной истории Великобритании. По сюжету герой встречает Ричарда I, осаждает замок и спасает Айвенго, но одновременно утаивает махинации принца Джона, будущего короля Иоанна Безземельного (отрицательного персонажа в романе). Кроме того, Локсли призывает Ричарда I отказаться от бесконечных рыцарских турниров и обратить свое внимание на политическое состояние Англии.

В политических спорах У. Скотт и Дж. Ритсон стояли на противоположных точках зрения, хотя Скотту импонировали ритсоновская эрудиция, увлечённость и трудолюбие. В 1801 г. Скотт приглашал Ритсона ненадолго остаться в Лассуэйде (Lassawade) – шотландской деревне в девяти милях от Эдинбурга – однако неизвестно, состоялась ли эта встреча. Писатель выражал искреннее восхищение талантом Ритсона и его активной работой по сбору и восстановлению баллад, но о его радикальных

³²² Томас Пейн (1737–1809) – англо-американский писатель, философ и революционер, один из отцов-основателей США, пользовался популярностью в среде радикально настроенных британских интеллектуалов рубежа XVIII–XIX вв. Среди его литературных работ наибольшую известность получили «Здравый смысл» (Common Sense, 1776) и «Права человека» (Rights of Man, 1791).

³²³ Scott W. The Prose Works: Containing Waverley, Guy Mannering, Antiquary, Rob Roy, Ivanhoe. P.: Galignani, 1827. P. 725.

политических взглядах высказывался с долей осуждения и иронии.³²⁴ Тем не менее, начатая Ритсоном в 1795 г. трансформация образа знаменитого преступника в благородного Робина Гуда была вдохновенно завершена именно У. Скоттом в романе «Айвенго».

На протяжении XIX в. собрание Ритсона переиздавалось 15 раз. В поздневикторианской Великобритании возникло новое радикальное движение, поставившее своей целью создание бесклассового и демократического общества. В нем участвовали интеллектуалы-социалисты, в том числе художник и писатель Уильям Моррис (1834–1896), в чьих произведениях появляется образ ритсоновского Робина Гуда. Особенно сильно влияние идей Ритсона чувствуется в новелле Морриса «Сон Джона Болла» (A Dream of John Ball, 1888), которая публиковалась в социалистической газете «Коммонуил» (Commonweal, 1885–1894) с 13 ноября 1886 г. по 22 января 1887 г. Моррис сближает Джона Болла с образом ритсоновского Робина Гуда в начале новеллы, когда главный герой, путешественник во времени, переносится из XIX в. в XIV в.

Востребованным ритсоновский образ Робина Гуда оказался и в кинематографе XX–XXI вв. Эррол Флинн (1909–1959) сыграл знаменитого разбойника в фильме Майкла Кёртиса (1886–1962) и Уильяма Кейли (1889–1984) «Приключения Робина Гуда» (The Adventures of Robin Hood, 1938). Подобно тому, как в собрании Ритсона нашли отражение политические и социальные проблемы 1790-х гг., этот фильм критиковал либеральный капитализм и поддерживал политику Ф.Д. Рузвельта после Великой депрессии 1930-х гг. Черты ритсоновского Робина Гуда можно также обнаружить в героях таких позднейших фильмов, как «Робин Гуд: Принц воров» (Robin Hood: Prince of Thieves, 1991),³²⁵ «Робин Гуд» (Robin Hood,

³²⁴ Scott W. The Poetical Works of Sir Walter Scott. Including the Two Series, with All the Notes and Illustrations, in One Volume. P.: Libreria Europea Baudry, 1838. P. 22–23.

³²⁵ Режиссёр – Кевин Рейнольдс (р. 1952), в главной роли – Кевин Костнер (р. 1955).

2010)³²⁶ и «Робин Гуд: Начало» (Robin Hood, 2018),³²⁷ что говорит о востребованности созданного писателем образа и в массовой культуре рубежа XX–XXI вв.

³²⁶ Режиссёр – Ридли Скотт (р. 1937), Рассел Кроу (р. 1964) в роли Робина Гуда.

³²⁷ Приключенческий фильм режиссёра Отто Батхёрста (р. 1971).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представленный в диссертации историко-литературный материал дает цельное представление о личности Дж. Ритсона, его писательской карьере и затрагивает наиболее значительные аспекты его творчества: текстологические изыскания в области народной поэзии и шекспировских текстов, интерпретация умонастроений людей Средневековья, стремление актуализировать исторический материал в свете запросов современности. Русскоязычному литературоведению еще только предстоит оценить в полной мере наследие Ритсона, однако в работе осуществлена попытка наметить основные пути, по которым можно пойти в дальнейших исследованиях – возможность представить Ритсона не только в качестве собирателя, редактора и издателя фольклорных произведений, но и яркого литературного критика, шекспироведа, а также одарённого текстолога, который существенно повлиял на развитие английской литературы.

В первой главе, сосредоточенной преимущественно на раннем творчестве писателя и его участии в литературной полемике, были описаны исследовательский подход Ритсона к старинной поэзии и его редакторская стратегия при работе с древними текстами. Интересы Ритсона обуславливались тем, что, начиная с первой половины XVIII в., в Великобритании развернулась активная деятельность по подготовке к печати новых комментированных изданий наследия предшествующих эпох, предполагавшая соединение опыта библеистики с изучением ранее неизвестных латинских рукописей, а также средневековых национальных поэтических произведений.

Дебютным эссе Ритсона, которому было уделено особое внимание, стали «Примечания к первым трём томам “Истории английской поэзии” Т. Уортона» (1782). Заслуги Т. Уортона для развития истории английской литературы трудно переоценить: он выявил и постарался восполнить

значительный пробел в исследовании средневековой поэзии и истории английского языка, за что его по праву можно назвать первым английским историком литературы. В своём трехтомном труде, ставшем объектом критики Ритсона, Уортон в доступной для широкой аудитории форме изложил историю английской литературы XI–XVII вв. Внимание Ритсона привлекли рассуждения о древнесаксонском языке, который, с точки зрения Уортона, остался в памяти лишь «нескольких антиквариев», а стихи на нем якобы не имели отношения к современной Великобритании. Критика Ритсона основывалась на убеждении, что качественные изменения английского языка и социального устройства произошли благодаря норманнским захватчикам, однако англосаксонская традиция, по его мнению, никак не могла быть полностью вытеснена из британского сознания. Отказавшись от англосаксонского искусства и его роли в эволюции британской культуры, Уортон, по мнению писателя, ввел в заблуждение своих многочисленных читателей как принадлежащих к научному сообществу, так и из числа широкой публики, что представляло интеллектуальную опасность в качестве опыта ложного самоотождествления.

На самом же деле, отказ Уортона от исследования древнесаксонской поэзии объясняется ещё и тем, что его уровень владения древними языками был недостаточно высок для профессиональной деятельности. Именно это важно учитывать, исследуя редакторские концепции XVIII в.: с актуализацией вопроса о редактировании старинных поэтических произведений были выявлены упущения в изучении среднеанглийского языка. Британские антиквари долгое время смешивали среднеанглийский с различными диалектами, как им казалось, саксонского языка, что нередко влияло на качество научных исследований. В восемнадцатом столетии научное сообщество не пришло к единой позиции по поводу статуса среднеанглийского языка, поэтому текстологи, антиквари и издатели средневековых английских текстов нередко выступали в качестве

лингвистов, излагая свой взгляд на историю английского языка и письменности в комментариях, примечаниях и предисловиях к собраниям фольклорных произведений. Ритсон был тем, кто привлек к проблеме всеобщее внимание.

Уже в дебютном сочинении Ритсон упомянул и епископа Т. Перси, которому суждено было стать «заклятым врагом» писателя до конца его жизни. Ритсон упрекал Перси в том, что тот недооценивал французское влияние на культуру английских менестрелей, искажал историческую правду, но самым серьезным стало обвинение Перси в фальсификации старинных баллад. Как удалось установить в ходе исследования, обусловленный стремлением скорректировать текстологические подходы XVII–XVIII вв. редакторский метод Ритсона в XIX в. казался менее привлекательным, чем более вольная поэтическая реконструкция в духе Перси. Однако предельная точность и верность источникам – требования, которые Ритсон предъявлял не только Перси, но и самому себе – сделала его определяющей фигурой в исследовании среднеанглийского языка в последние полтора десятилетия XVIII в.

Ритсон был категорически не готов поддерживать современных ему мистификаторов, вроде Дж. Макферсона, в утверждении главенства своей нации на британских островах. Писателю куда важнее было продемонстрировать подлинные поэтические достоинства фольклорного творчества и показать разнообразие литературных традиций. В связи с этим, теория происхождения британских народов, которую представил шотландский антикварий и картограф Дж. Пинкертон – другой оппонент Ритсона – была, по версии писателя, в корне неверной и обесценивала поэтический гений шотландской нации.

Вторая глава диссертации рассматривает деятельность Ритсона в сфере текстологических исследований шекспировских произведений – наименее освещенный как в отечественном, так и западном литературоведении этап в творчестве литератора. За развитием

шекспировской текстологии Ритсон наблюдал с большим интересом, планируя подготовить собственное издание шекспировских пьес. Спустя год после публикации «Примечаний» Ритсона к «Истории английской поэзии» Уортона вышли «Критические и пояснительные замечания к тексту и примечаниям последнего издания Шекспира» (1783), в которых литератор изложил свое мнение по поводу пьес великого поэта и драматурга под редакцией С. Джонсона и Дж. Стивенса. Как и в своем дебютном критическом эссе, Ритсон, подвергнув сделанное Джонсоном и Стивенсом пристальному анализу, обратил внимание на то, что последние не вполне справились со своими редакторскими обязанностями. Предположительно, придирчивость Ритсона была связана с перспективой реализации замысла собственного издания шекспировских пьес, и хотя этому проекту не суждено было реализоваться, суждения Ритсона заставили известного шекспироведа Э. Мэлоуна ускорить работу над новым изданием шекспировских произведений. Помимо «Критических и пояснительных замечаний» Ритсон опубликовал еще два эссе с критикой других изданий пьес Шекспира: «Скромная насмешка» (1788), а также «Беглая критика издания Шекспира, опубликованного Эдмондом Мэлоуном» (1792) – анализ собрания под редакцией Э. Мэлоуна. Рассмотренная во второй главе литературная полемика, связанная с принципами редактирования пьес Шекспира, оказалась, как было показано, продуктивной в свете дальнейших исследований шекспировского творчества.

В третьей главе была рассмотрена изданная Ритсоном в 1795 г. книга «Робин Гуд: собрание всех сохранившихся древних стихов, песен и баллад, относящихся к этому знаменитому английскому разбойнику», относящаяся к зрелому периоду в творчестве писателя. Хотя ритсоновская интерпретация образа Робина Гуда широко распространилась в начале эпохи романтизма, когда писатели и художники заинтересовались средневековой культурой, образ справедливого, независимого Робина Гуда опирался на неоклассицистические идеалы гражданской добродетели, дополненные

стремлением к равенству всех граждан. Это отвечало политическому радикализму Ритсона. В сущности, Робин Гуд, каким его рисовал Ритсон, был убежденным революционером, вставшим на сторону народа, а его гражданская добродетель выражалась в чёткой социальной миссии. Отметим, что именно таким Робин Гуд (йомен Локсли) предстает в известнейшем романе У. Скотта «Айвенго» (1819), утвердившим созданный Ритсоном образ в сознании читателей (писатели были знакомы между собой и оба были увлечёнными антиквариями).

Учитывая огромную популярность собрания Ритсона, в XIX в. его примеру стали следовать и другие публикаторы. Дж.М. Гатч издал в 1847 г. труд под названием «Малая жеста о Робине Гуде и другие баллады о Робине Гуде», который по замыслу походил на работу Ритсона, но, в отличие от нее, был ориентирован на научные круги, а не широкую аудиторию. Британские фольклористы конца XIX в., например, С. Шарп и Ф.Дж. Чайлд, также активно издавали собрания народных песен, включавшие баллады о Робине Гуде. Однако Чайлд не соглашался с Ритсоном и утверждал, что образ знаменитого разбойника не имел никакой политической окраски.

В представлении Ритсона, исторический процесс обусловлен тесно взаимодействующими литературными, социокультурными и лингвистическими изменениями. Теория происхождения британских народов, которую представил Дж. Пинкертон, по мысли Ритсона, была в корне ошибочной, поскольку шотландский антикварий не принимал во внимание эволюцию английского языка в исторической перспективе. В концепции Т. Уортона, не учитывающей значение англосаксонской поэзии, по мнению Ритсона, искажалась самая суть британской идентичности. Аналогичным образом литератор обнаруживал ошибочность представлений Т. Перси о культуре и творчестве древних английских менестрелей. Установление превосходства своей нации на британских островах не являлось основной целью Ритсона – наибольший интерес для него представляло исследование всего многообразия литературных традиций,

бытовавших в его стране (так как именно это позволяло в полной мере оценить словесное совершенство старинных литературных произведений).

Сдержанное, если не отрицательное, отношение коллег по цеху к Ритсону обуславливалось и его взаимной неприязнью со знаменитым фольклористом и издателем Т. Перси, и не слишком обоснованными сомнениями в компетентности малоизвестного литератора, и человеческой неспособностью Ритсона отделять личные качества ученых от их профессиональных недостатков. Не лучшая репутация Ритсона в ученых кругах надолго оставила писателя в тени знаменитых современников, однако он продолжал неявно присутствовать в литературном процессе в Великобритании XVIII–XIX вв. Его редакторская концепция пролила свет на проблему недостаточной изученности среднеанглийского языка, и тем самым Ритсон повлиял не только на изучение истории литературы, но и лингвистические исследования. Издание под редакцией С. Джонсона и Дж. Стивенса 1778 г. и двухтомное дополнение Э. Мэлоуна к нему (1780 г.) коренным образом изменили видение учеными шекспировского творчества и принципы подготовки шекспировских текстов к печати. Ритсон, пусть и опосредованно участвующий в формировании новых изданий Шекспира, сделал свой подход к их редактированию – предполагающий работу не с современными изданиями, а ранними кварто, октаво и фолио – основополагающим.

Вероятно, благодаря сконструированному Ритсоном образу Робина Гуда, глубоко укоренившемся в западноевропейской традиции, литератор продолжает воздействовать и на современную культуру. Его интерес к изучению древних рукописей и консервативный подход к редактированию средневековой поэзии, на первый взгляд, парадоксальным образом сочетался с радикализмом политических взглядов, ярко выразившемся в книге «Робин Гуд: собрание всех сохранившихся древних стихов, песен и баллад, относящихся к этому знаменитому английскому разбойнику». Однако именно интерес к истории, стремление осмыслить историческое

прошлое своей страны позволили Ритсону говорить о настоящем, тем самым принимая участие в разрешении актуальных общественных проблем. Как было показано в третьей главе диссертации, недостаток письменных свидетельств о Робине Гуде как историческом лице писатель объяснял сознательным стремлением светской и духовной властей стереть память об опасном противнике. Своей задачей Ритсон видел возвращение Робина Гуда на подобающее ему место в истории, в том числе и в массовом сознании, что сопровождалось рядом трудностей: приходилось приводить к общему знаменателю дошедшие до XVIII в. разнообразные противоречивые сведения об этом фольклорном герое.

В диссертации было показано, что участие Джозефа Ритсона в интеллектуальной жизни Великобритании, изучении и публикации памятников словесности предшествующих столетий сыграло важную роль при формировании повышенного интереса к национальному прошлому как способу говорить о настоящем и будущем, что в целом характерно для литературы рубежа XVIII–XIX вв.

БИБЛИОГРАФИЯ

I. Тексты

1. Прижизненные издания произведений Дж. Ритсона

1. Ritson J. Ancient English Metrical Romanceës. L.: W. Bulmer and Company, 1802.
2. Ritson J. Ancient Songs, From the Time of King Henry the Third, To the Revolution. L.: J. Johnson, 1790.
3. Ritson J. Bibliographia Poetica: A Catalogue of English Poets, of the Twelfth, Thirteenth, Fourteenth, Fifteenth, and Sixteenth, Centurys, With a Short Account of Their Works. L.: G. and W. Nicol, 1802.
4. Ritson J. Cursory Criticisms on the Edition of Shakespeare Published by Edmond Malone. L.: Hookham and Carpenter, 1792.
5. Ritson J. The English Anthology. L.: T. and G. Egerton, 1793.
6. Ritson J. An Essay on Abstinence from Animal Food: As a Moral Duty. L.: R. Phillips, 1802.
7. Ritson J. Gammar Gurton's Garland: Or, The Nursery Parnassus. Stockton: R. Christopher, 1783.
8. Ritson J. Observations on the Three First Volumes of the History of English Poetry in a Familiar Letter to the Author. L.: J. Stockdale, 1782.
9. Ritson J. Pieces of Ancient Popular Poetry: From Authentic Manuscripts and Old Printed Copies. L.: T. and J. Egerton, 1791.
10. Ritson J. The Quip Modest; a Few Words by Way of Supplement to Remarks, Critical and Illustrative, on the Text and Notes of the Last Edition of Shakspeare; occasioned by a Republication of that Edition,

Revised and Augmented by the Editor of Dodsley's Old Plays. L.: J. Johnson, 1788

11. Ritson J. Remarks, Critical and Illustrative, On the Text and Notes of the Last Edition of Shakspeare. L.: J. Johnson, 1782.
12. Ritson J. Remarks, Critical and Illustrative: On the Text and Notes of the Last Edition of Shakspeare. L.: Hookham and Carpenter, 1792.
13. Ritson J. Robin Hood: A Collection of All the Ancient Poems, Songs, and Ballads, Now Extant, Relative to That Celebrated English Outlaw: To Which Are Prefixed Historical Anecdotes of His Life. L.: T Egerton and J. Johnson, 1795.
14. Ritson J. Scottish Songs. L: J. Johnson, J. Egerton, 1794.
15. Ritson J. A Select Collection of English Songs. L.: J. Johnson, 1783.

2. Посмертные издания и переиздания произведений Дж. Ритсона

16. Ritson J. Ancient Songs and Ballads, From the Reign of King Henry the Second to the Revolution. L.: Payne and Foss, 1829.
17. Ritson J. Ancient Songs and Ballads From the Reign of King Henry the Second To the Revolution. L.: Reeves and Turner, 1877.
18. Ritson J. Annals of the Caledonians, Picts, and Scots and of Strathclyde, Cumberland, Galloway and Murray. L.: W. and D. Laing, 1828.
19. Ritson J. The Caledonian Muse: A Chronological Selection of Scottish Poetry from the Earliest Times. L.: Robert Triphook, 1821.
20. Ritson J. An Essay on Abstinence from Animal Food, as a Moral Duty. Whitefish: Kessinger Publishing, 2009.
21. Ritson J. Gammer Gurton's Garland: Or, The Nursery Parnassus. L.: R. Triphook, 1810.
22. Ritson J. The Life of King Arthur: From Ancient Historians and Authentic Documents. L.: Payne and Foss, 1825.
23. Ritson J. Northern Garlands. L.: R. Triphook, 1810.

24. Ritson J. *Office of Bailiff of a Liberty*, by Joseph Ritson, Esq. Barrister at Law, Late High Bailiff of the Savoy. L.: A. Strahan, 1811.
25. Ritson J. *Pieces of Ancient Popular Poetry: from Authentic Manuscripts and Old Printed Copies*. L.: W. Pickering, 1833.
26. Ritson J. *Robin Hood: A Collection of All the Ancient Poems, Songs, and Ballads, Now Extant, Relative to That Celebrated English Outlaw: To Which Are Prefixed Historical Anecdotes of His Life*. L.: Longman, Hurst, 1820.
27. Ritson J. *Robin Hood: A Collection of All the Ancient Poems, Songs, and Ballads, Now Extant, Relative to That Celebrated English Outlaw: To Which Are Prefixed Historical Anecdotes of His Life*. L.: C. Stocking, 1823.
28. Ritson J. *Robin Hood: A Collection of All the Ancient Poems, Songs, and Ballads, Now Extant Relative to that Celebrated English Outlaw ; to which are Prefixed Historical Anecdotes of His Life*. L.: William Pickering, 1832.
29. Ritson J. *Robin Hood: A Collection of All the Ancient Poems, Songs, and Ballads, Now Extant, Relative to That Celebrated English Outlaw*. L.: J.C. Nimmo, 1887.
30. Ritson J. *Robin Hood: A Collection of All the Ancient Poems, Songs, and Ballads, Now Extant, Relative to That Celebrated English Outlaw*. L.: Routledge, 1992.
31. Ritson J. *Robin Hood: A Collection of All the Ancient Poems, Songs, and Ballads*. Wakefield: E.P. Publishing, 1972.
32. Ritson J. *Scottish Songs*. Glasgow: Hugh Hopkins, 1869.
33. Ritson J. *Scottish Songs and Ballads*. L.: William Tegg, 1866.
34. Ritson J. *A Select Collection of English Songs, With Their Original Airs and a Historical Essay on the Origin and Progress of National Song*. L.: J. Rivington, 1813.

35. Ritson J. A Select Collection of English Songs, With Their Original Airs and a Historical Essay on the Origin and Progress of National Song. L.: Adamant Media Corporation, 2005.

3. Произведения современников Дж. Ритсона

36. Burke E. A Philosophical Enquiry into the Origin of Our Ideas of the Sublime and Beautiful. L.: R. and J. Dodsley, 1757.

37. Charlton L. The History of Whitby, and Whitby Abbey. L.: A. Ward, 1779.

38. Hogart W. The Analysis of Beauty Written with a View of Fixing the Fluctuating Ideas of Taste. L.: W. Strahan, 1753.

39. Jonson B. The Sad Shepherd, or, A Tale of Robin Hood. L.: J. Nichols, 1784.

40. Malone E. A Letter to the Rev. Richard Farmer, D. D. Relative to the Edition of Shakspeare, Published in 1790, and Some Late Criticisms on That Work. L.: G. G. J. and J. Robinson, 1792.

41. Nichols J. Literary Anecdotes of the Eighteenth Century. L.: Nichols, Son, and Bentley, 1812.

42. Percy T. Bishop Percy's Folio Manuscript / Ed. by J. W. Hales, F.J. Furnivall. L.: N. Trubner&Co, 1867.

43. Percy T. Reliques of Ancient English Poetry / Ed. by Henry B. Wheatley. L.: Bickers, 1891.

44. Pinkerton J. An Inquiry Into the History of Scotland Preceding the Reign of Malcolm III. Or the Year 1056, Including the Authentic History of that Period. Edinburgh: J. Ballantyne and Company, 1814.

45. Pinkerton J. Scottish Tragic Ballads. L.: J. Nichols, 1781.

46. Scott W. The Poetical Works of Sir Walter Scott. Including the Two Series, with All the Notes and Illustrations, in One Volume. P.: Libreria Europea Baudry, 1838.

47. The Correspondence of Thomas Warton / Ed. by D. Fairer. L.: Georgia UP, 1995.
48. The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson / Ed. by A. Sherbo. New Haven: Yale UP, 1958.
49. Thierry A. History of the Conquest of England by the Normans. L.: J.M. Dent, 1847.
50. De Quincey T. Confessions of an English Opium-Eater. Hertfordshire: Wordsworth, 1994.
51. Warton T. Observations on the Fairy Queen of Spenser. L.: C. Stower, 1807.

4. Издания старинной поэзии и У. Шекспира, подготовленные в XVII–XIX вв.

52. Cooper E. The Muses Library; or a Series of English Poetry, from the Saxons, to the Reign of King Charles II. L.: J. Wilcox, 1737.
53. Percy T. Bishop Percy's Folio Manuscript / Ed. by J. W. Hales, F.J. Furnivall. L.: N. Trubner&Co, 1867.
54. Percy T. Reliques of Ancient English Poetry / Ed. by Henry B. Wheatley. L.: Bickers, 1891.
55. Scott W. The Poetical Works of Sir Walter Scott. Including the Two Series, with All the Notes and Illustrations, in One Volume. P.: Libreria Europea Baudry, 1838.
56. Scott W. The Prose Works: Containing Waverley, Guy Mannering, Antiquary, Rob Roy, Ivanhoe. P.: Galignani, 1827.
57. The Plays and Poems of William Shakspeare, In Ten Volumes / Ed. by Edmond Malone. L.: H. Baldwin, 1790
58. The Plays of William Shakespeare in Ten Volumes / Ed. by S. Johnson, G. Steevens. L.: C. Bathurst, 1778.

59. The Works of Shakespeare in Seven Volumes. V. I. / Ed. by L. Theobald. L.: A. Bettesworth and C. Hitch, 1733.
60. The Works of Shakespeare in Six Volumes. V. I. / Ed. by A. Pope. L.: J. Tonson, 1723.
61. Twenty of the Plays of Shakespeare / Ed. by George Steevens. L.: J. and R. Tonson, 1766.
62. Warton T. The History of English Poetry: From the Close of the Eleventh to the Commencement of the Eighteenth Century. L.: J. Dodsley, 1778.

II. Литература

1. Работы, посвящённые исторической поэтике, эстетике предромантизма и романтизма в западноевропейской литературе, в литературе Великобритании

63. Андреев Л. Г., Козлова Н. П., Косиков Г. К. История французской литературы. М.: Высшая школа, 1987.
64. Английская литература от XIX века к XX, от XX к XIX: проблема взаимодействия литературных эпох. М.: ИМЛИ РАН, 2009.
65. Аникст А. Творчество Шекспира. М.: Художественная литература, 1963.
66. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. М.: Худож. лит., 1986. С. 121–290.
67. Берковский Н.Я. Статьи и лекции по зарубежной литературе. СПб.: Азбука-классика, 2002.
68. Берковский Н.Я. Романтизм в Германии. СПб.: Азбука-классика, 2001.
69. Берковский Н.Я. Статьи о литературе. М: ГИХЛ, 1962.
70. Ванслов В.В. Эстетика романтизма. М: Искусство, 1966.

71. Вершинин И.В. К вопросу о своеобразии английского предромантизма // Проблемы метода и жанра в зарубежной литературе: сб. науч. тр. Вып. 3. М.: МГПИ, 1978. С. 3–18.
72. Вершинин И.В. Предромантические тенденции в английской поэзии XVIII века и «поэтизация» культуры. Самара: СамГПУ, 2003.
73. Вершинин И.В., Луков В.А. Предромантизм: новое в литературной эстетике // Известия Самар. науч. центра РАН. 2009. Т. 11. № 4(6). С. 1519–1527.
74. Вершинин И.В. Труды по изучению предромантизма и романтизма / Отв. ред. В. А. Луков. М.: Социум, 2011.
75. Вершинин И.В. Труды по изучению предромантизма и романтизма / Отв. ред. В. А. Луков. М.: Социум, 2011.
76. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989.
77. Горбунов А.Н. Шекспировские контексты. М.: МедиаМир, 2006.
78. Дьяконова Н.Я. Английский романтизм: Проблемы эстетики. М.: Наука, 1978.
79. Клименко Е.И. Традиции и новаторство в английской литературе. СПб.: СПбГУ, 1961.
80. Ковалёва О.В. Зарубежная литература XIX века. Романтизм. Учебное пособие. М.: Оникс, 2005.
81. Ладыгин М.Б. Концепция мира и человека в литературе предромантизма (к вопросу о своеобразии метода) // Проблемы метода и жанра в зарубежной литературе. М.: МГПИ, 1982. С. 34–51.
82. Ладыгин М.Б. Развитие эстетической мысли и литературы в Англии XVIII в. // Зарубежные писатели о литературе и искусстве: английская литература XVIII века. М.: МГПИ, 1980. С. 3–16.
83. Ладыгин М.Б. Формирование предромантической эстетики в Англии второй половины XVIII в. // Литературная теория и художественное творчество. М.: МГПИ, 1979. С. 35–47.
84. Луков В.А. Предромантизм. М.: Наука, 2006.

85. Михайлов А.В. Историческая поэтика в контексте западного литературоведения // Обратный перевод; сост., подгот. текста и коммент. Д.Р. Петрова, С.Ю. Хурумова. М.: Языки русской культуры, 2000.
86. Михайлов А.В. Проблемы анализа перехода к реализму в литературе XIX века // Языки культуры / Сост. Н.С. Павлова, С.Ю. Хурумов. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 43–111.
87. Неупокоева И.Г. Общие черты европейского романтизма и своеобразие его национальных путей // Европейский романтизм. М.: Наука, 1973.
88. Неупокоева И.Г. Революционно–романтическая поэма первой половины XIX в. Опыт типологии жанра. М.: Наука, 1971.
89. Пинский Л.Е. Шекспир. Основные начала драматургии. М.: Художественная литература, 1971.
90. Реизов Б.Г. Из истории европейских литератур. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1970.
91. Реизов Б.Г. История и вымысел в романах Вальтера Скотта / Т. XXX. Вып. 4. М.: Известия АН СССР. Отделение литературы и языка, 1971. С. 306–311.
92. Соловьёва Н.А. Английский предромантизм и формирование романтического метода. М.: МГУ, 1984.
93. Соловьёва Н.А., Грешных В.И., Дружинина А.А. и др. История зарубежной литературы XIX века: Учебное пособие / Под ред. Н.А. Соловьёвой. М.: Высшая школа, 2007.
94. Соловьёва Н.А. У истоков английского романтизма. М.: МГУ, 1983.
95. Соловьёва Н.А. История зарубежной литературы: Предромантизм. М.: Академия, 2005.
96. Тураев С.В. От Просвещения к романтизму: трансформация героя и изменение жанровых структур в западноевропейской литературе конца XVIII – начала XIX в. М.: Наука, 1983.

97. Шаплен Ж. Мнение Французской Академии по поводу трагикомедии «Сид»: пер. с франц. Г.К. Косикова // Литературные манифесты западноевропейских классицистов. М.: МГУ, 1980. С. 273–299.
98. Шведов Ю.Ф. Эволюция шекспировской трагедии. М.: Искусство, 1975.
99. Abrams M.H Natural Supernaturalism: Tradition and Revolution in Romantic Literature. N.Y.: Norton, 1973.
100. Adair P.M. The Waking Dream: A Study of Coleridge's Poetry. L.: Edward Arnold, 1967.
101. Davies P. Romanticism and Esoteric Tradition: Studies in Imagination. Hudson: Lindisfarne Books, 1998.
102. Davis L. Transnational Articulations in James Macpherson's «Poems of Ossian» and «The History and Management of the East-India Company» // The Eighteenth Century. 2019. V. 60. No. 4. P. 441–460.
103. Bernbaum E. Selections from the Pre-Romantic Movement. N.Y.: Thomas Nelson and Sons, 1931.
104. Beers H.A History of English Romanticism in the 18th Century. N.Y.: Henry Holt, 1899.
105. Berlin I. The Roots of Romanticism. Princeton: Princeton UP, 1999.
106. Black J. Eighteenth-Century Britain, 1688–1782. N.Y.: Red Globe Press, 2008.
107. Carruthers G. English Romanticism and the Celtic World. L: Cambridge UP, 2010.
108. Chandler J. England in 1819: The Politics of Literary Culture and the Case of Romantic Historicism. L: UP of Chicago, 1998.
109. Chew S. A Literary History of England: the Nineteenth Century and After. Sydney: Law Book, 1948.
110. Eisenstein E.L. The Printing Press as an Agent of Change: Communications and Cultural Transformations in Early-modern Europe. Cambridge: Cambridge UP, 1980.

111. Ferguson F. *Solitude and the Sublime: Romanticism and the Aesthetics of the Individuation*. N.Y.: Routledge, 1992.
112. Ferris I. *The Romantic National Tale and the Question of Ireland*. Cambridge: Cambridge UP, 2002.
113. Forster J.R. *History of the Pre-Romantic Novel in England*. Oxford: Oxford UP, 1949.
114. Furst L.R. *Romanticism in Perspective A Comparative Study of Aspects of the Romantic Movements in England, France and Germany*. L.: Macmillan, 1969.
115. Frye N. *A Study of English Romanticism*. N.Y.: Columbia UP, 1968.
116. Frye N. *The Secular Scripture: A Study of the Structure of Romance*. Cambridge: Harvard UP, 1976.
117. Garrison I. *Source, Original, and Authenticity between Philology and Theology // Classical Philology and Theology: Entanglement, Disavowal, and the Godlike Scholar / Ed. by C. Conybeare, S. Goldhill*. Cambridge: Cambridge UP, 2020. P. 86–109.
118. Grazia M. *Shakespeare Verbatim: The Reproduction of Authenticity and the 1790 Apparatus*. Oxford: Clarendon, 1991.
119. Hipple W. *The Beautiful, the Sublime and the Picturesque in Eighteenth-Century British Aesthetic Theory*. Carbondale: Southern Illinois UP, 1957.
120. Hume R. *Before the Bard: "Shakespeare" in Early Eighteenth-Century London // ELH*. 1997. V. 64. No. 1. P. 41–75.
121. Ioppolo G. "Old" and "New" Revisionists: Shakespeare's Eighteenth-Century Editors // *Huntington Library Quarterly*. 1989. V. 52. No. 3. P. 347–361.
122. James E. *The Creative Imagination: Enlightenment to Romanticism*. L.: Cambridge UP, 1981.

123. Jarvis S. *Gentlemen and Scholars: Shakespearian Textual Criticism and Representations of Scholarly Labour, 1725–1765*. Oxford: Clarendon Press, 1995.
124. Kipperman M. *Beyond Enchantment: German Idealism and English Romantic Poetry*. Philadelphia: Pennsylvania UP, 1986.
125. Kramnick J.B. *Making the English Canon: Print-Capitalism and the 1700-1770*. Cambridge: Cambridge UP, 1998.
126. Izenberg G.N. *Impossible Individuality: Romanticism, Revolution, and the Origins of Modern Selfhood*. Princeton: Princeton UP, 1992.
127. Leask N. *British Romantic Writers and the East: Anxieties of Empire*. Cambridge: Cambridge UP, 1992.
128. Leerssen J. *Literary Historicism: Romanticism, Philologists, and the Presence of the Past* // *Modern Language Quarterly*. 2004. V. 65. No.2. P. 221–243.
129. Lipking L. *The Ordering of the Arts in Eighteenth-Century England*. Princeton: Princeton UP, 2015.
130. Martin P. *Edmond Malone, Shakespearean Scholar*. Cambridge: Cambridge UP, 1995.
131. McGann J.J. *The Romantic Ideology. A Critical Investigation*. Chicago: Chicago UP, 1983.
132. Raleigh W. *Johnson on Shakespeare. Essays And Notes Selected and Set Forth With an Introduction*. L.: Henry Frowde, 1908.
133. Rinaker C. *Thomas Warton and the Historical Method in Literary Criticism* // *PMLA*. 1915. V. 30. No. 1. P. 79–109.
134. Seary P. *Lewis Theobald, Edmond Malone, and Others* // *Reading Readings: Essays on Shakespeare Editing in the Eighteenth Century* / Ed. by J. Gondris. Madison: Fairleigh Dickinson UP, 1998. P. 103–122.
135. Sen S. *Capell and Malone, and Modern Critical Bibliography*. Calcutta: Mukhopadhyay, 1960.
136. Smith G. *Elizabethan Critical Essays*. Oxford: Oxford UP, 1904. P. 298.

137. Spingarn J.E. *Critical Essays of the Seventeenth Century*. Oxford: Clarendon Press, 1908.
138. Stewart K. *Ancient Poetry as History in the 18th Century* // *Journal of the History of Ideas*. 1958. V. 19. No. 3. P. 335–347.
139. *The Edinburgh Companion to Scottish Romanticism* / Ed. by M.G.H. Pittock. Edinburgh: Edinburgh UP, 2011.
140. *The Edinburgh Companion to Scottish Traditional Literatures* / Ed. by S. Dunnigan. Edinburgh: Edinburgh UP, 2013.
141. Vickers B. *William Shakespeare: The Critical Heritage*. V. 5. L.: Routledge, 1974.
142. Wellek R. *A History of Modern Criticism: 1750 –1950*. V. 2. *The Romantic Age*. New Haven (Conn.): Yale UP, 1955.
143. White D.E. *Early Romanticism and Religious Dissent*. L: Cambridge UP, 2007.

2. Работы, посвящённые европейскому и британскому фольклору

144. Алексеев М.П. *Литература средневековой Англии и Шотландии*. М.: Высшая школа, 1984.
145. Алябьева Л.А. *Литературная профессия в Англии в XVI–XIX вв.* М.: НЛО, 2004.
146. Анашкина Н.Ю. *Отражение национальной языковой картины мира в произведениях английского детского фольклора* // *Человек. Язык. Искусство: Материалы Международной научно–практ. конф.* М.: МГПУ, 2002. С. 256–258.
147. Аринштейн Л.М. *Вступительная статья* // *Английская и шотландская народная баллада* / Сост. Л.М. Аринштейн. М.: Радуга, 1988. С. 11–28.

148. Балашов Д.М. Постановка вопроса о балладе в русской и западной фольклористике // Труды Карельского филиала АН СССР: Вопросы литературы и народного творчества. 1962. Вып. 35. С. 62–79.
149. Борецкая У.А. Возникновение и эволюция жанра английской баллады // Вестник Череповецкого государственного университета. Череповец. 2013. Т. 1. №4 (51). С. 65–68.
150. Воронцова Т.И. Картина мира в тексте английской баллады: Когнитивная основа и языковая репрезентация. Дисс. д-ра филол. наук: 10.02.04. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2003.
151. Воронцова Т.И. Текст баллады. Языковая картина мира (на материале английских и шотландских народных баллад). СПб: Северная звезда, 2003.
152. Дашевская А.И. Эволюция сюжетов англо–шотландской народной баллады: доминирующие мотивы // Вестник Ленинградского государственного университета им. Пушкина. «Филология». 2012. Т. 1. № 1. С. 52–59.
153. Елина Н.Г. Развитие англо–шотландской баллады // Английские и шотландские баллады. М.: Наука, 1973. С. 104–131.
154. Жирмунский В.М. Английская народная баллада // Английские и шотландские баллады. М.: Наука, 1973. С. 87–103.
155. Мощанская О.Л. Народная баллада Англии. (Цикл о Робин Гуде): Автореферат дис. на соискание учен. степени канд. филол. Наук. Н. Новгород: Горьк. гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского, 1967.
156. Мощанская О.Л. Народно-поэтическое творчество Англии средних веков. Н. Новгород: Горький, 1986.
157. Пропп В.Я. Фольклор и действительность: Избранные статьи. М.: Наука, 1976.
158. Пуришев Б.И. Народные баллады Англии и Шотландии: выражение народного мироощущения // Литература эпохи Возрождения. М.: Высшая школа, 1996. С. 262–268.

159. Сергеева В.С. Английская баллада XIV–XVI вв.: жанровое своеобразие и поэтика. Дисс. канд. филол. наук. М: МГУ, 2008.
160. Федотова Л.В. Фольклор как художественный и духовно–философский феномен эстетических исканий поэтов эпохи романтизма. Автореферат дисс. докт. филол. н. Армавир: АЛУ, 2007.
161. Atkinson D. *Street Ballads in Nineteenth–Century Britain, Ireland, and North America: The Interface between Print and Oral Traditions*. Aldershot: Ashgate, 2014.
162. Atkinson D. *The English Traditional Ballad: Theory, Method and Practice*. Aldershot: Ashgate, 2002.
163. Bascom W.R. Four Functions of Folklore // *The Journal of American Folklore*. 1965. V. 67. No. 266. P. 333–349.
164. Bettelheim B. *The Uses of Enchantment: The Meaning and Importance of Fairy Tales*. N.Y.: Vintage Books, 1976.
165. Buckwold T.M. From Sherwood Forest to Saskatchewan: The Role of the Sheriff in a Redesigned Judgment Enforcement System // *Saskatchewan Law Review*. 2003. V. 1. No. 66. P. 219–254.
166. Burns T.A. *Folkloristics: A Conception of Theory* // *Folk Groups and Folk Genres. A Reader* / Ed. by Elliot Oring. Logan: Utah State UP, 1989. P. 1–20.
167. Brownlie S. *Memory and Myths of the Norman Conquest*. Woodbridge: Boydell & Brewer, 2013. P. 219–254.
168. Cowan Y. *Orality, Authenticity, and the Historiography of the Everyday: The Ballad in Victorian Scholarship and Print Culture* // *Oral Tradition and Book Culture* / Ed. by P. Anttonen, C. Forselles, K. Salmi-Niklander. Helsinki: Finnish Literature Society, 2018. P. 74–91.
169. Dobson R.B., Taylor J. *Rymes of Robyn Hood: An Introduction to the English Outlaw*. L.: Heinemann, 1976.
170. Dorson R. The First Group of British Folklorists. *The Journal of American Folklore*. N. 68, 1955. P. 333–340.

171. Dorson R. Concepts of Folklore and Folklife Studies // Folklore and Folklife: An Introduction / Ed. by Richard M. Dorson. L.: Chicago UP, 1972. P. 1–50.
172. Entwistle W. European balladry. Oxford: The Clarendon Press, 1939.
173. Fiske R. Scotland in Music: A European Enthusiasm. Cambridge: Cambridge UP, 1983.
174. Fumerton P. The Broadside Ballad in Early Modern England: Moving Media, Tactical Publics. Pennsylvania: Pennsylvania UP, 2020.
175. Friedman A.B. The Formulaic Improvisation of Ballad Tradition – a Counter Statement. Chicago: Chicago UP, 1961.
176. Friedman A.B. The Ballad Revival. Chicago; L.: Chicago UP, 1967.
177. Hansford R. Figures of the Imagination: Fiction and Song in Britain. L.: Hansford, 2017.
178. Hart W.M. Ballad and Epic; a Study in the Development of the Narrative Art. Boston: Ginn & company, 1907.
179. Henderson T.F. The Ballad in Literature. L.: Cambridge UP, 1912.
180. Henderson T.F. The Vulgar Tongue, The Problem of the Vernacular // Scotland in Quest of Her Youth: A Scrutiny / Ed. by D.C. Thomson. Edinburgh: Oliver and Boyd, 1932. P. 144–157.
181. Hilton R.H. The Origins of Robin Hood // Past & Present. 1958. No. 14. P. 30–44.
182. Hippie W. The Beautiful, the Sublime and the Picturesque in Eighteenth–Century British Aesthetic Theory. Carbondale: The Southern Illinois UP, 1957.
183. Holt J.C. Robin Hood. L.: Thames & Hudson, 1982.
184. Hunter J. The Great Hero of the Ancient Minstrelsy of English: Robin Hood, His Period, Real Character, etc. Investigated. L.: J.R. Smith, 1852.
185. Jackson–Houlston C.M. Ballads, Songs and Snatches: the Appropriation of Folk Songs and Popular Culture in British Nineteenth–Century Realist Prose. Ashgate: Aldershot, 1999.

186. Johnston A. *Enchanted Ground. The Study of Medieval Romance in the 18th Century*. L.: Bloomsbury Academic, 1964.
187. Knight S. *Robin Hood: A Mythic Biography*. L.: Cornell UP, 2003.
188. Lloyd A.L. *Folk Song in England*. L: Panther, 1975.
189. McDowell P. "The Art of Printing was Fatal": Print Commerce and the Idea of Oral Tradition in Long Eighteenth-Century Ballad Discourse // *Ballads and Broadside in Britain, 1500-1800* / Ed. by Fumerton P., Guerrini A. L.: Routledge, 2010. P. 35–56.
190. McDowell P. "The Manufacture and Lingua-facture of Ballad-Making": Broadside Ballads in Long Eighteenth-Century Ballad Discourse // *Ballads and Songs in the Eighteenth Century*. 2006. V. 47. No. 2-3. P. 151–178.
191. McLane M., Maureen N. *Balladeering, Minstrelsy, and the Making of British Romantic Poetry*. Cambridge: Cambridge UP, 2008.
192. Perry R. *Balladry and the Scottish Enlightenment* // *The Scottish Enlightenment and Literary Culture* / Ed. by Young R., McLean R., Simpson K. Lewisburg: Lewisburg UP, 2016. P. 77–95.
193. Singman J.L. *Robin Hood: The Shaping of the Legend*. L.: Greenwood Press, 1998.
194. Skura M. Anthony Munday's "Gentrification" of Robin Hood // *English Literary Renaissance*. 2003. V. 2. No. 33. P. 155–180.
195. Thomson D.S. *Gaelic Poetry in the Eighteenth Century: a Bilingual Anthology*. Aberdeen: Association for Scottish Literary Studies, 1993.
196. Utley F.L. *Folk Literature: An Operational Definition* // *The Journal of American Folklore*. 1961. V. 74. No. 293. P. 193–206.
197. Walker J.W. *Robin Hood Identified* // *Yorkshire Archaeological Journal*. 1944. V. 36. P. 4–46.
198. Watt T. *Cheap Print and Popular Piety, 1550–1640*. Cambridge: Cambridge UP, 1991.

199. Wimberly, C. Folklore in the English & Scottish Ballads. N.Y.: Ungar, 1965.
200. Womack P. Improvement and Romance: Constructing the Myth of the Highlands. Basingstoke: Macmillan, 1989.
201. Wilkins F. Our Ancient National Airs: Scottish Song Collecting from the Enlightenment to the Romantic Era // Music in Nineteenth-Century Britain. 2015. V. 4. No. 71. P. 714–716.
202. Wright T. Essays on Subjects Connected with the Literature, Popular Superstitions and History of England in the Middle Ages. L.: J.R. Smith, 1846.

3. Работы по истории Западной Европы и историософской традиции Западной Европы и Великобритании XVIII – начала XIX вв.

203. Айзенштат М.П. Прошлое в политической культуре вигов XVIII века // Люди и тексты. Исторический альманах. Идея истории. К 100-летию М.А. Барга. 2016. № 7. С. 207–227.
204. Айзенштат М.П. События прошлого в политической и исторической культуре Британии середины и второй половины XVIII в. // Событие в истории, памяти и нарративах идентичности / Под ред. Л.П. Репина. М.: Аквилон, 2017.
205. Айзенштат М.П. Факторы актуализации прошлого в парламентской полемике Британии (вторая половина XVIII в.) // Люди и тексты. Исторический альманах. «Заказ» на историю? Актуализация информационного пространства прошлого / Под ред. М.С. Бобкова. М.: ИВИ РАН, 2014.
206. Апрыщенко В.Ю. Клановая система Горной Шотландии: традиции и модернизация. Ростов: РГУ, 2006.

207. Бараш Дж.Э. Историческое прошлое? // *Философский журнал*. 2011. №1 (6). С. 10–19.
208. Барг М.А. Эпохи и идеи: Становление историзма. М.: Мысль, 1987.
209. Блок М. Апология истории или ремесло историка. М.: Наука, 1986.
210. Гуревич А.Я. Средневековый мир: Культура безмолвствующего большинства. М.: «Искусство», 1990.
211. Зверева Г.И. История Шотландии. М.: Высшая школа, 1987.
212. История Великобритании: пер. с англ. С. А. Машковой / Под ред. Кеннета О. Моргана. М.: Весь мир, 2008.
213. Карельский А.В. Революция социальная и революция романтическая // *Вопросы литературы*. 1992. №. 2. С. 187–226.
214. Креленко Н.С. Образ Английской революции в общественной памяти Великобритании XVII – XVIII веков. Саратов: Сарат. ГУ, 2012.
215. Кроче Б. Теория и история историографии: пер. с ит. И.М. Заславской. М.: Языки русской культуры, 1998.
216. Патырбаева К.В. Субъект исторического процесса в философии Гегеля // *Вестник Пермского университета*. 2012. Вып. 3. № 11. С. 61–73.
217. Савельева И.М. Знание о прошлом: теория и история. СПб.: Наука, 2006.
218. Смирницкая О.А. Поэтическое искусство англосаксов // *Древнеанглийская поэзия / Под ред. О.А. Смирницкой, В.Г. Тихомирова*. М.: Наука, 1980. С. 171–232.
219. Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века: пер. с англ. Е.Г. Трубиной. Екатеринбург: Уральский ГУ, 2002.
220. Федоров А.В. Романтический историзм // *Введение в литературоведение: Учебник для вузов*. М.: Оникс, 2007.

221. Феллер В.В. Введение в историческую антропологию. Опыт решения логической проблемы философии истории. М.: Кнорус, 2005.
222. Bann S. Romanticism and the Rise of History. N.Y.: Twayne, 1995.
223. Bann S. The Clothing of Clio: A Study of the Representation of History in Nineteenth-Century Britain and France. Cambridge: Cambridge UP, 1984.
224. Clark J.C.D. English Society, 1688–1832. Ideology, Social Structure and Political Practices during Ancient Regime. Cambridge: Cambridge UP, 1985.
225. Coates R. Invisible Britons: The View from Linguistics // Briton in Anglo-Saxon England / Ed. by N. Higham. Woodbridge: The Boydell Press, 2007. P. 172–191.
226. Court Rolls of the Manor of Wakefield. Yorkshire Archaeological Society Record Series. No. IV. 1930.
227. Damico H. Medieval Scholarship: Biographical Studies on the Formation of a Discipline. History. L.: Routledge, 1995.
228. Ferguson A.B. Clio Unbound: Perception of the Social and Cultural Past in Renaissance England. Durham: Duke UP, 1979.
229. Geary P. Ethnic Identity as a Situational Construct in the Early Middle Ages // Mitteilungen Der Anthropologischen Gesellschaft in Wien. 1983. No. 113. P. 15–26.
230. Grafton R. Abridgement of the Chronicles of England. L.: Richardi Tottyll, 1562.
231. Heather P. Ethnicity, Group Identity, and Social Status in the Migration Period // Franks, Northmen, and Slavs. Identities and State Formation in Early Medieval Europe / Ed. by I.H. Garipzanov, P.J. Geary, P. Urbańczyk. Turnhout: Brepols, 2008. P. 17–50.
232. Hechter M. Internal Colonialism: The Celtic Fringe in British National Development. L.: Routledge & Kegan Paul, 1975.

233. Hildegard T. Diglossia in Anglo-Saxon England, or What Was Spoken Old English Like? // *Studia Anglica Posnaniensia*. 2004. No. 40. P. 87–110.
234. Goffart W. *The Narrators of Barbarian History (A.D. 550–800): Jordanes, Gregory of Tours, Bede, and Paul the Deacon*. Princeton: Princeton UP, 1988.
235. Kingstone H. *Victorian Negotiations with the Recent Past: History, Fiction, Utopia*. PhD thesis: University of Leeds, 2013.
236. Maccoby S. *English Radicalism, 1765–1885*. Abingdon: Routledge, 2001.
237. Matthews D. *The Making of Middle English, 1765–1910*. Minneapolis: Minnesota UP, 1999.
238. McKinney A. *Creating a Gens Anglorum: Social and Ethnic Identity in Anglo-Saxon England through the Lens of Bede's Historia Ecclesiastica*. York: York UP, 2011.
239. Marsden J.I. *The Beginnings of Shakespeare Criticism // The Re-Imagined Text: Shakespeare, Adaptation, and Eighteenth Century Literary Theory* / Ed. by J.I. Marsden. Kentucky: Kentucky UP. P. 47–72.
240. Morton T. *The Plantation of Wrath // Radicalism in British Literary Culture, 1650–1830: From Revolution to Revolution* / Ed. by T. Morton, N. Smith. Cambridge: Cambridge UP, 2002. P. 64–85.
241. Murphy A. *A Concise Companion to Shakespeare and the Text*. New Jersey: Blackwell, 2007.
242. Murphy A. *Shakespeare in Print: A History and Chronology of Shakespeare Publishing*. Cambridge: Cambridge UP, 2003.
243. Phillips M. *Society and Sentiment: Genres of Historical Writing in Britain, 1740–1820*. Princeton: Princeton UP, 2000.
244. Schrijver P. *What Britons Spoke Around 400 AD // Briton in Anglo-Saxon England* / Ed. by N. Higham. Woodbridge: The Boydell Press, 2007. P. 165–171.

245. Stowe J. Annals of England to 1603. S.1.: S.N., 1615.
246. Timpanaro S. La Genesi del Metodo di Lachmann. Firenze: Le Monnier, 1963.
247. Trudgill P. Investigations in Sociohistorical Linguistics: Stories of Colonisation and Contact. NY: Cambridge UP, 2010.
248. Wilson K. The Sense of the People: Politics, Culture and Imperialism in England, 1715–1785. Cambridge: Cambridge UP, 1995.
249. Wood I. The Mission of Augustine of Canterbury to the English // *Speculum*. 1994. V.1. No. 69. P. 1–17.
250. Woolf D. R. Erudition and the Idea of History in Renaissance England // *Renaissance Quarterly*. 1987. V. 40. No. 1. P. 11–48.

4. Работы, посвящённые движению антиквариатов в Великобритании XVII – XIX вв.

251. Зверева В.В. Антикварианизм XVI–XVII веков. Представление прошлого в контексте научной революции // *Образы времени и исторические представления: Россия – Восток – Запад / Под ред. Л.П. Репиной*. М.: Кругъ, 2010.
252. Зверева В.В. Модели естественной истории. Естественная история антиквариатов // *Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории*. М.: Кругъ, 2008. С. 522–554.
253. Клейн Л. С. История археологической мысли. СПб.: СПбГУ, 2011.
254. Мелихова П.В. Историческая культура ранних английских антиквариатов // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения*. 2018. Т. 18. Вып. 1. С. 61–69.
255. Михайлова Ю.Ю. Антикварианизм в контексте готического возрождения в Англии XVIII века // *Вестник СПбГУ*. 2015. №4 (25). С.172–175.

256. Михайлова Ю.Ю. Деятельность Общества Антиквариюв Лондона в контексте английской реставрационной практики XVIII века // Вестник СПбГУ. 2015. №5 (26). С.169–172.
257. Михайлова Ю.Ю. Проблема стилистической эволюции иллюстраций трактатов английских антиквариюв // Вестник СПбГИК. 2015. №6(27). С. 157–160.
258. Михайлова, Ю.Ю. «*Vetusta Monumenta*» в контексте дискуссии о репрезентации древних памятников // Вестник СПбГИК. 2017. №2(31). С. 143–146.
259. Паламарчук А.А. Символика и атрибутика королевской власти и антикварный дискурс начала XVII века // Священное тело короля: Ритуалы и мифология власти. М.: Наука, 2006. С. 404–418.
260. Паламарчук А.А., Федоров С.Е. Антикварный дискурс в раннестюартовской Англии / Под ред. Н.А. Хачатурян. СПб.: Алетейя, 2015.
261. Паламарчук А.А., Федоров С.Е. Историческая память и технологии антикварного дискурса: Англия раннего Нового времени // Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Кругъ, 2008.
262. Пронина Е.А. У истоков национального историописания: Андре Дюшен и Уильям Кемден (опыт историко-культурного анализа): дисс. канд. ист. наук. СПб.: СПбИИ РАН, 2013.
263. Терентьева Е.А. Рассуждение о методе Уильяма Кемдена // Диалог со временем. 2015. Вып. 51. С. 300–309.
264. Терентьева Е.А. Эрудитское и антикварное течения в европейской исторической мысли раннего Нового времени // Вестник Гуманитарного факультета СПбГУТ им. проф. М.А. Бонч-Бруевича / Под ред. С.А. Лосева. СПб.: СПбГУТ, 2015. С. 170–175.
265. Федоров С.Е. Антикварное историописание: история и современность в якобитской Англии. СПб: СПбГУ, 2007.

266. Шестакова Н.Ф. Кельтское возрождение в Великобритании (середина XVIII - начало XX века): идентичность и память // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2019. №4. С. 583–591.
267. Barczewski S. *Myth and National Identity in Nineteenth-Century Britain: The Legends of King Arthur and Robin Hood*. Oxford: Oxford UP, 2000.
268. Bending S. Every Man is Naturally an Antiquarian: Francis Grose and *Polite Antiquities*. *Art History*. 2002. V. 25. Iss. 4. P. 520–530.
269. Bignamini I. *George Vertue, Art Historian and Art Institutions in London, 1689-1768: A Study of Clubs and Academies* // *The Volume of the Walpole Society*. 1988. V. 54. P. 1–148.
270. Birch T. *The History of the Royal Society of London, for Improving of Natural Knowledge from its First Rise*. V. 1. L.: A. Millar in the Strand, 1756.
271. Brockliss L., Eastwood D.A. *Union of Multiple Identities: The British Isles, C.1750–C.1850*. Manchester: Manchester UP, 1997.
272. Darrell R. *The Chorographic Tradition and Seventeenth- and Eighteenth-Century Scottish Antiquaries* // *Journal of Art Historiography*. 2011. V. 5. P. 1–18.
273. Erne L.C. *Emendation and the Editorial Reconfiguration of Shakespeare* // *Shakespeare and Textual Studies* / Ed. By S. Massai, M.J. Kidnie. Cambridge: Cambridge UP, 2015. P. 300–314.
274. Evans J. *A History of the Society of Antiquaries*. Oxford: Oxford UP, 1956.
275. Harris G. *Antiquaries in Britain, 1707–2007: Recording and illustrating* // *Making History*. L.: Royal Academy of Arts, 2007.
276. Janet L. *Orality's Silence: The Other Ballad Revival*. Bloomington: Indiana UP, 2007.

277. Kennedy A. *Antiquity and Improvement in the National Landscape: the Bucks' Views of Antiquities // Tracing Architecture: The Aesthetics of Antiquarianism*. Oxford: Blackwell, 2003. P. 68–79.
278. Lynch J. *Criticism of Shakespeare // Shakespeare in the Eighteenth Century* / Ed. by F. Ritchie, P. Sabor. Cambridge: Cambridge UP, 2012. P. 41–59.
279. Lolla M.G. *Monuments and Texts: Antiquarianism and the Beauty of Antiquity // Tracing Architecture: The Aesthetics of Antiquarianism*. Oxford: Blackwell, 2003. P. 11–29.
280. Lolla M. G. *Ceci n'est pas un monument: Vetusta Monumenta and Antiquarian Aesthetics // Producing the Past: Aspects of Antiquarian Culture and Practice, 1650–1850* / Ed. by Myrone M., Peltz L. Aldershot: Ashgate, 1999. P. 15–34.
281. Momigliano A. *Ancient History and the Antiquarian // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes*. 1950. V. 13. No. 3. P. 285–315.
282. Momigliano A. *Ancient History and the Antiquarian. Studies in Historiography*. L.: Weidenfeld & Nicolson, 1966. P. 1–39.
283. Myers A.R. *England in the Late Middle Ages*. L.: Penguin, 1991.
284. Myrone M. *Graphic Antiquarianism in Eighteenth-Century Britain: the Career and Reputation of George Vertue // Producing the Past: Aspects of Antiquarian Culture and Practice, 1700–1850*. Cambridge: Ashgate, 1999. P. 35–54.
285. Morton T., Butler M., Chandler J. *Shelley and the Revolution in Taste: The Body and the Natural World*. Cambridge: Cambridge UP, 1995.
286. Piggott S. *Ruins in a Landscape: Essays in Antiquarianism*. Edinburgh: Edinburgh UP, 1976.
287. Platt C. *Medieval England: A Social History and Archaeology from the Conquest to AD 1600*. L.: Routledge & Kegan Paul, 1978.
288. Schnapp A. *The Discovery of the Past*. L.: British Museum Press, 1997.

289. Sherbo A. *Johnson on Shakespeare* / Introd. by B.H. Bronson. New Haven: Yale UP, 1968.
290. Sherbo A. *The Achievement of George Steevens*. N.Y.: P. Lang, 1990.
291. Smiles S. *The Image of Antiquity: Ancient Britain and the Romantic Imagination*. New Haven: Yale UP, 1994.
292. Snyder E.D. *The Celtic Revival in English Literature, 1760–1800*. Cambridge: Harvard UP, 1965.
293. Sorensen J. *Alternative Antiquarianisms of Scotland and the North* // *Modern Language Quarterly*. 2009. V. 4. No. 70. P. 415–441.
294. Sorensen J. *The Debatable Borders of English and Scottish Song and Ballad Collections // Romanticism's Debatable Lands* / Ed. by Lamont C., Rossington M. L.: Palgrave Macmillan, 2007. P. 80–82.
295. Sprat T. *The History of the Royal-Society of London for the Improving of Natural Knowledge*. L.: S. Chapman, 1722.
296. Stone L. *The Educational Revolution in England 1560–1640* // *Past and Present*. 1964. № 28. P. 41–80.
297. Sweet R. *Antiquaries: the Discovery of the Past in Eighteenth-Century Britain*. L.: A&C Black, 2004.
298. Pearce S.M. *Visions of Antiquity: The Society of Antiquaries of London, 1707–2007*. L.: Society of Antiquaries of London, 2007.
299. Walsh M. *Literary Scholarship and the Life of Editing* // *Books and Their Readers in Eighteenth-Century England: New Essays* / Ed. by I. Rivers. L.: Leicester UP, 2001.

5. Работы, посвященные жизни и творчеству Дж. Ритсона

300. Basdeo S. *Discovering Robin Hood: The Life of Joseph Ritson – Gentleman, Scholar and Revolutionary*. Barnsley: Pen and Sword History, 2021.

301. Bronson B. Joseph Ritson, Scholar-at-Arms. Berkeley: California UP, 1938.
302. Burd H.A. Joseph Ritson: A Critical Biography. Illinois: University of Illinois Studies, 1916.
303. Harris N. The Life of Joseph Ritson // The Letters of Joseph Ritson, Esq. Edited Chiefly from Originals in the Possession of His Nephew / Ed. by Nicholas Harris. L.: William Pickering, 1833.
304. Haslewood J. Some Account of the Life and Publications of the Late Joseph Ritson. L.: R. Triphook, 1824.
305. Jones H. Joseph Ritson: A Romantic Antiquarian // The Sewanee Review. 1914. No. 22. P. 341–350.
306. Mackenzie M. L. The Great Ballad Collectors: Percy, Herd, and Ritson. Studies in Scottish Literature. 1964. V. 2. Iss. 4. P. 213–233.
307. McNutt G.T. Joseph Ritson and the publication of early English literature. Edinburgh: Edinburgh UP, 2018.
308. Moreland C.C. Ritson's Life of Robin Hood // PMLA. 1935. V. 50. No. 2. P. 527–528.
309. Morton T. Joseph Ritson, Percy Shelley and the Making of Romantic Vegetarianism // Romanticism. 2006. V. 12, No. 1. P. 52–61.
310. Osborn J. Joseph Ritson, Scholar at Odds // Modern Philology. 1940. V. 4. No. 37. P. 419–429.
311. Pearsall R. Scott and Ritson on Allan Ramsay // Modern Language Notes. 1951. V. 8. No. 66. P. 551–553.
312. The Letters of Joseph Ritson, Esq. / Ed. by N.H. Nicolas. L.: W. Pickering, 1833.

III. Справочная и энциклопедическая литература

313. История всемирной литературы. Т. 1–8 / Под ред. Г. П. Бердникова М.: Наука, 1989. Т. 5–6.

314. Краткая литературная энциклопедия. В 9 т.т. / Под ред. А.А. Суркова. М.: Советская энциклопедия, 1962–1978.
315. Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: Т. 1–2 / Под ред. Н. Бродского, А. Лаврецкого, Э. Лунина, В. Львова-Рогачевского, М. Розанова, В. Чешихина-Ветринского. М.; Л.: Л.Д. Френкель, 1925.
316. Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А.Н. Николюкина. М.: Интелвак, 2003.